

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть II

Москва
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988

Часть II

Москва
"НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1990

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Н.В.Едисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель), М.Б.Пиотровский,
Э.Н.Темкин (зам.председателя).

М.А.Болдырева

НЕСКОЛЬКО УРОВНЕЙ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ Т.Х.НУРХАДИ

Поэзию Т.Х.Нурхади отличают черты, свойственные в той или иной степени творчеству многих современных индонезийских поэтов: сложная ассоциативно-образная система; двузначность и многозначность текста, сложный подтекст как следствие этой системы; приемы недоговоренности и намеков, семантический фон. Эти черты обуславливают определенную зашифрованность языка современной индонезийской поэзии. Творчеству поэтессы Т.Х.Нурхади эти черты свойственны в высшей степени.

Стихотворение "Cocktail party" - одно из самых сложных по замыслу, структуре и, соответственно, для понимания - заслуживает особого рассмотрения, - тем более, что оно входит в отдельную часть собрания стихотворений Нурхади "Стихи 33-х",¹ названную "Цикл", и тесно связано по замыслу и художественным особенностям с другими стихами этой части.

Тесно связанные между собой разнозначные уровни этого стихотворения не так легко различимы и трудно разделимы. Отдельные слова и предложения имеют одно значение в непосредственном контексте, а в контексте целой строфы и всего стихотворения, а также других стихотворений этого цикла способны приобретать другое значение. Интересно, что окончательное понимание этого стихотворения почти невозможно: некоторые строки таят в себе двузначность, как загадочные картинки. Ткань его представляется не постоянной, данной раз и навсегда, но - зыбкой, изменчивой, похожей на картинку с оборотной стороны детского календаря, которая при взгляде на нее под другим углом зрения превращается в другую картинку, что создает иллюзию движения. Поэт сознательно вводит читателя в заблуждение, заставляет его сомневаться, играет с ним. Это - в характере всей поэзии Нурхади и тесно связано с такими чертами, чрезвычайно свойственными ее поэтической индивидуальности, как ирония и самоирония.

Все эти наблюдения следуют из формальной стороны стихотворения.

Но приведем текст стихотворения "Cocktail party":

расправить складки платья²
в безупречный узел волосы стянуть, оставив
легкий завиток на лбу и -
сражение можно начинать
состязание со временем
со скукой, к тому же
на карту поставлены иллюзии
соломинки среди урагана
в ярости тайфуна, свирепствующего среди людей

тайфуна? ах, разве кто-то
все еще помышляет о подобном?
посмеиваться, пальцы себе кусать - то
выхолощенные чувства
огромность чувств только богам пристала
но треск и вой костра на
суше выжженной земли
дикий ветер, стеганье молний
последуют неотвратимо

пугающая женщина, с которой я говорила
с резкой линией бровей и ядом насмешек

громко смеялась -
я была загнана в ловушку, со стаканом вина в руке
III терпеливо улыбалась, маскируя страх -
в комнате гудело эхо
бормотанья выражений почтений, приветствий
взметнув подолом радужного платья, как хвостом, та женщина
ушла, гости были восхищены

почему же меня била дрожь беспокойства
я переводила тяжело дыхание, обессилен
как от сражения на арене?

IV говорят, что только смерть может отнять любовь
но жизнь ее издергивает, и смерть становится
иллюзией надежды на встречу
но только, если ты тоже хочешь этого

восхитительная отчужденность, все
что любили, что давно исчезло -
когда тонут

У в близости и небытии
длительное сновиденье без страданий
а как же ярость тайфуна, свирепствующего среди людей?
бормотанья, улыбки и рукопожатья

В строфе I мы находим подчеркнуто поверхностное изображение приготовлений к cocktail party: женщина собирается на вечер – это дано в безличной форме, – каждая женщина так делает.

Но уже в этой строфе, начиная со слов "сраженье можно начинать", которое можно понять как женское состязанье в красоте, остроумии и пр. на арене cocktail party, являющейся, очевидно, своего рода ярмаркой женского тщеславия, – начиная с этих слов, мы встречаем слова какого-то другого смыслового уровня: "состязанье со временем", "иллюзии", которые поставлены на карту", "ярость тайфуна, свирепствующего среди людей" ... Возникает вопрос, не слишком ли все это тяжелые слова для такого легкого начала и самого названия стихотворения – "Cocktail party"? Эта кажущаяся несовместимость уже в начале стихотворения наводит на мысль, что арена cocktail party – это также и арена самой жизни. Но это предположение еще должно подтвердиться в остальной части стихотворения.

Во второй строфе содержится размышление о смысле упомянутого в первой строфе тайфуна: тайфун (чувств, страстей – имеется ввиду) – конечно же, несовместим с cocktail party, и вообще о подобном больше никто и не помышляет. Вот "посмеиваться, пальцы себе кусать" – такие "выхоленные чувства" как раз уместны здесь (и распространены в жизни, если в стихотворении имеется ввиду эта аналогия: cocktail party и жизнь). А "огромность чувств – только богам пристала".

В третьей строфе появляется "пугающая женщина", и только здесь, наконец, – лирическое "я", с появлением которых мы, кажется, начинаем понимать смысл стихотворения: от чисто внешнего изображения cocktail party, перемежающегося со словами многозначительными и, казалось бы, неуместными (в I строфе) и философски-абстрактными рассуждениями о несовместимости больших чувств и страстей с cocktail party (во II строфе) – здесь происходит переход к коллизии человеческих отношений: столкновению лирического "я" с "пугающей женщиной" (что вместе с изображением фона светской суеты cocktail party представляет очень выразительную сцену). Читатель вправе подумать, что этой сценой из светской жизни на вечере коктейлей исчерпан смысл стихотворения. Но в IV строфе снова появляются слова и мысли, "неуместные" на этом свет-

ском фоне: смерть, любовь, смерть как иллюзия надежды на встречу, и здесь совсем неожиданно — уже к концу стихотворения — возникает еще один персонаж — "ты". Это "ты" появляется единственный раз — в непосредственном обращении к нему лирического "я", сделанном вскользь и представляющем нечто вроде оговорки: "... и смерть становится иллюзией надежды на встречу / но только, если ты тоже хочешь этого". Появление "ты", хоть и мимолетное, — очень значительно: вместе с ним возникает второй план: cocktail party — это лишь часть драмы, сцена из драмы, разыгравшейся за пределами стихотворения; и это — не просто столкновение лирического "я" с "пугающей женщиной" на своего рода ярмарке тщеславия, но это — уже коллизия любовного треугольника, где "я" потерпело такое поражение, что смерть стала желанной.

Этот поворот — в IV строфе — от встречи на светской вечеринке к конфликту и ценностям совсем иного рода, другого уровня — происходит, — как это и характерно для всего стихотворения, — без подготовки, совсем неожиданно для читателя: от слов "я переводила тяжело дыхание, обессилев, / как от сраженья на арене..." — переход к совсем иной интонации, отрешенной от светской суеты, интонации размышления: "говорят, что только смерть может отнять любовь...". Вслед за этим высказывается несколько парадоксальная мысль, что не смерть отнимает любовь, но жизнь убивает ее, и тогда смерть становится иллюзией надежды на встречу. Любовь здесь отождествляется со смертью на уровне вечности. Следующие строки "но только если ты тоже хочешь этого" — эта оговорка самоиронична: чтобы питать надежду на встречу в смерти, нужно, по меньшей мере, согласие другой стороны. Эти слова являются снова — неожиданным поворотом от очень серьезных мыслей, которые только что были высказаны, как будто автор хочет рассеять впечатление от этой серьезности. Но в последней строфе снова продолжается, как будто против воли автора, тема смерти как подобия любви, в которой лирическое "я" надеется на осуществление несбывшегося в любви при жизни.

Кончается стихотворение вопросом: "А как же ярость тайфуна, свирепствующего среди людей?/бормотанья, улыбки, рукопожатья". Это — повторение вопроса о ярости тайфуна (страстей и чувств), заданного во второй строфе, — но только уже на другом уровне: там ответом была несовместимость его с cocktail party и ненужность для людей: "огромность чувств только богам пристала", а здесь — в последней строфе, после всего сказанного о мире высоких чувств, — ответом на данный вопрос является признание этого мира для человека.

Последняя строка - "бормотанья, улыбки, рукопожатья", которая является варьирующимся повтором из III строфы ("эхо бормотанья выражений почтений, приветствий"), может означать, что этот мир высоких страстей и больших чувств совмещается с миром человеческой суетности, (как это и происходит в реальной жизни).

Но символом мира человеческой суетности как раз и является cocktail party. Cocktail party символизирует саму жизнь с ее суетой, пустотой; этому миру противостоит мир высоких чувств и надежда (иллюзорная) на любовь в смерти, то есть это - как минимум - смерть. В этом стихотворении с темой cocktail party на самом деле идет речь о противостоянии самом серьезном - противостоянии жизни и смерти. Таким образом, прочитав стихотворение до конца (и вникнув в него), мы получаем подтверждение нашему предположению, высказанному вначале, что cocktail party символизирует саму жизнь. При таком понимании смысла стихотворения последняя строка может означать и другое: в ответ на вопрос, заданный в предыдущей строке о ярости тайфуна чувств, дается однозначный ответ: да, это - для людей, и какие уж там могут быть "бормотанья, улыбки и рукопожатья", когда речь идет о ценностях совсем иного уровня. У поэта такого склада, как Т.Нурхади, и на фоне другой современной индонезийской поэзии, в этом стихотворении легко угадывается экзистенциалистский выбор, касающийся понятий жизнь, любовь, смерть.³

Разные смысловые уровни находят свое выражение в семантике и в синтаксисе, в графике и звуковой стороне.

Семантически значение cocktail party как символа жизни подтверждается также в других словах и выражениях уже в первой строфе: слово "pertarungan" - "сражение", которое означает также и борьбу за существование на жизненной арене, разрабатывается в следующих за ним строках: "состязанье со временем, со скукой, к тому же/на карту поставлены иллюзии". В четвертой строфе мы встречаем выражение "saingan dalam arena", подтверждающее значение cocktail party как символа жизненной борьбы за существование, а также жизненной суетности, пустоты. Звуковое же соответствие между "pertarungan" и "pertaruhan (ilusi)" - "на карту поставлены иллюзии" объединяет эти два слова - "pertarungan" со значением борьбы за существование и "pertaruhan (ilusi)" со значением пустоты - в одном значении символа жизни.

Оппозиция cocktail party как символ жизненной пустоты и - любовь в смерти - следует также из оппозиции выражений, опреде-

ляющих cocktail party в первой строфе и выражений, определяющих "возрождение" любви в смерти – в последней строфе. Так, "состязание со временем" – в первой строфе – противоположно выражению "когда тонут в близости и небытии" – в последней строфе; "состязание со скукой" первой строфы противоположно "восхитительной отчужденности" последней строфы; выражение "на карту поставлены иллюзии" первой строфы противостоит "длительному сновиденью без страданий" последней строфы и т.д.

Для стихотворения характерно разное осмысление одних и тех же слов – в непосредственном контексте и – в контексте всего стихотворения, возврат к предыдущим словам и выражениям – уже на ином смысловом уровне. Так, "выхоленные чувства" из второй строфы сначала воспринимались как обозначающие внутреннюю пустоту, но, когда мы дочитали стихотворение до конца, и столкновение на арене cocktail party стало восприниматься как жизненная драма в философском осмыслении, – эти "выхоленные чувства" стали означать уже нечто гораздо более значительное: внутренний крах, наступившее отсутствие смысла жизни для лирического "я".

Разные смысловые уровни осуществляются также в синтаксическом выражении. Синтаксически построение стихотворения отличается противоречивостью. (Стихотворение содержит пять строф, две первые строфы состоят из девяти строк, две последние – семистрочны). Большая часть строк представляет не вызывающие сомнений самостоятельные, обособленные синтаксические единства – настолько явные, что некоторые из них являются индонезийскими пословицами или поговорками ("seutas benang dalam taufan" ("соломинки среди урагана"), "amuk badai antara insan" ("ярость тайфуна, свирепствующего среди людей"), "hanya maut pisahkan cinta" ("только смерть может убить любовь") и т.д. Но, как правило, синтаксическая целостность и уже выработанное у читателя восприятие видимой упорядоченности, традиционности стихотворной структуры не раз – и каждый раз – неожиданно для читателя нарушается переносами, как межстиховыми, так и межстроковыми, нередко создавая эффект двусмысленности и ставя читателя перед проблемой толкования таких строк, вплоть до восприятия их на разных смысловых уровнях.

Например, спорный вопрос: есть перенос или нет его между второй и третьей строфами. (Двузначности толкования в этом и других случаях способствует графика стихотворения: отсутствие заглавных букв и знаков препинания в конце строк).

Вторая половина второй строфы и начало третьей:

/...../

огромность чувств только богам пристала
но треск и вой костра
на суче выжженной земли
дикий ветер, стеганье молний
последуют неотвратно

пугающая женщина, с которой я говорила /.../

Естественно думать, что страшные природные явления, о которых идет речь, придут вслед огромности чувств. Известный голландский индонезист А.Тэу⁴ думает иначе: он склоняется к тому, что между этими строфами есть синтаксический перенос, и тогда получается, что все эти явления природы придут вслед за "пугающей женщиной". Индонезийский текст допускает и такое понимание:

/...../

mengiringi

perempuan seram yang kuhadapi /.../

В нашем понимании, которое соответственно отражено в приведенном переводе, речь идет о мире больших чувств и страстей, но и об их разрушительности в плане общечеловеческо-философском, что подтверждает версию значения cocktail party как символа жизни. Если же понимать эти строки, исходя из наличия здесь междустрофического переноса, то здесь речь идет лишь о столкновении "пугающей женщины" с лирическим "я" на арене cocktail party. В первом случае восприятие изображаемого происходит на уровне абстрактно-философском, во втором – на конкретном, лирико-драматическом уровне.

В пользу нашего понимания, следующего из чтения второй строфы как обособленной, говорит структура всего стихотворения, достаточно упорядоченная в своей основе. Здесь напрашивается аналогия с третьей, следующей строфой, последним словом которой является слово "mengagumi" ("восхищены"), аналогичное по форме и звучанию "mengiringi" ("следуют"), о котором идет речь. Это "mengagumi" соотносится со словом предыдущей строки – "perempuan" ("женщина"): восхищены – женщиной, и никакого переноса значения в следующую строфу здесь нет. Та же самая связь, как мы полагаем, должна быть и во второй строфе, о которой – речь: названные природные явления соотносятся с "огромностью чувств" предыдущей строки, но не с "пугающей женщиной" из следующей строфы.

Такое толкование представляется нам логичным, но оно не ис-

ключает наличия тонкой связи между второй и третьей строфами, если принять во внимание контекст всего стихотворения. Возможность такого понимания следует уже из контрастного перехода от абстрактных размышлений о разрушительной силе "огромности чувств" к возникшей вдруг "пугающей женщины", с которой начинается следующая строфа. Озадаченный читатель невольно спрашивает: "При чем тут "пугающая женщина"?", - тем самым заостряя свое внимание на необходимости какой-то связи и находя ей подтверждение в контексте остальной части стихотворения. То есть эти строки, очевидно, представляют тот случай, когда два смысловых уровня сосуществуют одновременно, если и не совсем равноправно. (При переводе необходимо остановиться на какой-то одной синтаксической и, следовательно, смысловой связи: если индонезийский текст допускает два толкования, то перевод, как правило, однозначен).

Семантическое и синтаксическое выражение того или иного смыслового уровня подтверждается в звуковом и графическом выражении. Ярким примером совокупности формальных средств - семантических, синтаксических, графических и звуковых, выражающих определенный смысловой уровень, являются рассмотренные выше строки из первой строфы. Звуковое соответствие между словами "pertarungan" - "сражение", означающее также жизненную борьбу за существование, и "pertaruhan (ilusi)" - "на карту поставлены иллюзии", означающее пустоту жизни, которое объединяет эти два слова в одном значении символа жизни, подчеркивается также и графически. Эти строки представляют укороченные стихи, начинающиеся не с начала абзаца, но сдвинутые вовнутрь. (Такие стихи, содержащиеся в каждой строфе, не являются, в отличие от других стихов строфы, синтаксическим единством, но представляют случаи переносов, смысл которых бывает неоднозначным).

Можно было бы еще подробно говорить о звуковой стороне стихотворения, которая тесно переплетается с другими формальными средствами и служит также для выражения прихотливой неоднозначности его, разных смысловых уровней.

Стихотворение "Cocktail party" перекликается с другими стихами целого цикла сборника "Стихи 33-х", строки которых помогают - взаимно - уяснению смысла каждого из них. В стихотворении, названном "Цикл", например, встречаем изображение любви как "состязание со временем" - "berlomba dengan waktu" (в стихотворении "Cocktail party" это выражение употребляется в отношении самой жизни). Там же встречается выражение "огромность (чувств), еще таящих отчужденность" - "Kedahsyatan yang masih asing"

(ср. в стихотворении "Cocktail party" - "kedahsyatan hanya untuk dewa-dewa" - "огромность (чувств) только богам пристала" и "keasingan yang mepersona" - "восхитительная отчужденность") и т.д.

Явственная различимость - в конечном итоге - в этом стихотворении нескольких смысловых уровней, выраженных посредством совокупности всех названных изобразительных средств, делает чтение его, постижение его смысла, похожее на разгадывание загадки, - в контексте с другими стихотворениями цикла - увлекательным, а традиционный и достаточно банальный сюжет классического любовного треугольника воспринимается здесь по-новому.

Раскрытие особенностей стихотворения "Cocktail party" важно для понимания всего творчества Тути Нурхади, впитавшего многие характерные черты современной индонезийской поэзии, и, в частности, поэтики, но, в силу своего ярко выраженного своеобразия, занимающего в ней особое место.

-
1. Toety Heraty Noerhadi. Sajak-Sajak 33, Budaja Yaya, 1974.
 2. Отсутствие знаков препинания в конце стихотворения в переводе соответствует их отсутствию в оригинале.
 3. Toety Heraty Noerhadi. Existensialisme dalam dimensi realitas, Horizon, 1966, p. 316-317.
 4. A.Teeuw. Tergantung pada kata. Jakarta, 1980, p. 84.

А.Д.Бурман

СЦЕНА СОТВОРЕНИЯ МИРА В БИРМАНСКОЙ И САНСКРИТСКОЙ ДРАМЕ

Наблюдения над текстами пьес XIX века показывают, что мир бирманской драмы - это мифологическое пространство, охватывающее собой всю вселенную. Государство Бирма отождествляется со вселенной, с четырьмя островами вокруг центра мира - горы Меру, с островом Замбудипа, а её король - с центром вселенной. Эти представления, основанные на индуистско-буддийской космологической схеме, были актуальны для бирманцев вплоть до конца XIX века. Пока бирманская империя не распалась под ударами англичан. Подобные титулования были необходимым компонентом не только художественных, но и документальных жанров бирманской словесности - таких, как исторические хроники, документы, указы. Они были также неотъемлемой принадлежностью придворного этикета. Исключи-

тельный интерес бирманцев к проблемам мироздания, поддерживающий гипотезу о древнем театре как модели вселенной,¹ проявлялся не только в драматургическом тексте, но и на уровне театрального представления.

Вплоть до начала XX века любой спектакль театра марионеток в Бирме открывался обязательной стандартной сценой сотворения мира. Три удара цимбал и барабанов возведали о начале представления. На сцене изображалось появление мира и его разрушение огнем. Затем появлялись горы и долины – потоки дождя разрушали и этот мир. Воды стекали и возникал третий мир, существующий и поныне. На сцене появлялись изображения солнца, луны и планет, выдвигалась из первичного океана гора Меру. Затем на сцену выходила марионетка "накадо" (шаманка). Она пела гимн во славу высших натов (согласно представлениям бирманцев, в начале мира существовали высшие наты, т.е. боги, а, впоследствии появились низшие наты – местные духи, обитавшие на земле). Накадо предлагала подношение королю богов – Индре-Тиджамину, просила его спуститься из небесного дворца, чтобы благословить землю. Далее возникали первобытные джунгли, нарисованные на заднике. Появлялось первое животное – белая лошадь, которая прискакала с небес, чтобы взглянуть на землю и умчаться обратно.² Пробегала черная обезьяна с зеленой мордочкой, красный попугай, тигр, слон.

Далее следовала традиционная битва слона и тигра, в которой слон неизменно оказывался победителем. Выходили 2 чудовища–билу, зеленое и красное и танцевали, демонстрируя свою злобную силу, а за ними волшебник зоджи в красной бархатной мантии и турбане исполнял свой стремительный танец. Наконец, исполнялась сцена пидекхан (основание государств). На сцену, изображавшую в этот момент дворцовый зал, под церемониальную музыку входили король и четыре министра. Они обсуждали государственные дела, и содержание их беседы являлось ключом к последующему развитию сюжета пьесы.³

Все театральное представление толковалось знатоками театра следующим образом: периодическое созидание и разрушение бесчисленных миров; создание земли и появление в её центре горы Меру; заселение земли духами–натами; прибытие с небес Индры–Тиджамина; возникновение на земле растительности и животного мира; неизбежное зло, грозящее человечеству в образе схватившихся в поединке чудовищ–билу; попытка человека с помощью волшебства овладеть окружающим миром, что символизировал стремительный танец мага–зоджи; возникновение государственности (сцена дворцовой аудиенции) и, наконец, рассказ о жизни человека на земле, что символизировал последующий сюжет пьесы.

Таким образом, в одном спектакле символически воспроизводился весь процесс зарождения и развития вселенной, эволюции земли и последующей деятельности на ней человека.

В прологе перед каждым представлением театра живых актеров исполнялся (и в сокращенном виде исполняется по сей день) лишь фрагмент из сцены сотворения мира. До недавнего времени в него входили: музыкальное вступление, символизирующее созидание и разрушение миров; выход танцовщицы накадо и совершение ею обряда поклонения четырем странам света; трехчастный гимн-инвокация к Индре-Тиджамину, духам-натам и публике; подношение им даров; исполнение танцовщицей стремительного танца со все возрастающей скоростью.⁴

Изображение прибытия на землю Индры-Тиджамина в прологах кукольного театра и театра живых актеров побуждает нас обратиться к самому известному бирманскому празднику – Тинджан (празднование Нового года).

Основным событием праздника является ежегодное "сошествие" на землю короля богов Индры-Тиджамина. Он "проводит" на земле 2–3 дня старого года и в день его "отбытия" наступает Новый год. Праздник начинается в середине апреля и длится в течение трех-четырех дней. День прибытия Тиджамина называется "Днем сошествия", день (или два) пребывания на земле называется "Днем посещения", а день отбытия – "Днем восхождения". В течение этого времени пожилые люди постятся, соблюдают 10 буддийских заповедей и совершают приношения в монастырях и пагодах. Считается, что, прибыв на землю, Тиджамин приносит с собой две книги – в одной книге он записывает добрые дела людей, в другой – дурные. Точное время прибытия и отправления бога вычисляется астрологами, они же составляют гороскоп на следующий год. Перед наступлением Нового года хозяева каждого дома наливают в горшки свежую чистую воду и ставят их на порог. Когда удар пушки возвещает о моменте сошествия бога на землю, все медленно выливают воду из горшков, молясь о благополучии, хорошем урожае и своевременном приходе дождей в новом году. Затем наступает праздник воды, когда все жители города и деревни высыпает на улицу и обливают друг друга водой.

Объяснение ежегодному сошествию Тиджамина в мир людей можно найти в бирманском этиологическом мифе о сотворении земли, который почти полностью совпадает с тем же мифом из буддийского трактата "Абхидхармакоша" Васубандху. Когда земля возникла, на ней еще не было следов жизни. Несколько богов с небес Брахмы (высшие небеса буддийских богов) захотели осмотреть только что соз-

данную землю. Они обнаружили, что почва на ней очень сладкая и стали большими кусками есть её. По мере того, как они ели землю, утрачивались их сверхъестественные качества. Они не могли уже взлететь на небо, но продолжали есть землю. Вскоре исчезло сияние, которое испускали их божественные тела, они оказались в полном мраке. Тогда боги стали с плачем звать Тиджамина, чтобы он спустился на землю и помог им. Они и стали первыми обитателями земли. Благодаря вмешательству короля богов, боги планет сделали так, чтобы солнце, луна и планеты стали видимыми с земли. Затем на земле появилась растительность, за ней и животный мир. Король богов научил обитателей земли многим умениям и навыкам и отбыл на небо с обещанием нисходить на землю в конце каждого года.⁵

Сопоставление мифа о происхождении земли со сценой сотворения мира в театре марионеток показывает, что эта сцена, по сути дела, является довольно точным воспроизведением мифа. И в том и в другом случае совпадают все основные моменты: сотворение земли; появление небесных светил; обитание на земле высших натов; призыв к королю богов Тиджамину спуститься с небес на землю; возникновение растительности и мира животных. Единственным отличием является тот момент, что в театре марионеток инвокацию к Тиджамину осуществляют не наты, а их "заместительница" - символическая супруга ната "накадо" (досл. супруга ната, т.е. шаманка).

Отсюда можно предположить, что сцена сотворения мира в бирманском театре марионеток являлась реминисценцией ритуала (или части ритуала), воспроизводившего миф о воссоздании мира в дни обрядового празднования Нового года.

Здесь хотелось бы подчеркнуть несколько моментов:

1. Возможность того, что первоначально сцена сотворения мира составляла основное содержание кукольного спектакля, на что указывают некоторые бирманские исследователи;⁶

2. Устойчивый, повторяющийся характер этой сцены на представлениях кукольного театра в течение нескольких веков вплоть до нашего времени, что свидетельствует о ее высоком статусе в иерархии культурных ценностей бирманского народа;

3. Исполнение в Бирме и по сей день перед всеми видами театральными представлениями умиловительного пролога, который является фрагментом из сцены сотворения мира;

4. Сохранение магического смысла пролога - считается, что он способствует установлению мирового порядка и гармонии. Если пролог не будет исполнен, актеров и зрителей постигнет несчастье.

В настоящее время мы не имеем сведений о том, как осуществлялся в древности новогодний ритуал, каким образом он исполнялся на сцене бирманского театра. Предварительная реконструкция ритуала, воспроизводившего величественную картину сожидания космоса при переходе старого года в новый, приводит нас к рассмотрению сходного обрядового праздника в древней Индии.

По свидетельству древнеиндийского театрального трактата "Натьяшастра" /ок. 2-3 в. н.э./, традиция связывает начало театра с представлениями, на которых изображалась победа Индры над асурами (демонами).

Эти театральные действия разыгрывались на празднике Индры, который справлялся в конце года и должен был обеспечить всеобщее процветание и победу над врагами. Центральным событием праздника было воздвижение на площади привезенного из леса дерева, которое символизировало знамя Индры и отождествлялось с самим богом. В последний день старого года дерево выбрасывали в воду, чтобы передать земле и воде его животворную силу.⁷

Согласно космогоническому мифу, реконструированному из ведийских текстов, в начале мира из первичных вод возникла гора, которая блуждала по поверхности вод. В ней потенциально содержались свет, жизнь, и все необходимое для существования человечества. Затем из царства тьмы, окружавшего гору, возник Индра. Он бросил в гору свою ваджру и тем самым пригвоздил ее к определенному месту, одновременно расколов ее. Он раздвинул небо и землю, и из горы возникло космическое дерево, которое стало центральным столпом вселенной, поддерживающим небеса. В этот момент, воспроизводимый затем в празднике знамени Индры, бог и мировой столп были идентичны. Что касается открытия холма, то это означало завоевание царства асуров, а также освобождение вод жизни, которые они охраняли.⁸

Как показали недавние исследования видного индолога Ф.Б.Дж. Кейпера, во вступительной сцене театрального представления, описанного в "Натьяшастре", изображалось повторение космогонического акта сожидания мира. Центральным моментом пурваранги – пролога перед санскритской драмой было превращение сцены в сакральное пространство путем совершения специальных церемониальных действий. Затем воздвигался бамбуковый шест, олицетворявший одновременно как победоносное знамя Индры, так и ваджру, которой он отделил небо от земли в начале творения. Повторение акта сотворения мира должно было освящать последующий год. Следовательно, пурваранга была первоначально ритуалом, предназначенным для того, чтобы воспроизвести на сцене первобытный сакральный мир и космогонический акт Индры.

Это действо символизировало начало нового мира в новом временном цикле.⁹

Если верно наше предположение о том, что сцена сотворения мира в бирманском театре марионеток была когда-то ритуалом, повторявшим космогонический акт Индры-Тиджамина в праздник Нового года, то налицо его явное соответствие в пурварангой санскритского театра.

Сопоставление прологов перед представлением театра марионеток и театра живых актеров в Бирме с прологом "пурваранга" древнеиндийского театра показывает, что между ними имеются определенные соответствия:

1. Исполнение музыкального вступления. В санскритской драме эта часть пролога называется "ниргита" и исполняется, чтобы успокоить демонов – дайтьев и данавов. По мнению Ф.Б.Дж.Кейпера её опасный характер подчеркивается тем, что она исполняется за сценой. В бирманском прологе музыкальное вступление также предназначено для того, чтобы успокоить зловещие силы, которые, однако, предстают в буддийской интерпретации – в виде трех космических стихий – урагана, пожара и ливня, угрожающих вселенной.

2. Прадакшина – круговой обход сцены и поклонение четырем странам света. В санскритском варианте его исполняет сутрадхара (директор театра), в бирманском – танцовщица накадо. Сутрадхара начинает прадакшину из центра сцены, которая называется в этот момент "брахмамандалой". Исполнение прадакшины и поклонение странам света показывает, что сцена в этот момент является мандалой. Скорее всего, такое же значение имело и поклонение странам света, исполняемое бирманской танцовщицей накадо.

3. Нисхождение на сцену Индры – в санскритском варианте он воплощается в сутрадхаре, в бирманском – нисходит в танцовщицу, стоящую у дерева в центре сцены. В первом случае Индра является устройтелем космоса – сутрадхара, устанавливая шест Индры, воспроизводит этим акт отделения неба от земли; во втором случае Индра нисходит на землю, чтобы обеспечить условия для существования на ней человечества.

4. Исполнение хвалебного гимна. В санскритской драме гимн исполняется сутрадхарой в честь богов и брахманов, актеров, публики; в бирманской – его исполняет танцовщица в честь верховного божества, местных духов и публики. Т.е. в обоих случаях произносятся благопожелания для мира богов, мира духов (или посредников между миром богов и миром людей, как в санскритском варианте) и миром людей.

5. Исполнение стремительного танца со все возрастающей скоростью. В первом случае его исполняет, очевидно, мужчина – актер, во втором – либо маг-заджи (театр марионеток), либо танцовщица (театр живых актеров). В "Натьяшастре" есть указание на то, что это танец "тандава" (космический танец Шивы, всеразрушающий и созидающий) – т.е. танец имеет космогоническое значение.

6. Выход танцовщицы, совершающей подношение богам. Цель жертвоприношения – ублаготворить враждебные силы, умиловать богов, обеспечить процветание социуму – в санскритском и бирманском вариантах. В обоих случаях танцовщица совершает жертвоприношение, чтобы обеспечить спокойствие космоса в целом.

Следовательно, все совпадающие элементы прологов санскритской и бирманской драмы имеют четко выраженные мироустроительные характеристики.

Надо отметить, что в бирманском театре марионеток воспроизводился не ведийский миф творения, а буддийский, трансформированный в соответствии с анимистическими представлениями бирманцев. Однако те поразительные совпадения, которые имеются в прологах бирманской и санскритской драмы, явлениях, так далеко отстоящих друг от друга в пространстве и времени, наводят на мысль, что архаический древнеиндийский обряд был заимствован бирманцами от их предков – пью, которые обитали на территории современной Бирмы еще в первые века нашей эры и наряду с буддизмом исповедовали индуизм.

Возможно, именно с этим связана устойчивость в Бирме космологических представлений, сходных с древнеиндийскими. Например, в бирманской драматургии король постоянно идентифицировался с Индрой и его аналогами – мировым столпом, ваджрой, мировым деревом, осью мира, определялся как "воздвигающий победоносное знамя", "устанавливающий стяг" и т.д.

Подобные определения скорее соответствуют месту Индры, как верховного божества ведийского пантеона, так как в буддийской иерархии богов Индра под именем Шакра занимает второстепенное место. Кроме того, сопоставление ведийского мифа и ритуала с бирманским позволяет объяснить некоторые неясные моменты бирманской новогодней обрядности. Например, выливание на землю воды из горшка хозяином дома, возможно, соответствует освобождению вод жизни в ведийском мифе и ритуале (кстати, сходная деталь обряда присутствует и в санскритской пурваранге).

Очевидно, лишь впоследствии на древнеиндийскую обрядность наложился шаманский комплекс (шаманка накадо, танцующая у дерева

и призывающая Индру-Тиджамина спуститься с небес, чтобы соединиться с ней), а затем и буддийский космогонический миф.

Детальное сопоставление прологов сцен в бирманском и санскритском театре и анализ связанных с ними мифов творения позволяют предположить, что первоначальный театр как в Бирме, так и в Индии имел определенное структурное сходство и был связан с новой обрядностью.

-
1. См.: А.Д.Бурман. К вопросу о типологии театрального пространства на Востоке. - НАА, М., 1987, № 6.
 2. Согласно информации Кхин Мьо Чи, появление лошади означало, что в момент создания неба и земли из первобытного хаоса первым на небе появилось созвездие атаваннинаккха (санскр. ашвиннакшатра) - первый из двадцати семи лунных домов (по астрономическим представлениям бирманцев, заимствованным из Индии) - Khin Myo Chit, *Burmese Marionette Theatre*. - *The Guardian*. vol. 23, no. 6, Rangoon, 1977.
 3. Описание сцены сотворения мира дается по нескольким источникам: Табинвун У Ну. Мьямма табин лока (Мир бирманского театра). Рангун, 1963, с. 80-82; Khin Myo Chit, *Burmese Marionette...*; K.Sein and J.A.Withey. *The Great Po Sein; A Cronicle of the Burmese Theatre*. Bloomington, 1965, с. 20-23.
 4. Более подробно см.: А.Д.Бурман. Кадопвэ и пурваранга (сравнительный анализ прологов в бирманской и санскритской драме). - III и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987.
 5. Maung Htin Aung. *Folk Elements in Burmese Buddhism*. London, 1962, с. 27.
 6. Maung Htin Aung. *Burmese Drama*. Oxford, 1957, с. 148-149.
 7. Ю.М.Алиханова. Театр древней Индии. - Культура древней Индии. М., 1975, с. 266-267; Ю.М.Алиханова. Классический театр Индии. - Классическая драма Востока. М., 1976, с. 8-9.
 8. F.B.J.Kuiper. *Varūna and Viduśaka. On the Origin of Sanskrit Drama*. Amsterdam, 1979.
 9. Там же, с. 129-179.

О.Дж.Джалилов

ПЕСНИ О ГАСАН-АГЕ И ТАГАР-ХАНЕ

(к вопросу об историзме в курдском фольклоре)

Исторические песни, как один из наиболее динамичных жанров устного поэтического творчества, быстро реагирующего на общественные факты, являются откликами на текущие события, которые

имели место в жизни народа, будь они общенародными, региональными, локальными или же сугубо местными. В них звучит народный голос, оценка того или иного происшествия, непосредственно затрагивающего его интересы. Реальной действительностью обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом – художественно-эстетическая природа и специфика.¹

Среди наших записей хранится довольно большое количество песен, не только воспевающих подвиги героев национально-освободительного движения, оплакивающих их гибель или поражения, рассказывающих об отдельных эпизодах из трагического прошлого армянского и ассирийского народа, но и песен, сюжеты которых взяты из повседневной жизни курдов: вражеские набеги, их отражения, кровная месть и т.д. – песен регионального характера. Из числа последних особо выделяются песни, рассказывающие о коварных убийствах наиболее авторитетных и знаменитых личностей из курдской среды – вождей племен, пользующихся особым уважением своих соплеменников и соседей. Поводом для физического уничтожения курдских предводителей чаще всего служило чувства зависти, досады, вызываемые возрастающим авторитетом того или иного предводителя, и их соперничеством в обществе. Часто интриги искусственно вызывались теми властями, на территории которых находились племена.

Песня о Гасан-аге – предводителе курдов-езидов из племени гасни – в нашей коллекции существует в единственном варианте. Возможно, помимо данной записи, бытуют также и другие песни из этого же цикла. Тем не менее имя Гасан-аги чаще упоминается в других песнях курдов-езидов, обитающих в Армении.

На начальном этапе жизни песни хорошо информированные об основных биографических данных своего вождя соплеменники однозначно воспринимали главный смысл её скупых поэтических строк. В дальнейшем эти песни, как правило, либо перед, либо в процессе их исполнения комментировались дангбежами для слушателей. В наше время, спустя десятилетия, содержание этих песен остается непонятным, если не обращаться к историческим фактам.

В начале XIX века племя гасни² во главе с вождем Тамыр-агой приняло русское подданство после присоединения Восточной Армении к России. Число подданных Тамыр-аги в то время составляло 400 семей.³ Первое упоминание о гаснийцах-подданных России – встречается у Августа фон-Гастгаузена, который вместе с Х.Абовяном и П.Нейем гостил в 1843 г. у отца Гасан-аги Тамыр-аги на северо-западе села Канакер (ныне входит в черту города Еревана). Здесь же упоминается о том, что с ними вместе в палатке находился и сын Та-

мыр-аги – Гасан-ага. В 90-ых годах прошлого столетия о гаснийцах и их предводителе Гасан-аге интересные сведения сообщил профессор Киевского университета С.А.Егиазаров: "Племеначальники пользуются большим авторитетом и уважением подвластных. В этом отношении первенство опять выпадает на долю рода Гасан-аги, главенство которого признают гаснийцы. Славе дома его немало способствовал отец Гасан-аги. Выражение "клянусь могилой и очагом Тамыр-аги" сделалось формулой присяги. Езиды уважают Гасан-агу и очень преданы ему".⁴ Во время поездок в Талинский район Армянской ССР мне часто приходилось слышать и клятву, которую приводит С.А.Егиазаров, и слова о том, что Гасан-ага – гостеприимный, гуманный и добрый человек, прозванный в народе "Bavê elê –"отцом зла".

Забота Гасан-аги о своем племени проявилась в его борьбе за просвещение, противсталости и невежества. Об этом свидетельствовали и его просьбы к С.А.Егиазарову о составлении программ обучения для будущих курдских школ, о создании которых мечтал Гасан-ага.⁵ Он всячески способствовал С.А.Егиазарову в сборе материалов и в работе над его очерком о курдах. Именно благодаря ему ученый смог проникнуть в некоторые тайны езидской веры и написать интересное исследование, которое не потеряло своего значения и сегодня. Гасан-ага живо интересовался работой профессора. Он даже приглашал для бесед с ним представителей духовенства и принимал активное участие в передаче информации и растолковывании отдельных обычаев курдов-езидов.⁶

Имя Гасан-аги осталось и в истории русско-турецкой войны. За боевые заслуги в боях с турками, где он командовал отрядом курдов, был удостоен высоких правительственных наград: ордена святой Анны III степени с мечами и ордена Святого Станислава III степени с мечами и бантами за военные подвиги против неприятеля. Об этом рассказывали потомки Гасан-аги, у которых хранятся оригиналы удостоверений награждений. Эти ордена России, выданные курдскому предводителю, означали также и то, что он становился личным дворянином,⁷ пользующимся соответствующими льготами: он мог участвовать в дворянских выборах, не мог быть наказан телесно, получал пенсию за ордена (ок. 176 руб.) и т.д.

Сохранился у родственников "Полный послужной список бывшего начальника земской стражи Сурмалинского уезда Гасан-аги Теймур-ага оглы (Тамыр-ага оглы – О.Дж.). Из него явствует, что Гасан-ага родился 18 июня 1842 года. Первоначальное воспитание получил в родительском доме. С 1 апреля 1877 г. начал юнкерскую службу в курдской конно-иррегулярной дивизии. 24 мая 1880 г. произведен в

подпоручики. По распоряжению эриванского губернатора допущен к исполнению должности дистанционного начальника земской стражи Сурмалинского уезда с 18 августа 1883 г., а 15 марта 1884 г. по собственному желанию "по домашним обстоятельствам" был уволен со службы.

Эти сведения о предводителе курдов уникальны. Более подробными деталями из жизни других героев исторических песен мы не располагаем. А знание подробностей жизни Гасан-аги позволяет легко прочитать строки песни, сложенной о его трагической смерти. Это случилось в 1896 г.,⁸ - он был отравлен злобствующими соперниками из племени шамдинан, которые завидовали растущему авторитету Гасан-аги и соответственно - всего племени гасни (см. № I, строки 13-16).

Таким образом, предстоящая поездка Гасан-аги в Петербург и Тбилиси, ее несомненное влияние на и без того высокое положение самого предводителя курдов, всего племени гасни относительно других курдских племен - подданных России - явилась последней каплей в чаше терпения завистников. Соплеменники Гасан-аги понимали, что значит для них его безвременная кончина - об этом ясно говорится в припеве-плаче:

Ага! Встань, почтенный, встань!

Богу известно - племя гасни многочисленно,

Усуб - молод, /он/ без тебя никогда-никогда не сумеет

/управлять им/.

Междоусобные столкновения происходили в разных концах Курдистана. На стыке границы Ирана и Турции они часто провоцировались правителями этих стран, что давало им самим возможность прочно укрепиться на занятых территориях и усмирять недовольные курдские племена.

Пограничные споры между Ираном и Турцией постоянно держали мирных жителей этих районов в напряжении. Одной из основных причин междоусобных столкновений служило право на пользование кочевьями. Вопрос кочевий имел превостепенное значение для каждого скотоводческого племени, какими и были курдские племена. Турция часто один и тот же участок предоставляла в пользование двум враждующим по разным причинам племенам, давая тем самым повод к новым конфликтам.

Турецкие власти применяли и другую меру усмирения курдов - насильное переселение племен со своих исконных территорий. Мирное племя Тагар-хана (часть племени хайдари) например, было насильно переселено из-под Арджеша (Турция) в Персию во второй половине

XIX века. Опасаясь неожиданных набегов, предводитель племени хайдари всегда держал наготове вооруженный отряд.

При полном попустительстве и поддержке властей Ирана на это племя часто нападали курды племени такори, глава которых хитрый Хусейн-бей считался личным врагом Тагар-хана. Он часто вторгался в пограничные районы Ирана в сопровождении турецких регулярных частей. Характерно, что чиновники вилайета не осуждали набегов Хусейн-бея: он не оставлял их без доли награбленного.

О личности Тагар-хана известно довольно хорошо. Все, кому довелось видеть его, характеризуют этого вождя как бескорыстного, великодушного, доброго и умного человека. "У него часто гостили люди, не испытывавшие чувства симпатии к турецким властям. Так, например, сына Бедырхан-бея, которого, несмотря на многочисленные протесты чиновников султана, он принимал у себя, а потом в полной безопасности отправлял в путь", - писала газета "Мшак" в 1900 г.⁹ И далее отмечалось, что о гостеприимстве Тагар-хана ходили легенды, многие курды из самых разных областей стремились к его очагу.

Образованный человек своего времени, Тагар-хан сам писал стихи, особо ценил персидскую поэзию. Он хотел научиться французскому языку, для чего было решено пригласить учителя. Он мечтал о путешествии в Европу и даже в Америку. Среди своих соплеменников, по словам информаторов, Тагар-хан славился как храбрый и отважный воин. Он был высок ростом, красив, имел двух дочерей, в связи с чем его наследниками должны были стать сыновья его дяди - Мамад-ага и Али-ага.¹⁰

Как сообщил анонимный автор той же "Корреспонденции из Персии", дружественные отношения существовали между предводителем курдского племени и армянским населением. Он оказывал ему большую поддержку, давал семена и т.д., так что некоторые жители армянской деревни Кырхбулах, например, не выдержав преследований со стороны турецких властей, переселились во владения Тагар-хана, где мирно занимались земледелием. Не раз курдские отряды защищали древний армянский храм святого Тадей, расположенный южнее города Маку, от нападений разных грабителей.

Тагар-хан был убит 13 июня 1900 г. Трагическая гибель героя нашла отражение в цикле песен о Тагар-хане, которыми мы располагаем.

Хусейн-бей, ободренный поддержкой властей, ограбил и опустошил деревни, где жили люди племени хайдари. На обратном пути он убил двух уважаемых в племени человек, а третьего захватил в плен, предварительно отрезав ему уши, что считалось у курдов величайшим

оскорблением и позором. Тагар-хан поспешил на помощь. Весть была так неожиданна, что ни он, ни его племянники не успели попрощаться с семьями. Они догнали грабителей, но численное превосходство было на стороне Хусейн-бея, так что им пришлось отступить.

Судя по прозаическим комментариям сказителей, сцену гибели можно представить так: при обходе холма Тагар-хан вместе с племянниками оказался в кольце врага. Они решили драться до последнего. Вскоре пал Али-ага, а Тагар-хан и Мамад-ага, укрывшись за его телом, продолжали отстреливаться. Но вот истекающие кровью они попали в руки врага. Ликующий Хусейн-бей спросил: "Ну, как, теперь ты успокоился?" Тагар-хан с достоинством ответил: "Даже в таком состоянии я повторяю, что не ошибся. Страшнее смерти нет ничего, что хочешь - делай". Ответ привел врага в бешенство. По его приказу слуги стали терзать пленников, бить по головам сапогами, закидывать камнями. Это варварское убийство любимого народом человека осуждено курдами, а имя его убийцы Хусейн-бея до сих пор произносится с презрением и ненавистью.

Главный герой песенного цикла Тагар-хан - прогрессивный курдский предводитель племени хайдари, вызывавший зависть своим гуманным отношением к народу и соседям некоторых глав племен. Нами записаны 14 песен, многие из которых являются вариантами. Они записаны в течение последних 18 лет из уст курдов Армянской ССР. Песни о Тагар-хане знают курды северо-восточных районов Ирана, то есть территория распространения цикла обширна и охватывает район от северо-восточных границ озера Ван до озера Урмия.

В шестом номере журнала "Ронахи" ("Просвещение") за 1942 г., издававшемся в Сирии, удалось встретить один из вариантов песни этого цикла под названием "Хусейн-бек из племени такори". Комментария к тексту нет, отсутствует паспортизация, но судя по диалекту, именно этот вариант знают на юге и юго-западе Турции, как и в северных районах Сирии.

Большинство из записанных нами вариантов этого цикла открываются типичными зачином: "О, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло!", выражающим боль и тревогу самого сказителя. Таким образом, он заставляет слушателей собраться, сконцентрировать свое внимание, сосредоточиться. Этот зачин, столь типичный для всех исторических песен, сразу же вводит слушателей в суть горестных и трагических событий (см. текст № 2, строки I-10).

Не удивительно, что Зазе, дочь убитого, поет про отцовского коня по кличке Гогарчин. У курдов считается страшным оскорблением,

если захваченного коня-скакуна противник превращает в ломовую лошадь для перевозки тяжестей. Тот же мотив прослеживается почти во всех вариантах этого цикла.

Из приведенных кратких исторических обзоров, их сопоставления с отдельными эпизодами из песен, явствует, что, будучи продуктом далекого прошлого и творением народа, они в людской памяти хорошо сохранили достоверность содержания и ряд фактов, которые в определенной степени могут быть использованы в качестве существенных дополнений к историческим документам.

1. Гасан-ага

Ага, пусть не повеет на нас дыханием ветра [Города] Рауана,
Пусть не коснется [Оно] Гасан-аги, отца Усуб-бека, /владельца
серебряной шашки [и] ленты через плечо,
Да будут прокляты торыни¹² из дома Коса.¹³ Как это [они пос-
мели] дать [ему] водку с ядом!

Ага, встань, почтенный, встань!

5. Богу известно - племя гасни многочисленно,
Усуб-молод, [Он] без тебя никогда-никогда не сумеет [управ-
лять им].

Ага, тяжело [слышать] эту весть,
Кинжал [и] ремни Гасан-аги, отца Усуб-бека, - тяжелые,
опустились над кембаром,
Да будут прокляты торыни из дома Коса, [они] не позволили
мне на этот раз повидать Гасан-агу, отца
Усуба, в проклятом Игдыре перед канцеля-
рией

10. Ага, встань, почтенный, встань!
Богу известно - племя гасни многочисленно,
Усуб - молод, [Он] без тебя никогда-никогда не сумеет [управ-
лять им]

Ага, милый, смотрю на проклятый Игдыр, [что] на равнине,
Медали и воинские знаки Гасан-аги, отца Усуб-бека, сверкают
на [груди и] плечах,

15. Да будут прокляты торыни из дома Коса!
Если бы судьба повременила [и] пощадила отца Усуб-бека, он
отправился бы в Россию к царю.
Ага, встань, почтенный, встань!
Богу известно - племя гасни многочисленно,
Усуб - молод, [Он] без тебя никогда-никогда не сумеет/управ-
лять им/.

20. Ага, милый, пшеница на проклятом Арсенале¹⁴ [совсем] созрела,
Шашка, перекинутая через плечо Гасан-аги, из серебра, [ножны]
с позолоченной бахромой,
Да будут прокляты торыни из дома Коса! [Они] помещали отцу
Усуб-бека, который готовился в поездку
к наместнику в Тифлис.

Ага, встань, почтенный встань!

Богу известно - племя гасни многочисленно,

25. Усуб- молод, [Он] без тебя никогда-никогда не сумеет [управ-
лять им].¹⁵

2. Тагар-хан

О, горе, ло-ло, о горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло!
О, ага, проклятое [село] Калани¹⁶ [находится] с подветренной
стороны.

Тысяча семьсот всадников Хусейн-бека Такори напали на позиции
моего отца.

Хватила бы хворь семью Хусейн-бека Такори!

5. [Он] убил пятерых из верхнего окопа,
Широкоплечего брата Сарханга, стройного, сероглазого Тагар-
хана.

Не убийство отца терзает мое сердце,

Болит оно от того, что

Взяли под узды [коня] Гогарчина, отвели в [селение] айсоров
Сара и превратили его в лоховую [лошадь].

10. О, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло!
Отец мой Йарымша,¹⁷ мирпандж,¹⁸
Отец Зазе [и] Джамиле, хозяин [коня] Гогарчина, сел на коня
[и никак] не успокаивается,

Я скрутил для него сигарку из самсунского табака из табакер-
ки отца Зазе [и] отца Джамиле,

Когда враги окружили отца Зазе, хозяина [коня] Гогарчина,
пусть в ту пору подоспел бы ему на
подмогу преданный племянник Али-ага.

15. О, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло,
о отец!

Не это горе терзает мое сердце, мне больно,

Что [коня] Гогарчина увели в проклятое [селение] айсоров
Сара.

У меня, несчастной, болит сердце.

Ага! Судьба сказал судьбе,

20. Патроны отца Зазе, хозяина коня Гогарчина, рассыпались
вокруг него,

А бахрома шали его головного убора раскинулась на
деревьях и на камнях.

О, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе, ло-ло, о, горе-,
ло-ло, о отец!

Не убийство отца Зазе и отца Джамиле терзает мое сердце,
Болят оно оттого, что коня Гогарчина увели в селение
айсоров Сара,

25. И пустили по ветру имущество и наследство моего отца. 19

1. А.А.Ахлаков. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа, М., 1981, с. 67.

2. Племя гасни издавна делится на мусульман и езидов.

3. П.И.Аверьянов. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких персидских и русских курдов. Тифлис, 1900, с. 200.

4. С.А.Егизаров. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. ЗКОИРГО. Кн. XIII. Тифлис, 1891, с. 203.

5. А.Гюрджян. Курды-езиды. - "Лума". № 4, июль-август. Тифлис, 1904 (на арм.яз.) с. 88.

6. П.А.Аверьянов, цит.соч., с. 185.

7. В.А.Дуров. Ордена России. Советская военная энциклопедия. Т.6. М., 1978.

8. По всей вероятности, речь идет о знатной курдской фамилии Шамшадиновых, проживающих на территории Эриванской губернии. Во время русско-турецкой войны 1853-1854 гг. одним из двух курдских полков, воюющих на стороне русской армии, командовал майор Джафар-ага, впоследствии дослужившийся до генеральского чина. Потомки Джафар-аги, из рода Шамшадинова, по свидетельству В.Ф.Минорского, до 1915 года получали пенсию от русского правительства. В период правления Гасан-аги своим племенем, одним из представителей родов Шамшадиновых был Али-Ашраф-ага Шамшадинов, "считавшийся теперь главою русских курдов" и имевший чин генерал-майора. (См.: В.Ф.Минорский. Курды. Заметки и впечатления. Птб., 1915, с. 42).

9. Корреспонденция из Персии. - Газ. "Мшак", 1900, Тифлис, с. 3.

10. Зазе была замужем за сыном Мустафа-бея, подполковником курдской иррегулярной конницы, и жила в Турции, а второй дочери Джамиле было четыре года. После гибели Тагар-хана его преемником был назначен зять, Мустафа-хан.

- II. Рауан – курдское название г.Еревана.
- I2. Торын – человек благородного происхождения, дворянин, князь, местная знать.
- I3. См. сн. № 8.
- I4. Арсенал (Арсенальная) – окраина Тифлиса, где размещались военные казармы.
- I5. Записан в 1959 г. в Ереване из уст Слое Унсы. Биографические данные об информаторе в нашем архиве не сохранились. Оригинал хранится в архиве автора.
- I6. Калани (селение) – недалеко от г.Маку, на турецко-иранской границе. Место пребывания предводителя курдского племени хай-дари.
- I7. Йарымша (Йарымшах) – букв. : неполный шах, полуправитель.
- I8. Мирпандж (Мир пандж) – генерал-майор (бригадный).
- I9. Записан в 1963 г. в Ереване из уст Саргис Бозояна (Барейн). С.Бозоян родился в 1901 г. в селении Коз Арчешского р-она (Турция), армянин, неграмотен. Кроме армянского языка, С.Бозоян хорошо владел также курдским, которому научился в раннем детстве Оригинал см.: Ордихане Шэлил. Стране зарготьяна кёрдайэ тариёе. Ереван, 1975, с. 306-307.

В.В.Кушев

НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ПИСЬМЕННОСТЬЮ НА ЯЗЫКЕ ПАШТО 17-18 вв.

Язык и литература пашто взаимодействовали с персидским языком (в его разных диалектных формах и формах устного и письменного бытования) и литературой на нем в течение всего того периода, на протяжении которого зафиксированы письменные памятники на афганском языке. Весьма активными были процессы взаимосвязей, в особенности однонаправленного влияния языка и литературы фарси и дари, в эпоху общего культурного и литературного подъема в паштунских районах и расцвета письменности на афганском языке в 17-18 столетиях. В это время богатая уже самобытная литература паштунов пополнялась произведениями, переведенными с персидского языка, а также написанными под влиянием персоязычных памятников, в подражание им или с использованием их в качестве источников.

Персидский язык оказывал воздействие на пашто не только извне как язык администрации и литературы с богатыми многовековыми

традициями, но и потому, что персидский-дари был вторым языком – иногда вторым родным языком – многих афганских поэтов. И все они в той или иной мере знали персидскую поэзию, причем широта их литературного кругозора зависела как от культурной среды, в которой они находились, так и, нередко, от того, в каком возрасте они приобщались к персидскому литературному наследию.

Преобладающими в переводах были жанры поэмы, светской и религиозной повести, этико-дидактические труды, исторические хроники, богословские трактаты, то есть достаточно широкий круг тем привлекал внимание афганских читателей из различных слоев паштунского общества.

Самые ранние сочинения на языке пашто, дошедшие до нас в рукописях, – религиозные трактаты 16-го века. Все они в различной степени испытали на себе и в разной форме отразили влияние персоязычной литературы. Так, в обнаруженной в 1926 г. и введенной в научный обиход в 1939 г. рукописи сочинения Баязида Ансари "Хайр ал-байан" начальные разделы текста изложены параллельно на пашто, дари, арабском и пенджаби, а в последующем многочисленные арабские пассажи из Корана, хадисов приводятся с переводом на дари, с пояснениями на пашто, либо изложение ведется чередованием фраз на пашто и арабских и персидских цитат. Найденная в хайдерабадском Музее Саларджанга и описанная недавно еще одна рукопись этого сочинения содержит, видимо, полный текст его, который по меньшей мере в три раза превышает по объему текст первой рукописи; этот текст четырехязычен от начала до конца.

Богословский трактат Ахунда Дарвезы "Махзан ал-ислам" в основном состоит из переводов из персидских и арабских религиозных произведений, а названия всех глав и разделов, а также вступления к отдельным главам даны на персидском языке. То же самое верно в отношении "Фаваид аш-шариат" Ахунда Мухаммад-Касима, "Шарх-и Хуласат ал-ислам" Ахунда Хусайна, которые построены на десятках религиозных сочинений, написанных по-арабски и по-персидски. Ахундом Дарвезой в соавторстве с сыном Абд ал-Каримом написаны на дари работы "Иршад ат-талибин", "Иршад ал-муридин", историко-мемуарное "Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар". На персидском же языке составлено "Хал-нама-и Пир-и Даस्ताгир", посвященное жизни и деятельности Баязида и рошаниству и написанное им самим и его последователем, членом его рода Али-Мухаммадом Мухлисом; лишь в нескольких местах имеются вставки на пашто – стихотворения афганских поэтов Арзани, Дарवेशа, Аба-Бакара, Х^Ваджа-Мухаммада сына Аба-Бакара и других. Кстати, поэт Арзани, последователь и сподвижник Баязида,

писал стихи не только на пашто, но и на дари, арабском, индийском.

В числе религиозной литературы можно отметить переводные тафсиры. В начале 12-го века хиджры Гулям-Мухаммад сын Шерхана Мокахель Гигйани перевел известный тафсир "Ва-з-зуха", получивший распространение в рукописях, затем издававшийся типографским способом. Большой безымянный тафсир хранится по частям в Академии пашто в Пешаваре и в Библиотеке Ризы в Рампуре. Он переведен с персидского о чем автор перевода Афзал-хан Умархель сообщает в нескольких местах рукописи, в частности:

Чэ пәрси пэ пайто жэба Афзал-хән хәр – фам пэ дā чэ йе вулвали
фар афгән. "Афзал-хан переложил с персидского на пашто, с тем
чтобы читали все афганцы".

Переводом не установленного пока персидского сочинения является представленное хранящейся в Индии уникальной рукописью житие Мухаммеда, получившее условные названия "Сират ан-наби" и "Сират-и хазрат-и Мухаммад". В заключительных бейтах переводчик называет себя и сообщает о факте перевода с персидского:
пэ пәрси ва иншā шэве – сед Хасан тэр пайто вэве "было сочинено
по-персидски, сеид Хасан пересказал на пашто", приведена хроно-
грамма – 1121/1709-1710.

Широко представлены в переводах с персидского религиозные предания: один из вариантов распространенного предания о смерти Мухаммеда "Вафат-нама", известное предание о вознесении его "Ми-
радж-нама" и о его чудесном свете "Нур-нама", различные "Тавал-
луднама", многочисленные предания о подвигах Али, его сыновей и соратников, среди этих сочинений можно выделить "Джанг-нама-и
имамайн", "Китаб-и Заккум".

Известными афганскими поэтами были выполнены переводы популярных персидских поэм "Хосров и Ширин", "Лейли и Меджнун", "Михр и Муштари", "Юсуф и Зулейха", "Азра и Вамик" и др. Наибольший интерес у литераторов и читателей вызывали "Юсуф и Зулейха" Джами и "Лейли и Меджнун" Низами, которые были доступны в разных переводах. Распространенный в рукописях перевод поэмы "Юсуф и Зулейха" Абд ал-Кадира Хаттака (1700 г.) выполнен достаточно близко оригиналу. Короткая 8-сложная мисра, придающая живой, легкий ритм поэме, не всегда давала возможность передавать содержание бейта подлинника одним бейтом, отчего многие главы у Кадира длиннее, чем у Джами. Основная, сюжетная часть сохраняет деление на главы подлинника и, в большинстве случаев, их названия. Все разделы поэмы, предшествующие собственно повествованию, не являются пере-

водом: Кадир изменил вводные главы, восхваляющие бога и пророка, ввел маленькие главы, славословящие имамов, посвящение султану Хусейну заменил бейтами, адресованными Аурангзебу, сократил главы о любви, красоте Зулейхи и прочее. Переводчик существенно переработал советы сыну и заключение; многие назидания – иного содержания, чем у Джами, как результат других условий, а также вероятного влияния Газзали. Приведенные ниже бейты иллюстрируют ритмику стиха Абд ал-Кадира:

йава вѣдз андѣи пре дѣр шу – ґам дѣ дѣ тѣр зрѣ чѣпѣр шу
 швѣ бесѣбра беґарѣра – дѣра швѣ пѣ зрѣ бемѣра
 ва сапѣрѣ та швѣ равѣна – кѣ ґам лири кѣ лѣ дзѣна
 кѣр лѣ ґама бѣнде гѣр шу – сапѣрѣ лѣ вар бѣнде бѣр шу
 ґѣи берѣн ґѣи бѣ дарѣн шва – сѣр тѣр пѣйа ґѣрґ пѣ хѣн шва

Впервые имена Лейли и Меджнуна встречаются в диване Мирзы Ансари, внука Баязида. Позднее поэма Низами привлекла внимание многих переводчиков. Известен ранний перевод Хафиза Низама, современника Хушхаль-хана (который сам, кстати, десятки раз упоминает в своих газелях имена героев месневи), но лучшие переложения принадлежат Сикандар-хану Хаттаку (1090/1679) и автору 18-го века Рахмату Дави. Оба эти перевода достаточно вольные. Сикандар прибегает к форме 12-сложного месневи и, по преимуществу, укладывается в число бейтов оригинала, но вводит дополнительные сцены в развитие сюжета, в разъяснение поступков героев; объем поэмы Дави, использующего 8-сложный размер, по числу бейтов превосходит подлинник, порой описания отдельных сцен, событий занимают вдвое, втрое больше места. Например, у Низами

рѣсм-е ‘ѣрѣб ѣст к-ѣз пѣс-е шуй – нѣ нѣмайѣд зѣн бе һичкѣс руй
 сал-и до бе хане дѣр нешинѣд – у дѣр кѣс кѣс дѣр у нѣ бинѣд
 "Есть обычай у арабов: после смерти мужа никому не показывает женщина лица, года два сидит дома, на других не смотрит, другие на нее".

То же самое место у Дави:

бѣл һамдѣ дастур ‘араб – лари һасе ранґ ‘аджаб
 чѣ ши шѣдза дѣ чѣ квендѣ – ма‘рика нѣ ши пре пѣнда
 на бѣ дѣ кри мѣх шкѣра – ва бѣл чѣ та дубѣра
 нѣста дѣ ви пѣ хпѣл кор – пѣ ризѣ ви кѣ пѣ зор
 на бѣ цок дѣ де мѣх гори – на бѣ дѣ чирта вушѣри

"Еще такой удивительный обычай есть у арабов: когда женщина становится вдовой, у нее не собираются гости, она больше никому не показывает лицо, сидит в своем доме с согласия или по принуждению, и никто не видит ее лица, и она никуда не ходит".

Один из самых тонких афганских поэтов, автор изящных и, одновременно, сложных стихов Абд ал-Хамид Моманд перевел с персидского поэмы Мухаммад-Акрама Ганимата "Найранг-и ишк" и Бадр ад-дина Хияли "Кисса-и шах у гада". Некий Муин ад-дин переложил с персидского "Азра и Вамик" Мухаммад-Хусайна Ширази.

Хорошо известные и любимые афганцами поэты готовили переводы распространенных на дари дастанов и кисса, таких как "Дастан-и Амир Хамза", "Кисса-и Сайф ал-Мулук", "Кисса-и Бахрам у Гуландам".

Богатая традициями этико-дидактическая литература индийцев, персов, арабов также становилась объектом переводческой деятельности паштунских литераторов. Афзаль-хан Хаттак перевел "Ийар-и даниш" Абу-л-Фазля (адаптированную версию сочинения Хусайна Ваиза Кашифи "Анвар-и Сухайли"), озаглавив свой перевод "Илхана дэ даниш". Известны два перевода "Гулистана" Саади. Если поздний перевод Амир-Мухаммада (1227/1812) мало чем примечателен, невыразителен, страдает буквализмом, то работа Абд ал-Кадира (1712) выполнена высокохудожественно, свободно, но притом с точной передачей идей и содержания, с сохранением и выражением уважения к сказанному Саади:

дэ Са'ди дэ *hāfiz* *ḡaj* пэ дрэст джа*hān* шта
чэ тре пāта таснифуна йā дивāн шта
пэ сабаб дэ дуй маш*hūr* мулк дэ Ширāз шу
тэр Ирана тэр Ирака пэ и'заз шу

"Голос Саади и Хафиза звучит во всем мире,
Сохранились их таснифы, их диваны,
Благодаря им славным стало Ширазское царство,
Почитаемым в Иране и Ираке".

Отдельные места из "Гулистана", "Бустана" и дивана Саади переводились и раньше. Внук Дарвези Абд ал-Халим в дополнениях к "Махзан ал-ислам" помещает перевод газели в семь бейтов вместе с подлинным текстом; ее начало:

ан ра ке джай нист джомле-йе джа*hān* джа-йе у-ст
дарвиш *hār* коджа́ ке шаб амāд сāра-йе у-ст

"У кого нет своего пристанища, тому приют - весь мир,
Где застигнет дервиша ночь, там его каравансарай".

чэ дзāй нэ лари тан*hā* ви да кулли джа*hān* йе дзāй дэй
пэ *hār* дзāй чэ шпа пре рāгла *hāga* дзāй дэдэ сарāй дэй

"Если нет у него пристанища и одинок он, весь этот мир ему приют,
Везде, где настигла его ночь, там его каравансарай".

Особенно обильно использованы произведения Саади Хушхаль-ханом, его сыновьями Ашрафом, Кадиром и другими. Несколько примеров:

Саади, гл. Уш "Гулистана:

элм чāндан ке биштār хани - чун āмāl дār то нист надан-и
нā моħағғеғ бовāд нā данешмāнд - чарпа-йи бār у кетаб-и чāнд

"Сколько бы ты ни изучал науку, но если нет у тебя практики, ты невежда; не исследователь и не ученый, а четвероногое, нагруженное несколькими книгами".

В переложении Ашраф-хана Хиджри:

бе ġамала ġилēm цэ дэй кэ побѣже
лэка бār дэ саħифо ħāмил йе хар крї

"Понимаешь ли, что такое наука без практики? Подобна ноше книг, которыми нагружают осла".

Поскольку некоторые из сыновей Хушхалы поступали недостойно по отношению к отцу, вплоть до свершения прямого предательства, он в нескольких своих произведениях повторяет заимствованный у Саади мотив, соответствующий его состоянию и настроению. Саади написал в "Гулистане":

зāнан-е бардар эй мārд-е ħошйар - āғār вāхт-е веладāt мар зайāн:
з-ан беħтār бе нāздик-е херāдмāнд - ке фārзāндан-е нāħāмвар зайāн:
"Если беременные женщины, о мудрый человек, во время родов производят змей, то, по мнению умных людей, это лучше, чем родить недостойных детей".

И в "Бустане":

āғār мар зайāд зāн-е бардар - беħ āз адāмизаде-йе дивсар
"Если змею родит беременная, лучше, чем человека подобного диву".

В одном из стихотворений Хушхалы это передано таким образом:

шэ кэ вузежи лэ даке шэдзе мār - назовели дзини дзойа нāħāмвār
"Лучше, если у беременной женщины родится змея, но да не родит она недостойных сыновей".

И в переводе Абд ал-Кадира:

бārдāра шэдза кэ дзини мār зежи - шэ ди чэ зойа дзини бадкār зежи
дзāн та балā ши мор-плār та ġам дэй - зой мавузежа нāħāмвār зежи
"Если у беременной женщины родится змея, это лучше, чем у нее родится сын-злодей. Самой беда, родителям горе. Пусть лучше не родится сын, чем родится недостойный".

Прозаическое сочинение Хушхаль-хана "Дастар-нама" - это "зерцало", отражающее мировоззрение просвещенного феодала, ценнейший источник по истории культурной жизни афганского общества. В нем ощущается влияние персидских "книг назиданий и советов". Автор включил в него свыше пятидесяти цитат из "Гулистана". Важно отметить, что оно написано в 1076/1665-66 г. в тюрьме крепости Ран-

тхамбор, где доступ к источникам был по меньшей мере ограничен.

В произведениях Хушхаль-хана вообще постоянно прослеживаются связи с персидской литературой, и сам он порой отмечает ее роль в его творчестве, а тем самым и ее значение для развития литературы на пашто в целом:

пārси ше'р ме зда, салиқа ларэм дэ вāро,
пашто ше'р ме хваш шу, һар цок хпэл гани шāгэли,
пэ вазэн, пэ мазмун пэ назāкат һам пэ ташбиһ кше,
пашто вайэл ме айн тэр пāрсэй ди расавэли

"Я познал и персидскую поэзию, ощущаю ее вкус, понравились же мне паштунские стихи, каждому нравится свое. Размером, содержанием, изяществом, образностью я довел сложение стихов на пашто до уровня персидских".

пэ тāза тāза мазмун дэ пашто ше'р
пэ ма'нā ме дэ Ширāз ав дэ Ходжанд кэр

"Наисвежейшим содержанием паштунского стиха я сделал его по смыслу подобным ширазскому и ходжентскому".

Этот последний бейт – свидетельство того, что Хушхаль знал творчество и иранских, и среднеазиатских поэтов. Он был знаком и с более ранними произведениями, например, Ханзале Бадгиси, Фердоуси, Асади Туси, чему подтверждением могут служить такие его бейты:

кэ āсмāн де дэ мзари пэ хла кше варкā
дэ мзари пэ хла кше ма прежда һиммат

"Если небо отдает тебя в пасть льва, то и в пасти льва не лишайся доблести". Ср. у Бадгиси:

мейтāри гār бе кам-е шир дār āст
шоу хātār кон зе кам-е шир беджуй
йа бозорги о эзз о не'мāt о джаһ
йа чо мārданāt мārг руй-йа-руй

"Если величие лежит в пасти льва, ступай, рискуй, ищи в пасти льва. Либо главенство, почет, богатство и сан, либо подобно твоим храбрецам – со смертью лицом к лицу".
или о Фердоуси:

кэ лэ һаджве лэ гандэне дарта вāйэм
Фирдавси ме пэ дā кār кше нэ дэй сйāl
Фирдавси лари цо байта лэ Маһмуда
дзэ ларэм дэ Аврангзеб дэ замм джувāl

"Коль сказать вам о сатире, об охаивании, то Фердоуси не соперник мне: у Фердоуси несколько бейтов о Махмуде, а у меня мешок брани против Аурангзеба".

Касыда Хушхалы "Диспут Дней и Ночей" (пуджат дэ врадэо шпо) представляет собой сокращение (21 бейт вместо 36) "Муназира-и шаб у руз" Асади Туси. Любопытно, что поэт, сохраняя аргументы спорящих, связанные с религией (молитвой, постом, преданиями о Моисее, Лоте и др.), отказался от изложения доводов астрономического календарного значения и некоторых других, по-видимому, исходя из воззрений, подготовленности, понимания паштунского читателя и слушателя. От себя он добавил только один бейт, связанный с охотой и созерцанием цветников, темами, близкими ему и характерными для его поэзии:

чэ сайр дэ гулуно дэ гулзар ка йа цок шкар ка

паго вата пэ кат'а нэ да шпа лэ врадэе сама

"Тому, кто лобуется цветами садов или охотится, ночь не подходит так, как день".

В куллияте Хушхалы имеются персидские рубаи и газели (с тахаллусами Хушхаль и Рохи), кроме него стихи на дари писали и другие поэты хаттакской школы: Ашраф Хиджри, Казим Шайда, Камгар, а также Абд ар-Рахман Моманд и другие. Некоторые поэты имели диваны и на пашто, и на дари, один из них - Али-Акбар Оракзай, уникальная рукопись его произведений хранится в Матенадаране.

Существуют в диванах и смешанные, своего рода макаронические стихи: пашто-персидские, пашто-персидско-арабские, как, например, в диване Абд ал-Кадира "Хадика-и Хатак":

зрэ ме һар гора ву лэ һиджрәна афғар

шукр һаққ-ра ки баз амәд йар

сарва сар куз лэ инфи'ала кәнди

чун хирамәд ба су-и бағ нигар

цок ба ләла дэ йәр дэ мэх кә мухай

ан сийәһдил куджа в-ан рухсар?

"Как ни изранено мое сердце в разлуке, (пашто)

благодарение богу, что вернулся друг. (дари)

Кирарис в смущении склоняет голову, (пашто)

когда красавица шествует в сад. (дари)

Кто сравнит тюльпан с лицом друга? (пашто)

Где тот черносердый и где ланиты?" (дари)

бйә пэ мэх вунив дилрубә йе никәб

ифтаһ йә муфаттиһ ал-аввәб

гул шикүфтә шу пә һәр лор дэ бәһәр

ас-сабуһ ас-сабуһ йә аһбәб

рез сақи май бақи дәр джам

рә бә банг-и дәф у най чәнг у рубаб

"Снова красавица накинула покрывало на лицо. (пашто)
 Открой его, о открывающий врата! (арабский)
 Повсюду раскрылись весенние цветы, (пашто)
 Опохмелимся, опохмелимся, друзья. (арабский)
 Наливай, виночерпий, вино остается в кубке, (дари)
 давай (пашто), под звуки бубна и свирели, чанга и рубаб". (дари)

Переводные исторические труды имели ту особенность, что переводчики одновременно выступали в качестве авторов, дополняя подлинник не только сведениями, относящимися к описываемому автором оригинала периоду, но и изложением более поздних событий. Дополненные и измененные таким образом хроники иногда снова перелагались на дари. К примеру, в "Тарих-и мурасса" Афзаль Хаттак выступает и как переводчик, и как самостоятельный автор. Этот труд заключает в себе перевод персидского сочинения Хваджи Ниматаллаха ал-Харави "Махзан-и афгани" (1611), которое является сокращением его другой, более подробной работы "Тарих-и ханджахани ва махзан-и афгани", а также разделы, написанные самим Афзаль-ханом. Они посвящены миграциям племен хаши, преимущественно горйахелю, юсуфзаам, хаттакам. Афзаль описывает некоторые события как и их свидетель и участник, а кроме того использует в качестве источников, дополнительно к источникам Ниматаллаха, "Тазкират" Дарвезы, "Джахангир-нама".

Еще один труд на пашто по истории племен горйахеля, главным образом юсуфзаев, подвергался обработкам и переводился. Эта работа - "Таварих-и рахматхани" - выполненная Пир-Муаззам-шахом, представляет собой сокращение написанного на пашто и дари сочинения "Тарих-и афагина", которое приписывается Мирдаду Мутизаю Халилу. "Таварих-и рахматхани" было составлено для вождя паштунов-рохиллов Хафиз Рахмат-хана (уб. 1774) и для него же оно было переведено на персидский язык в 1767 г. под тем же названием. Позднее, в 1814 г. оно еще раз было переведено с пашто на дари Илахйар-ханом, сыном Рахмат-хана, поскольку он не смог найти персидский оригинал, т.е. "Тарих-и афагина", и озаглавлено им "Хуласат ал-а'джаб".

Если цели и причины широкой переводческой деятельности с персидского на пашто не нуждаются в объяснении, то непосредственные поводы в каждом отдельном случае могли быть разными, и переводчики часто сообщали о них читателям. Многие работы были выполнены по заказам и просьбам друзей, собратьев по суфийскому ордену, в дар уважаемым людям. Нередко такая работа была связана с желанием отвлечься после перенесенной утраты, смерти близкого родственника,

других горестных событий. Во многих случаях указывается, что то или иное сочинение на персидском языке составлялось разными авторами, а паштоязычному читателю оно не было известно.

Как можно видеть, влияние персидской литературы на афганскую было многогранным и являлось результатом свободного выбора со стороны паштунских деятелей культуры, которые видели в этом один из путей обогащения собственного духовного наследия. Естественно, что при этом происходил процесс распространения персоязычной письменной культуры. Произведения, переведенные с персидского и дари, составляют заметный пласт в афганской письменности I7-I8 веков. Их наличие, их содержание отражают духовные интересы и запросы паштунского общества того времени, являют собой пример взаимодействия двух литератур.

С.Л.Невелева

О КАРТИНЕ МИРА В МАХАБХАРАТЕ

Изложению темы необходимо предпослать несколько предварительных замечаний.

Эпос по природе своей конфликтен, – такова типологическая черта его содержания, – и уже одно это обстоятельство позволяет допустить конфликтную заостренность цели, с которой излагается в Махабхарате (далее – Мбх.) учение о мире. Иными словами, за эпическими описаниями устройства мироздания стоит не только утверждение неких мировоззренческих истин, но имплицитная установка на диалог, на полемику, направленность изложения на оппонента. Для понимания того, кому принадлежит "авторство" эпического учения и кто подразумевается в качестве его оппонента, особо важны эсхатологические контексты, которые содержат описания последнего из мировых периодов – Калиюги, завершающегося гибелью вселенной. Следует обратить внимание на то, что именно, какие изменения в жизни общества здесь безусловно порицаются: это отступления от жертвенного ритуала, отрицание богов и, главное, покушение на авторитет священных Вед. Причиной надвигающейся мировой катастрофы выступает не просто моральная деградация человечества, но попрание всех тех социальных ценностей, которые включает в себя понятие *varṇāśrama-dharma*. *Varṇāśrama* – дхарма, т.е. сословно-возрастные обязанности членов общества, составляет ядро религиозного учения Мбх. На неукоснительном соблюдении этих обязанностей и настаивает брах-

манство, воспринимающее всякое отступление от дхармы как посягательство на свои сословные права и привилегии и более того – как знак надвигающейся гибели человечества и вселенной.¹

Именно на такого рода социальные ценности и посягали "еретические", по мнению брахманства, учения древности, среди которых не единственным, но, очевидно, самым мощным оппонентом брахманства был синхронно с эпосом набравший силу буддизм. Отточенность мысли брахманского учения, конструктивная, проповедническая его форма говорят о силе и долговременности этого мировоззренческого противостояния, напряженности идейного диалога. Идеалы брахманства, ставящего себя в общественном плане на вершину социальной пирамиды, выше, чем кшатрии, – среда, из которой происходят эпические цари, – тесно переплелись в космологическом учении с его подлинными интересами.

В буддийской литературе крайне редко упоминается о Мбх., и в эпосе имя Будды встречается считанное число раз. Вероятно, взаимное неназывание, "замалчивание оппонента" и в этом случае значимо: таков один из возможных путей его дискредитации.

Что касается метода подачи космологического материала в Мбх., то здесь следует подчеркнуть тесную сплетенность теоретического дискурса (например, концепция мировых периодов, юг) с сюжетной иллюстрацией (рассказ о вселенском потопе и видение святого мудреца – риши Маркандеи).² Было бы ошибочно на этом основании считать метод организации эпического учения о мире мифо-поэтическим, таким, который формирует, подобно ригведийскому мифу, преимущественно визуальную "серию картин", лишь внутренне связанную логикой "кинематографического монтажа" (В.В.Иванов). Типологические особенности композиционной организации эпического текста таковы, что даже чисто мифологическая по своему содержанию наррация – эпический миф – строится по законам сюжетного повествования, через серию типовых мотивов.³ Теоретические пассажи Мбх. полностью выдерживают проверку на соответствие правилам логического дискурса. Форма, в какой подается традицией учение о мире, демонстрирует органический синтез определяемых как "эпика" и "дидактика" элементов композиции Мбх., впервые подмеченный И. Дальманном.⁴

Среди космологических представлений древнеиндийского эпоса можно выделить следующие содержательные блоки: 1) космография, т.е. структура мирового пространства, 2) циклическая эволюция вселенной во времени, 3) эсхатология и 4) социо- и космогенез. И. Дальманн, работавший на рубеже XIX и XX вв., показал, что ос-

новой идеологической установкой Мбх. является проповедь дхармы как религиозного долга, определяющего не только жизнь отдельного индивидуума и общества в целом, но и существование вселенной. Тем самым все компоненты эпического мировосприятия – взгляды традиции на человека, социум и космос – связываются воедино, в неразрывное целое.

I. Космос в Мбх., подобно древнегреческому, понимается как организованное мироздание в совокупности пространственной вертикали и горизонтали, т.е. включает, помимо надземного и подземного пространства, землю со всем, что на ней находится. Космизированное мировое пространство противопоставляется хаосу, олицетворяемому водами периодически наступающего потопа-пралиаи, т.е. очищающего потопа, который знаменует гибель вселенной и ее последующее возрождение.

Космографическая вертикаль в эпосе трехчастна: принцип троимирия (вселенная как совокупность трех миров, *trailokya*, – небесного, земного и подземного) утвердился еще в ведийской литературе, сменив наиболее ранние представления о дуальной структуре космоса, разделенного на землю и небо. Доминирующая роль троичного деления пространства в космографии Мбх. вполне понятна: священный авторитет воззрений ведийского периода для эпоса как целого остается неколебимым. Однако эпос фиксирует умножение числа пространственных миров, что свойственно и буддийскому учению о мире.⁵ Очевидным источником таких изменений в образном рисунке вселенной служат высоко чтимые эпосом Упанишады, в которых идея многомирия укоренилась, как можно предположить, благодаря воздействию аборигенной культуры, сохранившей, в том числе и в принципах структурирования пространства, ряд элементов шаманизма. В Мбх. указания на множественность пространственных миров в значительной степени теоретичны и не достаточно последовательны, касаясь, главным образом, высшей, небесной, сферы, куда эпос помещает и мир Индры, и мир коров, и мир детей, и мир Луны, и мир слабо дифференцированных малозначительных ведийских богов Рибху. Увенчиваются эти нечеткие "ярусы" чаще всего миром Вишну.⁶ Гора Меру, по эпическим представлениям, выступает не столько в качестве оси мироздания, сколько центра небесного пространства, – вокруг нее движутся светила, ее окружают миры небожителей.

Космическая горизонталь Мбх., как и любого эпоса Древности, представлена определенным и не случайным набором значимых для эпической культуры пунктов (включающим города и селения, места паломничества, отшельнические пустыни, леса подвижничества, места

омовений и т.п.), описание которых на эпический лад реалистично, а локализация часто географически достоверна. Понятие "центра" земли в Мбх., героическом по своим истокам эпосе, ассоциируется с территорией "своей" для создавшей его традиции и союзных этносов "Срединной земли" – Мадхьядеша, расположенной в междуречье Ганга и Ямуны, которое окаймлено определяемой как варварская периферией. В понимании Мбх. эти окраинные по отношению к Мадхьядешу области смыкаются с силами хаоса: вселенскому потоку как последствию природного дисбаланса предшествует в качестве его главного социального симптома сплошная варваризация мира. Если учесть специфику идеализирующего обобщения эпосом исторической действительности,⁷ то редко отклоняющееся в сторону мифологизма описание земного пространства, где происходят события Мбх., вполне отвечает законам эпического жанра.

Выход за пределы той части горизонтального пространства, которое представлено известными традицией пределами земли с их в целом реальной географией, объединяет космологическую горизонталь с вертикалью мироздания, довершая мифологическую по своим основным характеристикам эпическую картину строения вселенной. Согласно доминирующим в Мбх. представлениям, горизонтальная структура мира четырехчастна. Богов-локапалов, пространственных хранителей мира, называется чаще всего четыре: Яма, сопряженный с югом, Варуна – с западом, Кубера – с севером и Индра – с востоком. Именно такое количество локапалов, представляющих только основные стороны света, фиксируется образностью Мбх., сохраняющей, как правило, мифологические идеи более ранние, нежели те, которые являются определяющими для развитой эпической мифологии.⁸

В более поздних слоях содержания эпоса с углублением знаний человека об окружающем мире четырехчленная схема горизонтального среза мироздания разрастается до восьмичленной. В эту схему в качестве локапалов промежуточных сторон света включаются утратившие в значительной мере свои столь значимые некогда мифологические функции боги стихий и светил – Агни-Огонь, Ваю-Ветер, Сома-Луна и Сурья-Солнце, – унаследованные Мбх. от ведийского периода.

2. В брахманском учении о мировых периодах, югах, время циклично в том смысле, что совокупность четырех юг повторяется тысячу раз в течение одной "великой юги", и та в свою очередь как некая целостность также повторяется теоретически бесконечно. Иными словами, время как бы замкнуто в цикле четырех юг: Критаюги, Золотого века, Трета- и Двапараюги, "промежуточного" времени, и Калиюги, поры социального декаданса, которая завершается всемирным по-

топом. И здесь осмысление космического времени перекликается с Ригведой: уже древним ведийцам было свойственно восприятие времени как циклического процесса,⁹ что присуще аграрным цивилизациям Древности. И тем не менее, поскольку любой эпос историчен (при том, что его история нуждается в адекватном прочтении), ему не может быть чуждо представление о линейности времени, тем более, что исторические события – прошлое создавшего его этноса – пропущены в эпических памятниках через биографию героя, время которой, как время всякой биографии, линейно.

Понимание линейности также и космического времени нашло отражение во временном рисунке каждой из четырех юг и их совокупности. Примечательно, что каждая юга и все они вместе в симметричности своего внутреннего строения реализуют чисто фольклорный принцип стяжения или же растяжения времени в зависимости от его наполненности существенными, с точки зрения фольклора, событиями и процессами. Продолжительность юги определяется социальным критерием, отвечая уровню, на котором поддерживается в этот период дхарма, так что время длительности юг выстраивается в отрицательной арифметической прогрессии – соответственно как 4:3:2:1. Критаюга, Золотой век, в четыре раза длиннее века Кали, что должно подчеркнуть для фольклорного сознания их абсолютную и относительную значимость. Гигантские сроки длительности юг в Мбх. наряду с пониманием линейности героико-биографического и исторического времени можно отнести к "факторам выравнивания" принадлежащего скорее теории, нежели эпической практике, временного циклизма.

3. В изображении Мбх. качественно полярных периодов мифологической эволюции мира временные акценты расставлены таким образом, что Золотой век оказывается глубоко позади по отношению ко времени действия эпоса: его события происходят на границе Двапара- и Калиюги. (Тем самым традиция косвенно дает оценку братоубийственной войне бхаратов). Святой мудрец Маркандея отвечает царю Юдхиштхире на его вопрос о том, что ожидает мир, подробным повествованием о югах, в котором особо акцентирует ужасы вселенской катастрофы.¹⁰ Циклизм теории космических периодов в таком открыто проповедническом эсхатологическом контексте, утверждающем универсальность действия закона дхармы, также отходит на задний план, и время здесь выглядит линейным, однонаправленным – к гибельному для вселенной и человечества концу. Такова еще одна особенность восприятия эпосом времени, вместе с ранее упомянутыми указывающая на диалектичность сочетания линейности и циклизма в древнеиндийских космологических представлениях.¹¹

4. Между эсхатологическим и космогенетическим блоками содержания в изложении теории юг неслучайно помещается описание идеального царя-мессии: композиция учения подтверждает тесную идейную сопряженность его содержательных блоков. Калкин Вишнужаша, представляющий, в отличие от буддийского чакравартина-кшатрия, брахманом по происхождению, в своей деятельности совмещает типовые черты как эпического брахмана, так и кшатрия. Не мирным путем, как чакравартин буддийского учения о мире, но огнем и мечом он покоряет землю и, уничтожив заповоливших весь мир варваров-млечехов и внутренних врагов-дасью, устанавливает централизованную власть. С другой стороны, этот первоцарь-чакравартин задает идеальную модель *vatpāṣṭha* -дхармы, намечая линию социальной жизни не только для будущих царей, но и для всего возрождающегося человечества. Эпическое брахманство неустанно провозглашает необходимость союза с кшатрой, из которой, как считается в Мбх., происходят цари, - таково, очевидно, значение синтеза в образе царя Калкина брахманских и кшатрийских характеристик.

Что касается буддийской "параллели" образу Калкина Вишнужаша (царь, избираемый среди хранителей полей и мирным путем утверждающий власть), то в ней можно усмотреть осознанное противопоставление Калкину фигуры первоцаря, ответную реплику на полнокровный мифологический образ. Несходная разработка концепции царя-чакравартина в обеих традициях объясняется несовпадением их воззрений на происхождение и функции царской власти прежде всего в ее отношении к варновой организации общества. Эти аспекты социальной жизни едва ли имели превостепенное значение для буддийской монашеской общины.

5. Представления эпоса о космогенезе содержат целый сгусток традиционных компонентов, начиная с ассоциированности демоноборчества с космизацией мироздания и кончая амбивалентным характером космических вод, воплощающих не только хаос, но и продуцирующее начало. В учении Мбх. о циклах эволюции вселенной агентом космогенеза назван великий мифологический "аутсайдер" Мбх. - Брахма, бог жречества (что, к слову, прямо указывает на совокупного "автора" концепции - брахманство).

Энотеистическая тенденция, которая выявлена Ф.Макс Моллером в гимновой поэзии Ригведы, сказывается и на отношении эпической традиции к "великим" богам; выдвигая то одного из них, то другого на передний план. Помимо того, в силу нечеткости распределения между богами будущей индуистской триады их космологических функций, каждый из них, а в особенности Вишну, может выступать в трех

ипостасях. Он творит вселенную из себя самого (частичный аналог - ригведийский Пуруша), а в конце Калиюги выступает главным действующим лицом космической катастрофы, уничтожая вселенную. В вопросе об агенте и источнике космогенеза предельно обнажается суть мировоззренческого противостояния эпической традиции и буддизма, выдвигающего на эти позиции не бога-творца, а исключительно карму. Именно в подходе к вопросу об источнике космогенеза, который решается эпосом с теистических позиций, проходит основная линия размежевания между создателями учения о мире в Мбх. и буддийскими теоретиками.

Даже столь беглый анализ основных содержательных блоков эпической космологии позволяет прийти к предварительному выводу о том, что обе идеологически противостоящие, полемизирующие в заочном диалоге традиции - эпоса и буддизма - в значительной мере опираются на общекультурный фонд древнеиндийских мифологических идей, используя их сообразно своим несходным целям и установкам. В складывании этого "фонда культуры" немаловажная роль принадлежит автохтонному компоненту, который с большей, как можно предположить, силой проявляет себя в буддийской космологии, с ее усложненным вертикально-горизонтальным моделированием космоса, в то время как брахманское учение о мире целенаправленно консервирует традиционные, восходящие в конечном итоге к Ведам концепции.

Наибольшие возможности для эксплицитного изложения эпических воззрений на мир открываются в словесных контактах мифологической и героической "партий" Мбх. Главная роль в такого рода беседах и диалогах принадлежит персонажам с высоким духовным статусом - богам (прежде всего - Кришне, например, в "Бхагавадгите" или же "видении" Маркандеи, а также Дхарме, Яме, Сурье и др.) или же святым риши, преимущественно из рода Бхригу, вклад которых в идеологическое редактирование Мбх. убедительно показан В.С.Суктханкаром. В разряд духовных наставников эпических героев входят также и цари старшего поколения: поучение Бхисмы, например, занимает в Мбх. огромную "Шантипарву" и продолжается в "Анушасанапарве". Преклонный возраст эпических персонажей и тем более вечность существования богов и риши тесно ассоциируются с понятием святости, что обеспечивает тому, что ими излагается, статус высокоавторитетного учения. В отношениях поколений эпических персонажей находит свое очевидное отражение традиционный древнеиндийский институт гуру, о чем свидетельствует полное совпадение их функций с функциями наставников в Мбх. В задачи последних входит трансляция

традиционного знания с целью его сохранения, а также, что не менее важно, – социальное воспитание на основании традиционных культурных ценностей и в идеале – воспроизводство духовной личности учителя.¹²

Формальным адресатом брахманского учения о мире является царь Юдхистхира, воплощающий, как и всякий фольклорно-эпический царь, обобщенное, идеальное представление традиции о царе. Многочисленные данные Мбх. прямо указывают на то, что беседа наставника и царя, имеющая мировоззренчески значимое, космологическое, содержание, приводит к психологическому катарсису (Л.С.Выготский), полностью снимая испытываемую, как правило, царем в начале такого словесного контакта сильнейшую негативную эмоцию (страх, смятение, отчаяние и т.п.). Тем самым, апеллируя не только к разуму (просветительская функция беседы), но и к чувству, воображению героя, брахманство весьма тонко рекламирует возможности психологического воздействия своего учения–проповеди не просто на эпическую личность, но на личность главы древнего общества – царя. И в то же время создателями древнеиндийского эпоса вполне осознаются подлинные масштабы той аудитории, к которой он обращен. По данным самой Мбх., самые широкие слои населения допускались к слушанию эпоса (в отличие от Вед). Им и предназначалось популярное, в лучшем смысле этого слова, изложение учения о мире в форме яркой проповеди неукоснительного следования религиозному долгу.

-
1. Подробно см.: С.Л.Невелева. Контекстные связи эпической шлоки. – Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987, с. 98–112.
 2. См.: Махабхарата. Книга Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскр., предисл., и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987, с. 378–395.
 3. Об эпических типовых мотивах см.: Б.Н.Путилов. Мотив как сюжетообразующий элемент. – Типологические исследования по фольклору. М., 1975, с. 141–155.
 4. J.Dahlmann. Das Mahābhārata als Epos und Rechtsbuch. Berlin, 1895; он же: Genesis des Mahābhārata. Berlin, 1899.
 5. О взглядах эпической традиции на строение мироздания см., напр.: С.Л.Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса. Пантеон. М., 1975, с. 65.
 6. См. там же, с. 23.
 7. О сущности эпического историзма см.: Я.В.Васильков. Махабха-

- рата как исторический источник. - "Народы Азии и Африки". 1982, № 5, с. 50-60 (библиография вопроса - там же).
8. См., в частности, С.Л.Невелева. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979, с. 114.
9. Значение временного циклизма в ведийской космогонии подчеркнуто Ф.Б.Я.Кейпером в статье "Основополагающая концепция ведийской религии"; см.: Ф.Б.Я.Кейпер. - Труды по ведийской мифологии. М., 1986, с. 28-37.
10. См. Махабхарата. Книга Лесная (Араньякапарва), с. 390-394.
11. Замечание о диалектике линейности и циклизма в древнеиндийских представлениях о времени принадлежит Е.П.Островской.
12. Ср.: В.С.Семенцов. Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы "Бхагавадгиты". - Восток-Запад. М., 1988, с. 5-32.

К.В.Орлова

ОБ ОЙРАТСКОМ ПЕРЕВОДЕ "КОММЕНТАРИЯ К УЛИГЕР-УН НОМ"

Среди обширной повествовательной литературы, переведенной монголами с тибетского языка, заметное место занимает комментарий, составленный в XII в. тибетским ламой Шэйрабдорджи к сочинению "Улигер-ун ном" ("Книга притч"), в основе которого лежат устные наставления тибетского проповедника Потобы (1027-1105 г.), прославившегося умением доносить до слушателей положения буддийского учения в увлекательной форме легко доступных и понятных каждому притч, сказок, легенд.

В конце XVII - начале XVIII в. комментарий Шэйрабдорджи был переведен на монгольский язык и в 1720 г. напечатан в Пекине ксилографическим способом.¹ Позже в Пекине появилось еще одно ксилографированное издание "Комментария к Улигер-ун ном" Шэйрабдорджи на монгольском языке.² В 1861 г. это второе пекинское издание комментария было переиздано в бурятском Цулгинском дацане.³ Таким образом, благодаря деятельности пекинских и бурятских издателей, монгольский перевод "Комментария к Улигер-ун ном" Шэйрабдорджи стал легко доступен и распространен в различных областях расселения монгольских народов. Достаточно хорошо известен он и востоковедам, поскольку, судя по имеющимся каталогам, экземпляры пекинских изданий имеются во многих собраниях монгольских рукописей и ксилографов.⁴

Сведения о монгольских переводах комментария Шэйрабдорджи появились и в научной литературе. Так, Ц.Дамдинсурэн посвятил им целый раздел в "Очерке монгольской литературы",⁵ где наряду с монгольскими переводами кратко упомянут и ойратский перевод, существующий на заяпандитовском "ясном письме".⁶

Ойратская рукопись "Комментария к Улигер-ун ном", известная Ц.Дамдинсурэну, хранится в Государственной Публичной библиотеке Улан-Батора⁷ и не имеет, по его словам, колофона переводчика. Упоминаний о других ойратских рукописях указанного сочинения нам не встречалось более ни в каталогах, ни в описаниях зарубежных монгольских коллекций. Поэтому до сих пор оставалось неизвестным – кто и когда перевел "Комментарий к Улигер-ун ном" на ойратский язык и перевод ли это вообще или переложение с монгольского письма на ойратское – явление довольно обычное для письменного наследия западных монголов.

Ответы на эти вопросы удалось найти в ленинградских собраниях монгольских рукописей и ксилографов, где имеются сразу четыре рукописных экземпляра интересующего нас сочинения на ойратском "ясном письме". Два из них находятся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ и имеют шифры Д 21 и Е 4. Остальные два включены в состав монгольского фонда рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР под шифрами Н 330 и Н 331.⁸

Правда, одна из рукописей (Д 21), также как и уланбаторский экземпляр, не содержит колофона переводчика. Зато в трех других помещены и авторский колофон и пространный стихотворный колофон переводчика (Н 330, л. 203б):⁹ Bodova er=gini ilyaliyin nom: udxa todouruulun üyiledkü zula: erde=ni coqcoloqson üligeriin nomiyin gbum tayilbur: toyin šes-rab rdo-rzeyin zokoqson tögüsbei:: (204a): Uriduyin sayin buyan-yēr oloni ezen bolun: Osoldol ügei: xoyor yosun-du kicēqci mönggö tömör kigēd: Uriduyin učiral-yer öböriyin šidar ürgülji orošin: Onco xoyor yosui-yi бүтөл-дүүгчи Rgya-mco dgecül duraduqsan-du: Olon töröliyin üyedü mungxagiin çayān-yēr: Ori abxu gēküi üzeküi nidün soxorobo=cu: Olon dēdüşiyin zarligiyn xadxaar-yēr bürgülzeküi ücūūken ariluqsan: Osol oyoutu pandida cos-rze kemēkü orčiulun:: Kicēkü kinaxu terigüüten uriduki sayidiyin zang: Kereqlen šes-rab Yešes xayiratu ombo samburadan: Kēzē=bese nomiyin üyile-ēce ülü kelberen: Kicēn бүтэн üyiledүүгчи šontol Darxan baqši çasun-du буулыабай::

Сто тысяч комментариев, составленных тойном Шэйрабдорджи к

"Книге притч", собранию сокровищ [мудрости], светильнику, проясняющему смысл важных особенностей учения Потобы, окончены.

По напоминанию постоянно жившего [в силу] прежних обстоятельств у своих родных,

[Но] строго исполнявшего вместе с ними два закона, Безупречно усердствовавшего [для пользы] двух законов, пожертвовавшего серебро-металл

И ставшего обладателем многих [исполненных] в прошлом благодеяний Джамцо-гэцула,

Перевел нерадивый пандита-цорджи,

Устранивший немного злостные искажения повелений многих святых, [С тем, чтобы] даже слепые до конца разглядели полезное и вредное И с легкостью [убедились в своем] невежестве в пору [прежних] многочисленных перерождений.

Приложив усердие и старание, свойственные чиновникам прошлого, Шэйраб-Еши с любовью записал [все] на доске [для письма].

Всецело заботясь о том, чтобы никогда не уклониться от деяний святого учения,

Шонтол (?) Дархан-багш переписал [это] на бумаге.

Ознакомившись с колофоном ойратского перевода "Комментария к Улигер-ун ном", можно, однако, убедиться, что имени-то переводчика в нем, в сущности, и нет. Указаны только его духовная степень (пандита) и монастырская должность (цорджи). И тут возникает определенная проблема с установлением личности этого пандиты-цорджи.

Дело в том, что им может быть и Зая-пандита Намхай-Джамцо (1599-1662 г.), использовавший в колофонах своих переводов, как подсчитал Х.Лувсанбалдан, по меньшей мере 23 варианта титулования,¹⁰ и в том числе такой, например, как пандита-рабджамба-цорджи,¹¹ что весьма похоже на вариант, использованный в приведенном выше колофоне.

Но может под этими титулами скрываться и другой ойратский литератор, живший в конце XVII - начале XVIII в., также занимавшийся переводами с тибетского языка.¹² Причем, все свои переводы, как это можно установить по имеющимся в данный момент сведениям, он подписывал всегда как "пандита-цорджи" и потому подлинное имя его пока остается загадкой.

Встав перед необходимостью решить, кто же из двух упомянутых ойратских книжников осуществил перевод комментария Шэйрабдорджи, мы склоняемся к тому, что появление ойратской версии с большим основанием можно связать с именем Зая-пандиты Намхай-Джамцо. Ос-

новым аргументом в пользу нашего предположения служит содержание колофона, где помимо имени (в данном случае титулов) самого переводчика названы также имена других участников работы над этим переводом, что наиболее характерно как раз для заяпандитовских трудов.¹³

Связано это с методом работы Зая-пандиты-переводчика. Известно, что Зая-пандита сам никогда не записывал свои переводы, а диктовал их ученикам, один из которых сначала фиксировал все на доске для письма, а затем уже другой ученик начисто переписывал текст на бумаге. Кроме того, совершенно обязательным для всех известных ныне переводов ойратского Зая-пандиты было указание имени инициатора перевода того или иного тибетского сочинения.¹⁴ Все эти компоненты, как мы видим, присутствуют в колофоне ойратской версии "Комментария к Улигер-ун ном".

В колофонах же четырех дошедших до нас ойратских переводов с тибетского, принадлежащих второму, пока безымянному, пандите-цорджи,¹⁵ в лучшем случае названы имена инициаторов переводов.¹⁶ Упоминаний о писцах и переписчиках в них нет совсем.

Разумеется, проблемы с атрибуцией ойратского перевода "Комментария к Улигер-ун ном" не возникло бы, будь данное сочинение названо в числе переводов Зая-пандиты Намхай-Джамцо, указанных в жизнеописании сего ойратского просветителя, составленном его ближайшим учеником Ратнабхадрой. Но заглавия, хотя бы отдаленно напоминающего заглавия известных нам ойратских и монгольских рукописей и ксилографов комментария, в списке Ратнабхадры нет.

Здесь необходимо отметить одну из особенностей перечня переводов Зая-пандиты в изложении Ратнабхадры. Состоит она в том, что большая часть названий переведенных сочинений дана в очень кратком, порой весьма приблизительном виде, иногда и вовсе в тибетской форме, что, конечно же, существенно затрудняет пользование упомянутым перечнем. Учитывая это обстоятельство, мы попытались определить — под каким же из 170 названий переводных сочинений, поименованных в списке Ратнабхадры, скрывается интересующий нас комментарий.

Ключ к разгадке находится, как нам кажется, в названии сочинения, помещенном в конце всех известных ныне ойратских рукописей комментария, а именно слова "gbum tayilbur" ("сто тысяч комментариев"), а точнее даже — только слово "gbum", которое в сочетании "Ücüiken gbum" ("Малые сто тысяч") встречается и в списке Ратнабхадры.¹⁷

Подтвердится ли это предположение или нет, но ясно одно — выявлен еще один перевод ойратского Зая-пандиты, перевод доволь-

но значительный по объему, включающий к тому же один из очень немногих образцов повествовательной дидактической литературы, удостоившихся внимания Зая-пандиты.

1. W.Heissig. Die pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. - Göttinger Asiatische Forschungen. T.2. Wiesbaden, 1954, N 56.
2. Там же, № 121.
3. Б.Я.Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А.Д.Руднева. - Известия Российской Академии Наук. Пр., 1918, с. 1556, № 57; Rinchen. Four Mongolian Historical Records. - Indo-Asian Literatures. T. II. New Delhi, 1959, с. 109, № 1183(18).
4. L.Bese. A preliminary on the Mongolian manuscripts and xylographs in the Oriental Collection. - Jubilee Volume of the Oriental Collection. 1951-1976. Budapest, 1978, с. 46, Mong. 125, Mong. 231; D.Farquhar. A description of the Mongolian manuscripts and xylographs in Washington, D.C. - CAJ. T.I, N 3, The Hague - Wiesbaden, 1955, N 59, 60; W.Heissig, K.Sa-gaster. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Wiesbaden, 1961, N 297; W.Heissig, C.Bawden. Catalogue of Mongol books, manuscripts and xylographs. Copenhagen, 1971, с. 224, Mong. 388; L.Ligeti. La collection Mongole Schilling von Canstadt à la Bibliothèque de l'Institut. - T'oung Pao. T. XXVII, с. 173, N 3600; А.Г.Сазыкин. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. М., 1988, № 355-357.
5. Монголын уран зохиолын тойм. Т. 2. Улаанбаатар, 1977, с. 508-517.
6. Там же, с. 509-510.
7. Там же, с. 510; Х.Лувсанбалдан. Тод усэг, тууний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975, с. 214, № 0049.
8. Сазыкин, 1988, № 2244, 2245.
9. Колофоны во всех трех указанных рукописях идентичны.
10. Х.Лувсанбалдан. Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты. - Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987, с. 45-46.
11. Там же, с. 45, № 12.
12. Лувсанбалдан, 1975, с. 158-159.
13. Там же, с. 146-147.

14. Там же, с. 129-131.
15. Там же, с. 158-159.
16. См., например, рукописи с двумя переводами пандиты-цорджи из собрания ЛО ИВ: "Sayin Mayadayin tuuŋi oroŋiboi" (С 318); "Tarxou üre kemëkü oroŋibo" (Н 115).
17. Biography of Caya pandita in Qirat characters. - Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. 5, fasc. 2-3. Ulanbator, 1967, с. 8.

А.Ф.Троцевич

"ПОЕДИНОК БОГА ГРОЗЫ СО ЗМЕЕМ" В КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В картине мира многих народов существенное место занимает противопоставление жизни-смерти, космоса-хаоса. Столь же устойчивы, как и сама эта оппозиция, попытки человеческой мысли найти способ преодоления смерти, хаоса. Решение этой основной проблемы предлагают мифы и, в частности, один из самых распространенных среди народов мира - миф о поединке Бога Грозы со Змеем.

В настоящее время проблемы, связанные с этим основным мифом, изучены на большом материале только для индоевропейской традиции.¹ Дальневосточные мифологические тексты и, в частности, корейские, еще не исследовались и проблемы этого мифа у народов Дальнего востока не ставились. Поэтому в данной статье предпринята попытка обсудить этот вопрос на корейском материале.

Исследования индоевропейского мифа о Громовержце позволили реконструировать основную сюжетную схему, а также отдельные мотивы и семантические элементы. В основном сюжете мифа речь идет о борьбе Бога Грозы со Змеем, во время которой Бог Грозы преследует Змея, а тот прячется от него под видом разных живых существ, под деревом или под камнем. Победа Бога Грозы и поражение Змея приносят плодородие - жизнь, которые и есть конечный результат последнего эпизода мифа.²

Итак, в индоевропейской традиции Бог Грозы выступает как положительный персонаж, связанный с Космосом, в то время как Змей является носителем сил хаоса, смерти, которая побеждается в борьбе и уничтожается.

Сравнение результатов исследования славянского мифа, проделанного В.В.Ивановым и В.Н.Топоровым, с корейским материалом обращает наше внимание на то, что корейские основатели древних го-

сударств - герои преданий - наделены некоторыми чертами Громовержца.³

Для обсуждения проблемы используем языковые тексты предания о царе - основателе древнего корейского государства Когурё Тонмёне-Чумоне, попытаемся реконструировать корейский миф о Боге Грозы и показать на примере этого мифа, как решалась основная проблема преодоления смерти-хаоса.

Мы воспользовались одним из текстов предания о Тонмёне-Чумоне - комментариями известного поэта XII в. Ли Гюбо к его поэме "Государь Тонмён", в которых воспроизведен текст ныне утраченной "Древней истории Трех государств".⁴ Поскольку поэма и комментарии к ней переведены на русский язык, мы попытаемся здесь исследовать семантику действующих лиц, обратив при этом внимание лишь на узловые моменты предания.

Итак, герой, Сын Небесного государя, передвигается в колеснице, запряженной пятью драконами. Колесница обладает свойством проникать в три пространства и связывать их: небесное, земное (гора) и подводное (владения Божества реки). Она движется либо вниз (на гору, в царство Божества реки), либо вверх (в небо из воды). В индоевропейском мифе такого рода колесница является боевым атрибутом Бога Грозы.⁵ Колесница Бога Грозы запряжена, как правило, конями, либо другими домашними животными (козлами, быками), при этом их - пара или четверка.⁶

В колесницу корейского Сына Небесного государя запряжено пять драконов. Драконы - хтонические существа, связанные с водой-дождем, грозой. Они воплощают мужскую производительную силу. Их число - пять - подчеркивает расцвет активности мужской силы.

Драконы, запряженные в колесницу, влекут Сына Небесного государя вниз, к земле - на гору. Л.П. и В.Л. Сычевы, исследуя символику изображений на китайском ритуальном костюме, заметили, что "низвергающийся дракон" всегда помещался в правой части платья, т.е. имел западную ориентацию и символизировал идею смерти.⁷ Таким образом, спускающаяся вниз "драконова колесница" могла означать смерть небесного героя.

Но "умирающих драконов" пять, т.е. их смерть связана с активной производительной силой и это подчеркивает идею умирания, связанного с зачатием - новым рождением. Не случайно "драконова колесница" нисходит на гору. Гора (земля), как известно, представляется женским зачинающим и рождающим началом. Атрибуты Сына Небесного государя (колесница, пять драконов) и его действия (нисхождение к горе-земле) дают основания увидеть в этом персо-

наже признаки Бога Грозы, совершающего акт смерти-зачатия.

Далее, Сын Небесного государя, спустившись на гору, получает солярные признаки: суточный цикл деятельности (рождается – является утром, днем занимается делами правления, а по вечерам возвращается на небо); и внешность – выходит к людям в шапке с крыльями ворона, а ворон почитался в Корее как солярная птица.

Итак, Сын Небесного государя, имеющий черты Бога Грозы, устремляется вниз, к горе. В результате его взаимодействия с горой он преобразуется в солярного персонажа, который обладает организующими функциями.

Все эти данные наводят на мысль о том, что в основе первого эпизода предания лежит миф о зачатии-рождении в начале лета (в четвертой дуне) солярного божества. В качестве его "родителей" выступают Бог Грозы и гора. Сравним мотив взаимодействия Бога Грозы с горой в "Ригведе": Индра, вооруженный палицей, убивает дракона, покоящегося на горе.⁸ Т.е. гора здесь связана с драконом как место его пребывания. Чтобы одарить людей благом, герой убивает дракона, рассекает гору (камень, скалу). В обоих примерах цель действий одна – принести благо людям, но в одном случае оно рождается как результат борьбы и уничтожения-разрушения, в другом – как плод брачного соединения.

Преобладание мотива брачного соединения и плодородия раскрывается во втором эпизоде предания, в котором действуют два персонажа: "небесный герой" и "водяная дева". Небесный герой охотится и встречает водяную деву. Она сначала прячется от него в воде, но потом герой пленяет ее с помощью нефритового кнута и медных хором.

В индоевропейской традиции медь и камень (здесь – нефрит) известны как орудия Бога Грозы (ср. медные атрибуты Индры в "Ригведе" или в описании литовского Перкунаса).⁹ Кроме того, в "Ригведе" в качестве орудия божества назван хлыст, который сравнивается с огнем, молнией и вызывает дождь.¹⁰

Таким образом, корейский герой, вступая в связь с хтонической девой, использует против нее те же предметы, что и индоевропейское Божество Грозы. Однако в орудиях Сына Небесного государя, которыми он ловит водяную деву, преобладает семантика зачатия, а не убийства: нефритовым кнутом герой не поражает противника, а рисует хоромы, из меди сделано не смертоносное оружие, а воздвигаются покои, в которые и входит герой, чтобы соединиться с водяной девой. Итак, "поединок" корейского персонажа, обладающего признаками Божества Грозы, с хтоническим существом – водяной де-

вой, оканчивается не победой и уничтожением "противника", а брачным соединением.

Хтонический противник корейского Бога Грозы выступает в двух ипостасях – женской и мужской: водяной девы и ее отца Божества реки. В третьем эпизоде предания герой, оказавшись во владениях Божества реки, пирует и состязается с хозяином. При этом, сын государя Неба так же, как и его противник, трижды меняет свой облик. Они превращаются в три пары животных – естественных охотников и их жертв. Эти три пары представляют три пространства: нижнее – водяное (выдра-рыба), среднее – земное (шакал-олень) и верхнее – небесное (сокол-фазан). Преследование жертвы хищным зверем входило в круг весенних игрищ, связанных с сезонными ритуалами, которые проводились для обеспечения плодородия.¹¹ Несомненно ритуальное значение имеют и сцены охоты (в частности, на оленей с собаками) в настенной росписи гробницы когурёсского государя Мурёль-вана, на воинских латах и на черепице.¹²

Кроме того, пребывание в подводных владениях связано с укрытием героя в кожаном возке. Хозяин реки, пытаясь удержать Сына государя Неба, помещает его и свою дочь в кожаный возок, но тот протыкает кожу золотой шпилькой и взлетает на Небо.

Семантика закрытого возка из кожи (замкнутое помещение) как материнского лона, нам кажется, не вызывает сомнений. Нахождение в нем речной девы рядом с Сыном Небесного государя говорит о связи этого лона с дочерью Речного божества, т.е. для героя быть в плену у Речного божества равнозначно его пребыванию в лоне у водяной девы. Функционально отец и дочь равны друг другу. Возможно, здесь мы имеем дело с универсальным в мифологии случаем раздвоения персонажа: Речное божество и его дочь появились как результат "расщепления" женского зооморфного существа – хозяйки горы и воды. В предании это женское существо сохранилось в облике дочери Речного божества, связанной с камнем и водой и обладающей чертами вредителя: сидит на камне и ворует рыбу (ср. функции Змея, который находится под камнем (или на камне) и лишает людей воды, скота). Дочь Речного божества наделена той же вредоносной ролью, что и Змей. С другой стороны, она – брачная пара для героя и мать, рожающая царя-устроителя и тем самым дарующая людям благо. В предании ее сущность брачного партнера и благотворительницы выдвинута на первый план, а функция губительницы не развита – на эту роль выдвинулся мужской персонаж – ее отец, Божество реки.

Герой освобождается из плена (рождается) с помощью золотой шпильки. Понимание золота как знака солярности в мифах универ-

сально, так же универсально и мифологическое представление о тождестве героя и его орудия. Эпизод с кожаным возком, таким образом, можно расшифровать как рождение солнца (солнечного луча) из лона водяной деви.

В фигуре Сына Небесного государя объединены черты, свойственные как Богу Грозы, так и солнечному божеству. В.В.Иванов и В.Н.Топоров замечают, что такое объединение признаков в одном персонаже характерно и для традиций народов Северной Азии.¹³

Далее, водяная дева оказывается в закрытом помещении, куда проникает солнечный луч. В результате она в четвертой луне родила большое яйцо, из которого вышел основатель царства Когурё. Мотив яйца и порождающего солнечного луча свидетельствуют о соляриной природе вновь рожденного героя. Обратим внимание на то, что супруг водяной деви, Сын Небесного государя, спустился на землю к людям тоже в четвертой луне – начале лета. Во временном плане с момента появления на земле Сына Небесного государя до рождения его наследника – основателя Когурё прошел ровно год. Точно так же летом, в четвертой луне Юри, сын основателя, сменяет на престоле отца.

Таким образом, развитие действия в предании от четвертой луны, начала лета, к четвертой луне следующего года дает время повествования как трижды повторенный цикл и наводит на мысль о том, что здесь речь идет о годовом солярном цикле, где Солнце как божество плодородия вступает в активную фазу производительной силы в начале лета, т.е. каждый год оно в это время нарождается вновь, тем самым обеспечивая плодородие – жизнь.

Корейская интерпретация мифа о поединке Бога Грозы со Змеем сохранилась в памяти культуры. Так, устойчивость мифологической традиции можно проследить на примере двух художественных текстов разного времени: романа ХVII в. и повествования ХIХ в.

Роман Ким Манджуна (1637-1692) "Облачный сон девяти". В этом романе есть такой эпизод: герой Ян Соу вместе со своей армией после тяжелого перехода в горах спустился в долину "Свернувшейся змеи". Увидев озеро "Белого Дракона" – Байлун, солдаты, измученные жаждой, бросились пить, но вода в озере оказалась отравленной. Лишь после того, как герой провел ночь с хозяйкой озера и победил ее недруга-жениха, сына Дракона Южного моря, хозяйка озера одаривает воинов водой и "множеством голов скота".

В эпизоде три персонажа. Герой Ян Соу имеет солярные признаки,¹⁴ в числе которых и его фамилия Ян – "Тополь", фонетически и отчасти графически ассоциирующаяся с иероглифом "ян", обозна-

чающим "солнце". Обратим внимание и на оружие Ян Соу – нефритовую плеть, которую он использует в сражении с морским воинством (вспомним плеть-молнию – оружие Бога Грозы в индоевропейской традиции, а также нефритовую плеть Сына Небесного государя в предании о Тонмёне-Чумоне). Два водяных персонажа – дочь Дракона, хозяйка озера, хранительница воды и скота, и сын Дракона Южного моря, предпринимающий враждебные акции против героя. С водяной девой герой вступает в брачную связь, с драконом он сражается и побеждает. Здесь так же, как и в предании о Тонмёне-Чумоне ролью вредителя наделили мужчину, а ролью брачного партнера – женщину.

Итак, в эпизоде романа универсальный для мифа набор персонажей: Змей – хранитель воды (хозяйка озера и сын Дракона) и Бог Грозы (солярный герой Ян Соу), добывающий воду в "поединке" с Драконом (в состязании и брачном соединении). После сражения и соединения с героем хозяйка озера одаривает победителя не только водой, но и "множеством голов скота, чтобы на славу угостить воинов". То есть в корейском романе так же, как и в индоевропейском мифе, люди получают воду и скот. Однако все эти блага приобретаются не только в результате победы и уничтожения противника, но и, главным образом, через брак с водяной девой – хозяйкой воды и скота. При этом, именно брак, а не сражение выдвинут здесь на первый план и значим как важный сюжетный узел: дочь Дракона в конце романа становится женой Ян Соу.

Повествование XIX в. "Записки о том, как уничтожили нечисть" включено в собрание сюжетных историй, которые использовались в качестве учебных текстов Ким Джегуком – корейским учителем английского консула в Сеуле У.Дж.Астона.¹⁵

В "Записках..." рассказывается о большом Змее, который превратившись в енота, проник в дом министра, чтобы жениться на его дочери. Змея разоблачил родственник министра Ван У. Разгадав в еноте оборотня, Ван У уничтожил его при помощи "громовой веревки" и "тысячелетнего сокола". Разоблачение и убийство оборотня происходит в четвертой луне во время пира. После этого Ван У женится на дочери министра и у них родятся сын и дочь.

Мифологическая основа этого произведения детально исследована М.И.Никитиной, которая пришла к выводу о том, что произведение использовалось как ритуальный текст.¹⁶

Главные действующие лица повествования: змей-оборотень – разрушитель космической гармонии и солярный герой, одновременно обладающий чертами Бога Грозы, который должен сразиться со Змеем, чтобы восстановить гармонию и обеспечить плодородие. Именно на

последний момент (плодородие) мы и хотим обратить внимание.

В "Записках..." солярный герой поражает Змея-оборотня орудием Бога Грозы – громовой веревкой – возможной модификацией молнии, а также соколом (в предании о Тонмёне сокол является воплощением самого солярного героя).

Сражение со Змеем происходит на пиру (вспомним состязание Сына Небесного государя с Божеством реки во время пира; пленение водяной девы в медных хоромаш происходит также во время пира). Повествование, таким образом, оперирует рядом мифологически равнозначных действий: пир-сражение-брачное соединение, где участники трапезы, борьбы и брака – одни и те же фигуры, т.е. солярный герой и хтонический противник. Действительно, в "Записках..." вслед за победой над Змеем происходит брак юноши-победителя и дочери министра.

Дочь министра в повествовании – лицо не действующее, ее функция – быть брачным партнером герою и тем самым реализовать корейскую модель поединка Бога Грозы со Змеем. В самом деле, женщина связана с хтоническими силами. В корейских преданиях она – божество горы-земли, хранительница воды, дождя. Наверное, не случайно матери и жены древних корейских царей почитались как хозяйки земли-горы, ведающие дождем.¹⁷ Брак с такой хозяйкой обеспечивал плодородие – жизнь. В связи с этим дочь министра, обладающая хтонической сущностью, скорее выступает здесь как женский двойник самого Змея, т.е. в "Записках..." разыгрывается ситуация, описанная в предании о Тонмёне-Чумоне и в эпизоде из романа "Облачный сон девяти", где солярный герой (Бог Грозы) встречается с "хтоническим противником", представленным двумя фигурами – мужской и женской. В "Записках..." мы видим тех же мифологических персонажей на тех же местах: герой орудиями Бога Грозы сражается с мужской ипостасью хтонического антагониста и вступает в брак с женской. Не случайно во всем повествовании этой женской фигуре не отведено никакой роли: главный хтонический персонаж, с которым связаны все события, – ее мужской двойник, вредитель – Змей. Дочь же появляется для гармонического завершения всего действия, которое и оканчивается браком и рождением потомства. Таким образом, в основе произведений XIX в. лежит корейская мифологическая модель поединка Бога Грозы со Змеем, поединка, в котором главное не поражение противника, а брачное соединение и новое рождение.

Мы попытались реконструировать корейский миф о Боге Грозы и показать, как в нем решалась основная проблема преодоления смерти-хаоса. В основном сюжете мифа Бог Грозы преследует хтоническо-

го противника с помощью традиционных орудий – камня, металла. Он находится наверху, на небе, его противник – внизу, на земле, в воде. В начале лета Бог Грозы нисходит к хтоническому антагонисту и с помощью своего орудия овладевает – соединяется с "противником". В результате этого брачного соединения появляется на свет младенец, обладавший солярными признаками. Основное противоположение снимается, таким образом, не борьбой и уничтожением носителя хаоса, а брачным соединением "противников" и рождением молодого устроителя – плодородия, космоса.

Корейский миф оперирует той же оппозицией космос-хаос, жизнь-смерть, что и индоевропейский, но в отличие от последнего, члены корейской диады не имеют четко выраженных оценок положительного-отрицательного, добра-зла. Между ними нет непримиримых отношений, которые можно разрешить только в борьбе и торжестве одной из сторон. "Антагонистические силы" корейского мифа дополняют друг друга как "мужское" и "женское", действуя гармонично в едином акте творения – плодородия, которое и выступает как начало, организующее устройство.

Подобно тому, как в природе каждый сезон года наступает в свой черед, так и рождение нового устроителя приходит в свое время. Его внутренняя творческая сила и преобразует хаос в космос. При таком понимании развития активное вмешательство в естественный порядок становится бессмысленным.

Идея гармонического союза и плодородия, а также представление о циклической смене хаоса космосом, которые нашли изначальное оформление в мифе, как нам кажется, определили некоторые особенности корейской литературы. В частности, они могли подсказать способ разрешения конфликтных ситуаций. В корейских повестях и романах, как правило, действие развивается от хаоса к установлению гармонии,¹⁸ при этом, гармония достигается отнюдь не благодаря активным усилиям положительных персонажей. В произведениях корейской прозы нет активных борцов, сражающихся с недругами и побеждающих, либо гибнущих в борьбе. Ее герои пассивны, они обладают благородными качествами и всегда связаны с космосом – имеют природу устроителей. Пройдя серию испытаний, положительные персонажи непременно обретают славу, чины и могущество, т.е. как бы вновь рождаются на свет уже в ином, более высоком качестве. Именно появление героя в новом качестве, а не борьба и победа, обеспечивает установление гармонии и снимает трагическую развязку.¹⁹

И. См.: В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Исследования в области славянских

- древностей. М., 1974; Т.В.Цивьян. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце. Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
2. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Исследования в области славянских древностей, с. 103, 154, 157-158.
 3. Р.Ш.Джарылгасинова, рассматривая проблему этногенеза когурёсцев, замечает близость древнекорейского имени Тонмёна-Чумона с именем божества Грома у вьетнамских народов. См.: Р.Ш.Джарылгасинова. Этногенез и этническая история корейцев. М., 1979, с. 101.
 4. Корейские предания и легенды. М., 1980, с. 205.
 5. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Исследования в области славянских древностей. М. 1974, с. 81-83.
 6. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Ук.соч., с. 29.
 7. Л.П.Сычев, В.Л.Сычев. Китайский костюм. Символика, история. Трактовка в литературе и искусстве. М. 1975, с. 43.
 8. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Ук.соч., с. 99.
 9. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Ук.соч., с. 103, 84.
 10. Б.Л.Огибенин. Структура мифологических текстов "Ригведы". М. 1968, с. 29.
 11. Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трёх государств) Пхеньян. 1958-1959, т. 2, с. 122.
 12. A Pictorial Encyclopedia of the Oriental Arts. Korea. N.Y. 1969. N 14, N 6, N 61.
 13. В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Ук.соч. М. 1974, с. 151.
 14. А.Ф.Троцевич. Корейский средневековый роман. "Облачный сон девяти" Ким Манджуна. М. 1986, с. 58, 120-125.
 15. Я благодарна Д.Д.Елисееву, который позволил мне ознакомиться с неопубликованной рукописью своих переводов коллекции рассказов, составленной Ким Джегуком.
 16. М.И.Никитина. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М. 1982, с. 210-220.
 17. А.Ф.Троцевич. Ук.соч., с. 101, 104, 105-106.
 18. А.Ф.Троцевич. Ук.соч., с. 121-125; А.Ф.Троцевич. Корейская средневековая повесть. М. 1975, с. 220-233.
 19. А.Ф.Троцевич. Корейская средневековая повесть, с. 142-147; А.Ф.Троцевич. Корейский средневековый роман. "Облачный сон девяти" Ким Манджуна. с. 22-24, 38-40, 120-121.

ЯПОНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АЙНСКОМ ЯЗЫКЕ

Общеизвестно, что айны подвергались сильному японскому культурному влиянию с конца I тыс. н.э. Вследствие этого в айнский язык вошло значительное число слов японского происхождения.

Японский слой айнской лексики состоит из contemporaneous заимствований - имеются как очень древние японизмы, например, сиппо "соль" < древнеяпонского (ДЯ) сифо "соль" или понэ "кость" < ДЯ фонэ "кость", так и слова вошедшие в айнский язык не ранее конца XVIII в., например, хата "флаг" < яп. хата "флаг" или хон "книга" < яп. хон "книга". Судя по фонетическому облику заимствований и наличию большого числа диалектизмов, айнский язык заимствовал лексику преимущественно из северных диалектов японского языка (так называемых диалектов Тохоку). Например, яп. фудэ "кисть" (для письма) в диалекте Вихоро засвидетельствовано в форме хунтэ, источником которой могли быть лишь северные диалекты, поскольку только в них сохранились праяпонские (ПЯ) интервокальные преназализованные глухие дентальные и губные, перешедшие в других диалектах в звонкие (ср., например, токийское фудэ и диал. Аомори фу^Ндэ "кисть"). Однако, не исключена и возможность заимствования из других диалектов японского языка. Так, например, в диалекте Обихиро то же яп. фудэ "кисть" имеет форму хутэ (интервокальные глухие в айнском могут факультативно произноситься как звонкие).

Насколько нам известно, до сих пор не существует ни одной сводки японских заимствований в айнском языке. В "Диалектологическом словаре айнского языка" Хаттори Сиро¹ японизмы помечаются лишь эпизодически, многие несомненные заимствования из японского языка не отмечены вообще или указаны как японизмы только гипотетически.

Задача настоящей публикации заключается в том, чтобы дать краткий список японских заимствований в айнском языке, который впоследствии, естественно, может быть расширен. Исходя из этого, мы не включили в список неясные или спорные случаи типа яп. тэ < ДЯ тэ < ПЯ *та-и "рука" ~ айн. тэк "рука", где -к можно рассматривать как омертвевший показатель некоторых парных частей тела (ср. си-к "глаз", но-к "яичко").

Мы пользуемся русской транскрипцией для айнского языка. Со-

ответствия знаков латинской и русской транскрипций :

русс.	лат.	русс.	лат.	русс.	лат.
а	a	п	p	р	r
и	i	т	t	с ²	s
у	u	к	k	в	w
э	e	ч	c	х	h
о	o	й	y	,	,
м	m	н	n		

Гортанная смычка в нашей транскрипции передается только в середине слова, поскольку в начале слова перед гласным она появляется автоматически. Словесный акцент, характерный для диалектов Хоккайдо (кроме диалекта Бихоро, где он утрачен) передается следующим образом. В односложных словах высокий тон не обозначается, так как он появляется в них автоматически. После многосложного слова ставится цифра, которая указывает, с какого слога от начала слова возникает высокий тон. Если слово из диалекта Бихоро, в котором нет словесного акцента, совпадает на сегментом уровне со словом из другого диалекта, имеющим словесный акцент, форма диалекта Бихоро отдельно не приводится. Курильские материалы, за исключением записей Тории Рюдзо, приводятся в графике оригинала.

Сокращенные обозначения диалектов и материалов

Диалекты Хоккайдо - ХКД Сахалинский диалект Райчиска - САХ

Якумо - Я

Хоробэцу - Х

Сару - СА

Обихиро - О

Бихорь - Б

Асахигава - А

Наёро - Н

Соя - СО

Материалы по языку курильских айнов

Материалы Тории Рюдзо - Кт

Материалы Дыбовского - Кд³

Материалы Вознесенского - Кв⁴

Части тела, их функции и выделения

1/ понэ¹ "кость" (ХКД), пони (САХ), пони (Кд) "кость" < ДЯ фонэ "кость".

2/ кап (Я, Х, СА, О, А, Н, СО), ках, - пуху (САХ), кап (Кд) "кожа", "шкура", "кора" < ДЯ кафа "кожа", "шкура", "кора".

3/ сиси¹ (А) "моча" < ДЯ сиси "моча".

4/ чикара (Б) "сила" < яп. тикара "сила".

Человек и родство

5/ мэноко³ (Я), мэноко² (Х, СА, О, Б, Н), мэнэко² (СО) "женщина" < яп. диал. Тохоку мэнэко "женщина".

6/ сивто'экаси^I (Я), сивтомичи^I (Х), сивто,^I сивто'ийапо^I (СА), сивто^I (Н) "свекор" < яп. св:то "свекор" + айн. экаси "дед" мичи "отец", ийапо "отец".

7/ сивтохучи^I (Я), сивтохапо^I (Х, СА), сивто^I (СА), сивтокаткэмат^I (Н) "свекровь" < яп. св:то "свекр" + айн. хучи "бабушка", хапо "мать", каткэмат "хозяйка".

Медицина

8/ кусури² (Х, СА, О, СО), кусури (САХ) "лекарство" < яп. кусури "лекарство".

9/ исасама² (Я) "врач" < яп. ися-сама "господин врач".

10/ исантоно² (СО) "врач" < яп. диал. Тохоку иса^Ндоно "господин врач".

Общество и торговля

11/ мачия² "город" (Х, СА, Б), "столица" (Х, А) < яп. мати "город".

12/ тоно² "чиновник" (Я, Х, О, А, СО) < яп. доно/тоно "господин".

13/ пури^I (Я, СО ?), пури² (Х, О, Б), айну^Iпури² /А/, сирпури² /Н/, пуури (САХ) "обычай" < яп. фури "манера", "поведение".

14/ ро (СА, О) "тюрьма" < яп. ро:, ро:я "тюрьма".

15/ пачи² (Я, Х) "наказание" < яп. бати "наказание".

16/ хойто^I (Я), хойто² (Р) "нищий" < яп. диал. Аомори хойто "нищий".

17/ танпэто^I, тапэто³ (Я) "торговец" < яп. диал. Аомори тамбито "бродячий торговец" (яп. табибито "путешественник", "странник").

18/ сакайя³ (Я) "магазин" < яп. сакая "винная лавка".

19/ атайэ³ (Я), атайэ² (Х, Н), атай² (СА, О, Б), ата'э² (А), атаэ², атахэ² (СО), атайэ (САХ) "цена" < яп. диал. Аомори атай "цена".

20/ ичэн (Я, Х, СА, О, А) "деньги" < яп. о-дзэни "мелкие деньги".

Письмо

21/ суми² (О, САХ), куннэсуми^I (Я, Х, СА) "тушь" (куннэ - "черный") < яп. суми "тушь".

22/ хутэ² (О), хунтэ (Б) "кисть" < яп. фудэ, диал. Аомори фу^Ндэ "кисть".

23/ канпи^I (Я, Х, СА, о?, Б, А, Н, СО, САХ), ками (Б, О?), кампе (Кв) "бумага" < яп. ками "бумага", яп. диал. Тохоку камби ?).

24/ хон (Я, О) "книга" < яп. хон "книга".

25/ сироси² (Я, Х, СА, О, Б, А, Н, САХ), сируси² (Я, СО) "занк", "отметка", "точка" < яп. сируси "знак", "отметка".

Средства транспорта, строения, утварь и инструменты

26/ курума³ (Я), курума² (СА, О, А), курума (САХ) "машина", "по-

- возка", "вагон" < яп. курума "машина", "повозка", "вагон".
- 27/ каки² "изгородь" (Х), "зимняя изгородь" (СА, О), сонкаки³ "зимняя изгородь, защищающая от ветра" (Я) < яп. каки "изгородь".
- 28/ тонпури¹ (Я, Х, СА, О, Б), тонпуривахка (САХ) "фуру/ванная японского типа/" < яп. домбури "фарфоровая чашка", "сосуд".
- 29/ кура² (Я, Х, СА, О, Н) "седло" < яп. кура "седло", также унмакура¹ (Я) "седло" < яп. ума "лошадь" + кура "седло", норикура (Б) "седло" < яп. нору "сесть верхом" + кура "седло", танкура (Б) "седло" < яп. диал. танкура "седло", умакура² (СО) "седло" < яп. ума "лошадь" + кура "седло".
- 30/ мутчи¹ (СА), мучи¹ (О, Б), мухчи (САХ) "плетка" < яп. мути "плетка".
- 31/ канчи¹ (Я, Х, Б, СО), качи¹ (О), ооканчи (САХ) "руль в лодке" < яп. диал. Тохоку ка^Ндзи, яп. кадзи "руль в лодке".
- 32/ чоо (САХ) "замок" < яп. дзё: "замок".
- 33/ хутон² (О) "футон" (матрас японского типа)" < яп. футон "футон".
- 34/ мукури¹ (Н), мукуро (САХ) "изголовье" < яп. макура "изголовье".
- 35/ ита² "стол", "доска" (СА, О, Б, А, Н), "доска" (Я, Х, СО), ита (Кв) < яп. ита "доска".
- 36/ патчи² "чашка для черной краски для зубов" (Я, Н), "чашка (не фарфоровая), используемая на медвежьем празднике" (СО), патчи¹ "чашка для замешивания теста" (О), патчи "сосуд для сакэ" (Б), пахчи "большая чашка для сакэ" (САХ) < ДЯ фати "чашка", "миска".
- 37/ туки¹ (ХКД), тууки (САХ), ту:ки (Кт) "чашка для сакэ" < ДЯ туки "чашка для сакэ" (совр.яп. сакадзуки).
- 38/ токкури¹ "кувшин" (Я), "бутылка" (СА, О), тохкори "бутылка" (САХ) пинторо¹ (Х) "бутылка" < яп. токкури "фарфоровая бутылочка для сакэ".
- 39/ онтаро¹ (Х, СА, О, А, Н, СО), хонтаро (Б), онторо (САХ) < яп. тару "бочка".
- 40/ кама² "котелок", "чайник" (Я), "котелок" (Х, О), "чайник" (СА, САХ) < яп. кама "котелок".
- 41/ йакан² (О) "чайник" < яп. якан "чайник".
- 42/ чонко¹ (Я, Х, СА), чоно¹ (О) "воронка" < яп. дзё:го "воронка".
- 43/ ко'ороси³ (Я), тоси¹, котоси¹ (СА, О) "сито", "решето" < яп. диал. то:си, конато:си "сито", "решето".
- 44/ муй "веялка" (Я, СА, О, А, Н) < ПЯ *муи > ДЯ ми > яп. ми "веялка".
- 45/ пукуру³ (Я), пукуру² (Х, СА, О, Н), пукуру (Б, САХ) "мешок" <

яп. фукуро "мешок".

46/ хако² (О), хаку (САХ) "ящик" < яп. хако "ящик".

47/ пута² (Я, Х, СА, О, А, СО), пута (Б, САХ) "крышка" < яп. фута "крышка".

48/ пасуй² (ХКД), пашуй (Кт) "палочки для еды" < ПЯ *пасуи > ДЯ фаси > яп. хаси "палочки для еды".

49/ хойчо¹ (Я, Х, СА), хочо¹ (О) "большой нож" < яп. хотё: "большой кухонный нож".

50/ хасами² (Х, СА, О, СО) "ножницы" < яп. хасами "ножницы".

51/ купка¹ "мотыга" (Х, О), "взрыхлять землю", "вкапывать" (Я, СА) < яп. кува "мотыга".

52/ ната² (Я, Х, О, Н, СО) "топорик" < яп. ната "топорик".

53/ кунки¹ (Я, Х, СА), кунки (САХ), куни¹ (О) "гвоздь" < яп. куги "гвоздь".

54/ ноко² (Я, Х, СА, О, Н, СО) "пила" < яп. диал. Аомори ного "пила".

55/ тучи² (Я, О), тутчи¹ (Х), тучи¹ (СА, СО), тучи (Б) "деревянный молот" < яп. цутти "молот", "молоток" (возможно, из ДЯ тутти "деревянный молот").

56/ канэтути¹ (Я, СА, О), канитутчи¹ (Х), канитучи (Б) "молоток" < яп. канадэути "молоток".

57/ тэппо¹ (Я, Х, СА, О, А), тэппо² (Н, СО), тэхпо (САХ) "ружье" < яп. тэппо: "ружье".

58/ тама² (Я, Х), тама (СО, САХ), тэппотама¹ (СА, О) "пуля" < яп. тама, тэппо: дама "пуля".

59/ нуйто¹ (Х, СА, О, Б, А, Н), нивто¹ (СО) "нить" < яп. нуиито "нить для шитья".

60/ сава (САХ) "шест" < ДЯ саво "шест".

61/ ратки¹ кани¹ (Я) "колокол" (ратки - "быть подвешенным") < яп. канэ "колокол".

62/ канками¹ (Я, СА) "зеркало" < яп. кагами "зеркало".

Одежда, ткани

63/ ири² (СА) "передний воротник" < яп. эри "воротник".

64/ аттус¹ (ХКД), ахрус (САХ) "ацуси (вид ткани)" < яп. ацуси "ацуси".

Пища

65/ мэси² (Я, Х, СА) "приготовленный рис" < яп. мэси "вареный рис".

66/ ка'ико³ (Я), кайко¹ (СА, О), кайко (Б, САХ), укайко² (СО) "жидкая рисовая каша" < яп. каю "жидкая рисовая каша".

67/ ко (Я, Х, СА, СО), коо (САХ), кона (Б) "мука" < яп. ко, кона "мука".

- 68/ мочи² (Я, О) "рисовая лепешка" < яп. моти "рисовая лепешка".
 69/ кувас² (Я, СА, О) "сласти", "пирожные" < яп. диал. Тожоку кваси "сласти", "пирожные".
 70/ оча² (Я, О) "чай" < яп. о-тя "чай" (чани, ча: (Кт) может быть заимствованием как из японского, так и из русского).
 71/ сакэ² (Я, Х, СА, Н), сакэ (Б, Кт) "сакэ (рисовая водка)" < яп. сакэ.

- 72/ сиппо¹ (ХКД), сиспо (САХ) "соль" < ДЯ сифо "соль".
 73/ сато² (Я, С, О, Б) "сахар" < яп. сато: "сахар".
 74/ супкакэ¹, суккакэ¹ (Х) "кислый" < яп. суппай "кислый".

Верования и ритуалы

- 75/ камуй² (ХКД, САХ), камуи (Кт), камуй (Кд), камуй (Кв) "божество" < ПЯ *каму-и > ДЯ камы > яп. ками "божество".
 76/ потоки³ (Я) "Будда" < среднеяпонское фотокэ "Будда".
 77/ пончи¹ (О) "буддийский священник", "буддийский монах" < яп. бо-дзу "буддийский священник", "буддийский монах" (наиболее вероятным источником пончи является диалект Аомори, в котором не различаются слоги /дзи/ и /дзу/).

- 78/ тэра² "храм" в словосочетании тэра²камуй² (СО) "буддийский священник" (букв. "бог храма") < яп. тэра "буддийский храм".
 79/ ивай² (Х) "праздник" < яп. иваи "празднование".

Игры и музыкальные инструменты.

- 80/ тэмари³ (Я), тэнмари¹ (О) "мяч" < яп. тэмари "ручной мяч".
 81/ тайко¹ (Я, Х, СА, О) "барабан" < яп. тайко "барабан".

Животный мир

- 82/ нэко² (Я, О), мэко² (Х, СА) "кошка" < яп. нэко "кошка".
 83/ пэко² (Я, Х, СА, О, А, СО), пэко (Б, САХ) "бык", "корова" < яп. диал. Аомори бэко "бык", "корова".
 84/ пута² (Я, СА, О), пута (Б, САХ) "свинья" < яп. бута "свинья".
 85/ ума¹ (Я, Х, СА, О, Б), ума¹/мма¹ (А), ума² (СО), уума (САХ) < яп. ума "лошадь".
 86/ ниватори² (Я), ниятори² (Х), ниватори (САХ) "курица" < яп. ниватори "курица" (букв. "садовая птица"). Также ср. нивачикап² (Я) /ниватори²/ чикап² (СА) "курица" - полукальки с японского (айн. чикап "птица").
 87/ самэ² (Я, Х, СА, О?, Б) "акула" < яп. самэ "акула".
 88/ уни (Б) "морской еж" < яп. уни "морской еж".
 89/ эпи² (О), эпи (СО) "креветка" < яп. эби "креветка".
 90/ патта¹ (Я), паттаки¹ (Х, СА, О, Б, А, Н), паттаки² (СО), пахтаки (САХ) "кузнечик" < яп. батта "кузнечик".

91/ корокоссэ^I (А), коркорсэп (?) (О) "сверчок" < яп. ко:роги "сверчок".

Растения

92/ танэ² (Я, Х, СА, О, Б) "зерно" < яп. танэ "зерно".

93/ хана² (О) "цветок" < яп. хана "цветок".

94/ ава² (А) "чумиза" < яп. ава "чумиза".

95/ пийапа² (Х, СА, Б) "куриное просо" < среднеяпон. фийэ "куриное просо".

96/ мамэ² (Я, Х, СА, О), мамэ (Б, САХ) "бобы" < яп. мамэ "бобы".

97/ кантомамэ^I (Я, О), кантомамэ (САХ) "земляной орех" < яп. диал. кантомамэ "земляной орех".

98/ имо² "батат", "картофель" (Я), "батат" (О), эмо² "картофель" (СА), имо (САХ) "картофель" < яп. имо "батат".

99/ тоокипи (САХ), токими^I (О), кими^I (Х, СА), мамэкими³ (Я) "кукуруза" < яп. диал. то:киби "кукуруза", диал. Аомори кими "просо обыкновенное".

100/ нори² (О) "морской мох" < яп. нори "морской мох".

101/ конпу^I (Я, Х, СА, О), параконпу (Б) "морская капуста" < яп. комбу "морская капуста".

Металлы

102/ кани^I (Я, Х, А, Н), канэ^I (СА), кани² (О, Б, СО), каани (САХ) "металл", канъ (Кв) "железо" < яп. канэ "металл".

103/ хурэкани^I (Я, Х, О, Б, А, Н, СО), хурэканэ^I (СА), хурэкаани (САХ), хурэ^I канэ (Кт) "медь" – калька из старояпонского акаганэ "медь".

104/ сирокани³ (Я), сирокани² (Х, О, Б, А, Н, СО), сироканэ² (СА), сирокаани (САХ), широганэ (Кт) "серебро" < яп. сироганэ "серебро".

105/ кин (СО), гим (Кт) "серебро" < яп. гин "серебро".

106/ канэ^I (СА), кани (Б), канъ (Кв) "железо" < яп. канэ "металл".

107/ конкани^I (Я, Х, О, Б, А, Н, СО), конканэ^I (СА), конкаани (САХ), конганэ^I (Кт), конг-канъ (Кв) "золото" < яп. коганэ "золото".

Цвет

108/ иро² (Х, СА, О, Б) "цвет" < яп. иро "цвет".

109/ куннэ^I (ХКД), куннэ (САХ), экороку (Кт), экорок (Кд) "черный" < яп. куро- "черный".

Рельеф

110/ пору^I (ХКД), по:ра (Кт) "пещера" < ДЯ фора "пещера", "дыра".

111/ томари³ (Я), томари² (Х, СА, О, Б, Н, СО), томари (САХ) "бухта", "залив", "гавань", "порт", атуи² томари² (А) "бухта" (букв. "морская бухта") < яп. томари "стоянка судна", "стоянка на яроке".

Глаголы

II2/ йасуми² (СО) "отдыхайте", йасуми (САХ) "отдыхать" < яп. ясуму "отдыхать".

II3/ каттаро¹ (Х) "победить" < яп. каттаро: "вероятно победил".

II4/ амакэтаро³ (Х), амакэта³ (СА), амакэтари³ (О) "потерпеть поражение" < яп. макэтаро: "вероятно потерпел поражение", макэта "потерпел поражение", среднеяп. макэтари "потерпел поражение" + айн. префикс пассива а-. Ср. макэта² (СА) "нанести поражение" < яп. макэта "потерпел поражение".

II5/ чама² нэ (О) "мешать", "доставлять беспокойство" < яп. дэяма "беспокойство", "помеха" + айн. связка нэ.

II6/ танонтари² (О) "просить" < среднеяп. танондари "попросил"

II7/ корэ² (Я, СА, О, Н, СО), корэ¹ (Х, А), корэ (Б, Кт), контэ (САХ), корар² (Я, СА, О, А, Н), корар¹ (Х), корар (Б), корара (САХ) "давать" < яп. курэру "давать" или ДЯ куру(курэ-) "давать".

II8/ ко'аси³ (О, Б) "разбить", "сломать" < яп. ковасу "разбить", "сломать" (возможный источник - диал. Аомори, в котором не различаются слоги /си/ и /су/).

II9/ охори² (Х) "копать" < яп. хору "копать" + айн. префикс транзитива э- > о-.

II20/ котукка² (Я, Х, СА, А, Н), котакка² (О, Б, Н, СО) "соединять" < яп. кутцукэру "соединять".

II21/ онтори¹ "танцевать" (Х), "танец" (Я) < яп. диал. Тохoku о^ндору "танцевать".

II22/ сомэкар², исомэ² (Х), симэ², исимэ² (СА) "окрашивать" < яп. сомэру "окрашивать", ДЯ симу (симэ-) "пропитывать краской" (айн. кар "делать", и- префикс транзитива).

Наречия

II23/ каваринэ² (СА, О, А, Н), каваринэ (Х, Б) "вместо" < яп. диал. Аомори каваринэ "вместо".

1. 服部四郎. アイヌ語方言辞典 (Хаттори Сиро: Диалектологический словарь айнского языка). Токио, 1964.

2. Знак sh, используемый в курильских записях Торие Ридзо, передается нами через /ш/.

3. Ignacy Radliński. Słowniki narzeczy ludów kamczackich. I. Słownik narzecza ainów (ze zbiorów Prof. B. Dąbrowskiego). Kraków, 1891.

4. Рукописный словарь языка курильских айнов, под названием "Курильские слова и проч.", хранящийся в Архиве АН СССР /ф. 53

оп. I ед. 43/. Находится в фонде И.Г.Вознесенского, однако, по-
видимому, был составлен не им. В настоящее время готовится нами
к публикации в сборнике "Айнская проблема".

И.Н.Воевужский

ПЕРЕДАЧА КИТАЙСКИХ СЛОВ ЕВРЕЙСКИМИ БУКВАМИ (к типологии орфографии иудейских языков).

В данном сообщении мы продолжаем изучение орфографии конфес-
сиональных языков. Этой теме специально посвящены две наши публи-
кации, содержание которых здесь мы не повторяем.^I Иудейско-китай-
ский материал нарушает однородность явлений, наблюдаемых в прочих
иудейских языках (при том, что все они относятся к разным языко-
вым семьям: афразийской, индоевропейской, тюркской), возникают
новые проблемы. Причины тому следующие: во-первых, мы не распола-
гаем связными текстами на иудейско-китайском, единственный имею-
щийся у нас материал – это запись еврейскими буквами китайских
имен собственных и терминов родства в поминальной книге кайфэн-
ской иудейской общины. Во-вторых, особенности китайского языка:
его основной фонетической и морфологической единицей является
слог; письменность его – не буквенно-фонетическая и не консонан-
тная, как в иных малых иудейских языках, а иероглифическая; раз-
личен и фонетический состав древнееврейского и китайского языков:
наличие в китайском множества аффрикат и дифтонгов, отсутствующих
в древнееврейском, различие согласных по наличию/отсутствию при-
дыхания делает прочтение записанных еврейскими буквами китайских
слов либо очень затруднительным, либо дающим множество вариан-
тов. Но даже восстановив фонетическую форму слога, перейти от нее
к иероглифу сложно, так как китайский язык обладает большой омо-
нимией слогов, различающихся между собой либо тоном, в еврейской
записи непередаваемым, либо же только иероглифическим написанием,
и важную роль здесь играет семантика, а поскольку мы имеем дело с
именами собственными, восстановление соответствующего иероглифа
"по смыслу" невозможно. Термины же родства обычно написаны не пол-
ностью, а в виде аббревиатур, которые реконструируются предположи-
тельно.

Приступая к реконструкции китайской фонетической формы сло-
гов, записанных еврейскими буквами, следует учитывать местное
(диалектальное) произношение, особенности произношения местных

евреев (если такие особенности были, у нас об этом нет никаких сведений), произношение местными иудеями древнееврейских слов (об этом сведения есть, но скудные). Кстати, ответы на эти вопросы важны и для правильного прочтения китайских иероглифов, использованных для передачи еврейских имен. Далее, следует учесть степень знакомства китайских иудеев с древнееврейским языком и его орфографией (в строгом смысле этого слова). Изоляция китайских общин от иных иудейских общин привела к постепенному забвению древнееврейского языка и его строгих орфографических правил; иудейские рукописи китайского происхождения знамениты своей небрежностью, обилием описок, неверных написаний, что особо недопустимо, если учесть, что рукописи эти содержат священные тексты. Заметна тенденция к подмене орфографического варианта записи местным фонетическим: так сосуществуют פֿ'עק и פֿ'עק , פֿ'עק и פֿ'עק ?

Все упомянутые факторы помогут ответить на основные интересующие нас вопросы: какими еврейскими буквами может передаваться тот или иной китайский согласный; какие китайские звуки может передавать та или иная еврейская буква; передаются ли еврейскими согласными буквами китайские гласные и/или дифтонги, какие именно и как; наблюдается ли произвольность, поливариантность в написании одного и того же слога и, наоборот, может ли одно и то же сочетание букв передавать разные слоги? Для большинства иудейских языков ответы на эти вопросы можно дать в виде полных таблиц, китайский же материал, имеющийся в нашем распоряжении, такой возможности не предоставляет; мы можем сделать попытку лишь частичного ответа, опираясь на издание упомянутой поминальной книги, сделанное Д.Д.Лесли.²

Список имен кайфэнской общины содержит имена как еврейские, записанные еврейскими буквами, так и китайские, записанные иероглифами (нет ни одного случая записи еврейского имени иероглифами, хотя такое встречается, например, на стелах). Некоторые имена, записанные еврейскими буквами, по-еврейски осмысленно не прочтываются и вызывают соблазн прочесть их по-китайски, тем более, что многие из них по-китайски прочесть можно - и не в одном варианте. Этому соблазну противостоят несколько факторов: трудность китайского прочтения из-за неясности употребления той или иной еврейской буквы для передачи китайского звука (например, ח); контекст: китайское имя в окружении еврейских сомнительно, хотя такие вкрапления зафиксированы; наконец то, что ни одно мужское китайское личное имя не выступает в списке без фамилии, так что хотя пере-

числение, например, братьев צ'ר, צ'ק, צ'ר, צ'ר дает простор для китайских интерпретаций (צ'ר можно, например, прочесть *Nián* 年, такое имя действительно зафиксировано у китайских иудеев), но отсутствие фамилии делает такие реконструкции слишком гипотетическими. Формы צ'ר и צ'ר которые Д.Д.Лесли с сомнением читает по-еврейски как *Ikkui* и *Izzun* кроме того, что находятся среди еврейских имен, иных преград для их китайского прочтения не содержат: они относятся к роду *אי* 艾 и оба начинаются с צ'ר, а именно так передается этот род в еврейской записи (кстати, использование צ'р в качестве подставки для гласного не встречается в других иудейских языках, там эту роль выполняет ק, но весьма сомнительно, чтобы выбор этой буквы был вызван особенностью произношения китайских начальных гласных). Если это – китайские имена, первый слог читается однозначно, второй же вызывает трудности. Д.Д.Лесли предлагает для צ'ר *אי k'u-i*, хотя основания видеть здесь два слога нет, с равным успехом это может быть *kui* (и иные варианты дифтонга), еще более вероятно чтение *qu/qui/que*. Такая предпочтительность основана на варианте прочтения Д.Д.Лесли аббревиатуры צ'ר при женских именах: *qī* (диал. *k'ī*?) 契 "удочерённая" Для צ'ר Д.Д.Лесли предлагает *אי Ch' ün*, но можно предложить и *cong/cun* – значение буквы צ'р ничем иным не подтверждено.

Возможно, что за некоторыми еврейскими написаниями скрываются не имена собственные, а, например, титулы, профессии и т.д., тогда צ'ר צ'ר צ'ר можно понять как одно имя (צ'ר) и титул *da/en(g) bie/ao*. В одном случае этого типа Д.Д.Лесли интерпретирует написание צ'ר как *zi ming* (личное имя), сомнительно, однако, чтобы צ'р передавал *z*; как мы увидим далее, צ'р передает *v*.

Единственное мужское имя, которое прочитывается однозначно, но не из-за его написания, а из-за известности данного персонажа: צ'ר צ'ר צ'ר = *Zhào Liáng-g* 趙良荆 Как раз в написании много странного: одна и та же финаль *-ng* передана то צ'р, то צ'р; צ'р передает как *zh*, так и *j* (диал. *g'* ?); слитное написание первой и второй части имени и раздельное – третьей. Наибольшее же недоумение вызывает передача дифтонга *-ao* при помощи צ'р; не опиека ли это? ³ Сравним с написанием צ'ר צ'ר которое Д.Д.Лесли интерпретирует как *jīn shòu* 金壽, отмечая при этом возможную опisku: вместо צ'р или צ'р однако такие варианты "правильного" написания ничуть не более убедительны, и правомерно предположить, обобщая два этих случая употребления צ'р, что эта буква действительно могла передавать дифтонги (случай, в иных иудейских

языках не встречающийся). Д.Д.Лесли предлагает и другие варианты чтения: xuan, xun, но это – лишь гипотеза, тогда как имя Shdu зафиксировано в данном списке.

В списке женских имен несомненно прочтение $\text{pw} = \text{shi}$ 氏 (урожденная), причем p – не фонетический способ передачи, а некое подобие древнееврейской орфографии (правда, в древнееврейском конечный p сопровождает гласные а или е), личное же имя Shí 石 передано kw , это – также подобие арамейского написания (но в арамейском – не для i !). Фамилии: li = Lǐ 李, zhang = Zhàng 張. Имя отца jin 金 Д.Д.Лесли читает как Jīn Fú 金福, что представляется ~~убедительным~~ еще один способ написания jīn: 金. Едва ли одинаковая передача финалей -ng и -n может свидетельствовать об их одинаковом произношении, скорее всего это – лишь орфографическая неточность передачи. Имя отца zhang 張 Д.Д.Лесли предлагает читать Zhàng Jū dé 張居德, что вполне вероятно, но t после e для передачи е – наверняка описка (вместо t). Все три части имени написаны раздельно.

Дважды встречающееся написание duo ming 多名 Д.Д.Лесли предлагает читать duō míng 多名 или děng míng 等名 в значении "и другие имена", но если первое прочтение допустимо, второе – явная натяжка. Написание yi jie 義姐 при двух именах Д.Д.Лесли предлагает понимать как yì jiě 義姐 (сводная сестра) или yí jiě 姨姐 (свояченица), но тогда это написание – частичная аббревиатура; свояченица по-китайски может быть и yízi 姨子, тогда это – полное написание. Имя Tian 天 Д.Д.Лесли предлагает читать Tian, но вариант Tang столь же допустим. Как мы увидели, наличие/отсутствие придыхания в паре китайских звуков d/t по-еврейски передано противопоставлением звонкого глухому.

Рассмотрим теперь аббревиатуры, интерпретация которых, данная Д.Д.Лесли, представляется нам убедительной: wo 我; wu 无; wu 五; wu 无 (без какого-либо знака аббревиации), где второй w значит xiōng 兄 (брат), второй i – jiě 姐 (сестра), da 大 (старший), er 二, sān 三, si 四, wu 五.

Сопоставим теперь материал поминальной книги с двумя написаниями старого названия Кайфэна (Biàn Liáng), встречающимися в колофонах иудейско-персидских рукописей китайского происхождения: jin 金 и jin 金; второй слог первого из них содержит явную опisku, но и во втором варианте передача финали -ng совсем иная, чем в именах из поминальной книги.

Сказанное можно обобщить в следующих соответствиях:

1) китайские звуки передаются следующими еврейскими буквами:

b = ב

(c = צ ?)

(ch = ח ?)

d = ד

f = פ

j (g'?) = ג , י

(k = כ ?)

l = ל

m = מ

-n = נ , ן

-ng = ן , ן

q (k'?) = ק

ш = ש (ш - только в аббревиатурах, чтобы не путать с ש ?)

sh = ש

t = ת

x = ש

(z = צ ? ז ?)

zh = ז

a = א

e = י? , י?

i- = י

-i- = י

-i = י , ם , ן , ן

-u = ו , ן , ן , ן

ai = י

-ao = א

-ia- = י , א ?

-ou = ו

-uo = ו

2) еврейские буквы передают следующие китайские звуки:

к = в сочетаниях для передачи гласных и дифтонгов -i, -u, -uo?

б = ב

г = zh, j (ср. иуд.-ит.)

д = ד

п = конеч. י

י = u, в сочет. -uo; ou; e?

י = j (ср. иуд.-ит.), (z?)

י = -i, -i-, ai, -ia-, (-e?)

כ = q (k?)

ל = l

ש , ש = ш, -ao, -ou, -n, -ng

י, יי = -n, -ng

o = s (z?)

y = подставка для гласных и дифтонгов в начале слова

v = f

z = ch? c ? (ср. иуд.-ит.)

w = sh, x, s

p = t (в иных иудейских языках обычно используется p)

Общий вывод: иудейско-китайская запись является своеобразным приближенным фонетическим способом с единичными элементами древнееврейской орфографии, отличающимся исключительно малой читабельностью, с частой омографией (יין = jin, jing). Из гласных на письме не отмечается "а". Слитное или раздельное написание слогов произвольно.⁴

-
1. И.Н.Воевуцкий. Орфографические принципы конфессиональных языков. - ПП и ПИКНВ XXI/П, 1987, с. 53-56; он же. Палеография иудейско-итальянских текстов. - ППВ 1978-1979. М., 1987, с.34-44.
 2. D.D.Leslie. The Chinese-Hebrew memorial book of the Jewish community of K'aifeng. Canberra, 1984.
 3. Там же, с. 229.
 4. Сведениями по китайской диалектологии автор обязан С.Е.Яхонтову.

Ю.А.Иоаннесян

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ МЕСТОИМЕННОЙ ЭНКЛИТИКИ В ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В ряде иранских языков и диалектов отмечена местоименная энклитика 3-го лица единственного числа (далее ед.ч.) в форме -i. Например, в гератском диалекте дари она соответствует -eš/-aš литературного дари и кабульского диалекта и используется в следующих функциях: а) определительной - gōišarun vârxatâ šod, rang-i parid* "пастух растерялся, он поблуднел (букв. его цвет исчез)"; б) объектной - i šâ Abbâvi xêli gar-i geruf "этим шахом Аббасом овладел сильный гнев (букв. этот шах Аббас, им овладел сильный гнев)"; в) субъектной - yak avr-e mē bē zamin xor, bām var sang

* Материал по гератскому диалекту собирался автором в Афганистане в 1979-1981 гг.

ke barasid-i bə zamin xor "одна из моих лошадей свалилась на землю, как только она подошла к камню, упала на землю".

Эта форма энклитического местоимения в гератском диалекте возникла из личного (= указательного) местоимения того же лица и числа -i < in, которое, употребляясь энклитически, со временем вытеснило прежнюю форму -aš/-eš,¹ известную по другим диалектам ареала дари-персидского-таджикского языков. Происхождение энклитики -i (варианты -ê/-ê) из указательного (и личного) местоимения i подтверждается здесь следующими фактами:

1) аналогичное развитие энклитики из другого личного (= указательного) местоимения 3-го лица ед.ч. - u (-u/-u/-u/-e₂): i simorg did ke jujâhâ-yu ġarġar mikaš "эта [птица-]Симург услышала (букв. увидела), что ее птенцы кричат";

2) появление согласного =n у энклитики в позиции перед предикативной связкой, что нельзя объяснить иначе, чем восстановлением исторического n личного (и указательного) местоимения in: âkem, xod-i ni-ye, ġamândân ba jâ-in-e "самого правителя нет, вместо него - командир [Воинской части] есть", arše ke as a xod-in-e "все, что есть, - его (букв. его самого есть)";

3) энклитическое местоимение 3-го лица множественного числа -inâ/-ino/-ênâ не оставляет сомнения в том, что оно возникло путем прибавления показателя множественного числа -â к местоимению in: inji zaminâ-inâ nâkâr mun "земли их остались здесь необработанными". Ср. соответствующую форму личного местоимения, образованную тем же способом: inâ hamê witamin migân witamin dâre, digê ni-ye, dâktar saweb? "говорят, что все они (фрукты) обладают витаминами, не так ли, господин доктор?";

4) постепенный переход от личного местоимения к энклитическому можно наблюдать на примере фраз, где местоимение сходно с личным тем, что изафет при нем еще не утрачен, однако использование формы единственного числа в значении множественного сближает его с энклитиками: amî sawârkârâ bâlê asr-e xo, nêuze bâm dast-e-in-e "эти всадники - верхом на лошадях, в их руке - копье."² Ср. соответствующую форму энклитики в той же функции в кабульском диалекте: ar-veš gir-âmad "все трое были схвачены"³ (букв. "все трое из них").

Появление более открытых фонетических вариантов энклитики 3-го лица как единственного, так и множественного числа -ê/-ê; ênâ объяснимо влиянием носового n (с последующим его отпадением в единственном числе), в соседстве с которым гласный i гератского диалекта имеет явную тенденцию к расширению: -in > -ên/-ên > -ê/-ê.⁴

В языке северо-азербайджанских татов встречаем то же явление

- развитие энклитического местоимения 3-го лица ед.ч. из личного (= указательного): *bəlŷq di ki kar i rīs-ŷ* "рыба увидела, что ее дела плохи".⁵ В пользу возведения этой энклитики к личному местоимению соответствующего лица и числа говорит здесь не только их полное фонетическое совпадение, но и то обстоятельство, что в татских говорах все местоименные энклитики восходят к соответствующим формам личных местоимений: *mən* *kitáb mən*; *tŷr* *kitáb tŷ*; *kitáb i*, (северные говоры) *kitáb u*,⁶ *kitáb uŷ*; *kitáb mun*; *kitáb ŷmun*; *kitáb ŷun* "моя, твоя, его, наша, ваша, их книга". Ср. личные местоимения: *mən*; *tŷ*; *i*; северные говоры: *ŷ*, *u*; (i) *ŷu(n)*; (i) *ŷmu(n)*; (i) *ŷun*; указательные: *i(n)*, *(u)n*.⁷

Использование личных (и указательных) местоимений в качестве энклитических не является столь необычным в иранских диалектах юго-западного типа. Ср. систанский диалект персидского языка (включая его серахский говор): *var-n-a* (-*n* < *on* "этот, он") "его голова", *bre-y-u* (*u* "он") "его брат".⁸

Однако в ряде других иранских диалектов форма 3-го лица ед.ч. энклитических местоимений, фонетически совпадающая с описанными выше (-*i*), не может быть возведена к личному или указательному местоимению. Это относится, в первую очередь, к многочисленным северо-западным диалектам (в том числе изолированным):

1) белуджским: *ra ĩnka zináu-ĩ?* "за сколько купишь его?" (-*i* - местоименная энклитика 3-го лица ед.ч. при личных-указательных местоимениях *eŷ*, *e* "этот, он", *ā* "тот, он").⁹

2) курдским - сорани: *dayk-ĩ*¹⁰ "его мать" (-*ĩ* - энклитика, ср. *eŷ* "эта, этот", *ew* "та, тот, он");¹¹ сулеймани: *Beŷe ziman-ĩ beŷtra* "у Басе [от страха] отнялся язык (букв. Басе язык ее/ у нее завязался)" (-*ĩ*¹² - энклитика, ср. *eŷ*, *ew* "этот; тот, он")¹³ и др.

3) селения Калун-Абду: *hun mākuŷ, gunāh-i ĩā?* "не убивай его, в чем его вина?" (-*i* - энклитика, ср. *hā* "этот", *hun* "тот, он").¹⁴

4) селения Абйан¹⁵: *guŷ-i* "его ухо" (-*i* - энклитика, ср. *nēn* "этот", *nūn* "тот", *hā* "он").¹⁶

5) деревни Кохруд: *ŷeŷ rūgā pŷr-ei bazeinōdā* "шесть дней, как родила сына (букв. своего сына - Ю.И.), *duŷ-ei véreide ōhē ābürmē* "дочь ее сидит перед нею и плачет" (-*ei* - энклитика при *nō* "этот", *nūn* "тот, он").¹⁷

Та же энклитика выражает в некоторых диалектах лицо и число субъекта в предложениях с глагольными формами, образованными от претеритальных основ: курдских (только с переходными глаголами) -

сулеймани: *girt-i* "он схватил",¹⁸ мукри: *kurākā žan-i dit* "мальчик увидел женщину";¹⁹ белуджских: *dušmān-i dāt-i* "он стал ее ругать", *jista na kurt-i* "не смог убежать";²⁰ селения Абйан: *vāt-i* "он сказал";²¹ деревень Хор и Михриджан: *ew ikerd-i* "он сделал"²² и др.²³ Ср. аналогичное явление в некоторых памирских языках шугнано-рушанской группы: рушанский - *šu-yi qīwt* "меня вызвал", *ḫēwt-i* "он прочел"²⁴ (-i - показатель 3-го лица ед.ч., возникший из энклитического местоимения,²⁵ ср. указательные местоимения трех степеней удаленности, они же личные 3-го лица ед.ч.: *yim, yid, yā*²⁶); бартангский - *zōxt-i* "он взял";²⁷ сарыкольский - *yā-yi buxt* "он послал" (-yi - описанный выше показатель, *yā* - личное местоимение 3-го лица ед.ч. и указательное дальней степени, ср. *yad, yam* - соответственно средней и ближней степеней).²⁸ В ваханском, ишканимском и язгулямском (в последнем в форме -*ay*) этот показатель факультативен.²⁹

Как полагает Д.И.Эдельман, прототипом -i в памирских языках скорее всего послужила указательная местоименная энклитика родительно-дательного падежа единственного числа **hai* (ср. авестийское *hē, hōi*). К ней же возводит Р.Л.Цаболов -ī в курдском.³⁰

Бросается в глаза сходство описанного выше энклитического показателя с местоименной энклитикой 3-го лица ед.ч. в некоторых среднеиранских языках восточной группы - хорезмийском, хотаносакском, бактрийском. Ср. хорезмийский -i *vaziyat-hi* "его завещание", *yā rusā-hi* "его борода";³¹ хотаносакский - *ttarandar-i* "его тело", *vāt-i* "к нему"³² и т.п. Исследователи также возводят ее к древнеиранскому **hai* (авестийское *hē, hōi*).³³ В древнеперсидском местоименная энклитика в форме *hē* не засвидетельствована (ей соответствует *šaiy*).³⁴

Таким образом, иранские диалекты, в которых местоименная энклитика 3-го лица ед.ч. выступает в форме -i (с возможными фонетическими модификациями), можно разделить на две группы: большую, состоящую из многочисленных восточных и северо-западных иранских диалектов, и меньшую, объединяющую отдельные диалекты юго-западного типа (татские, гератский). Первые характеризуются следующими особенностями: а) невозможность возведения на синхронном уровне энклитики -i к личному или указательному местоимению; б) соотносимость ее с авестийским *hē, hōi* < **hai*. Вторые: а) явная соотносимость местоимения -i с личным (и указательным) местоимением того же лица и числа (см. выше); б) с учетом того, что для юго-западных диалектов закономерны формы, продолжающие древнеперсидскую линию развития, крайняя проблематичность этимологической связи между энклитикой -i и авестийским *hē*.

Таким образом, правомерно заключить, что -i в восточных и северо-западных иранских диалектах и фонетически совпавшее с ним энклитическое местоимение в рассмотренных выше диалектах юго-западного типа суть разные по происхождению морфемы.

1. Указание на то, что в более раннюю эпоху в гератском диалекте в качестве энклитического местоимения 3-го лица ед.ч. выступала именно эта форма, содержится у В.А.Иванова (W.Ivanow. Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat. - JBAS, 1923, pt. I, 3, с. 33-34).
2. Превращению личных местоимений в энклитические, очевидно, способствовало широкое распространение атрибутивных сочетаний с личным местоимением, образованных при посредстве предлога az: *zanâ-ye az i* "его жены". Постепенный переход от подобных сочетаний к энклитическому использованию личных местоимений, наблюдающийся порой в рамках одной фразы, представляется вполне простым: *pust-eu... a taraf-e šarwali... migirā pust-e az u* "его (барана) шкуру забирает городской муниципалитет", *am ar šiz-i ke bām gir-e az i bēyāye midā bā bāčā xord, bām kalunā, bā āxundā, bā mollāā* "и все, что [ни] попадется ему под руку, отдает малым детям, взрослым, ахундам, муллам", ср. *bara unji kār kone tā yak šiz-i be gir-i bēyāye* "пусть пойдет, поработает там, пока не заработает немного [денег] (букв. что-нибудь)".
3. Р.Фархади. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974, с. 85.
4. Ю.А.Иоаннисян. Диалект современного дари района г.Герата (фонетика, морфология). Автореф. дис.... канд. филол. наук, М., 1987, с. 6.
5. А.Л.Грюнберг. Язык северо-азербайджанских татов. Л., 1963, с. 39. Здесь и далее примеры приводятся в транскрипции авторов указанной литературы.
6. Как отмечает А.Л.Грюнберг, начальный У энклитики, очевидно, остаток изафетного показателя. См. там же.
7. Там же, с. 38-39, 41. См. также А.Л.Грюнберг. Л.Х.Давыдова. Татский язык. ОИЯ. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982, с. 257.
8. G.Lazard. Morphologie du verbe dans le parler Persan du Sistan. *Studia Iranica*, 1974, t. 3, fasc. I, с. 83; А.Л.Грюнберг. Систанский диалект в Серахсе. - КСИИАН, 1963, т. 67, с. 84.
9. С.Н.Соколов. Язык бедуджей Советского Союза. ТИЯ АН СССР, вып. VI, М., 1956, с. 70-71.
10. Здесь и далее энклитика отделена дефисом и в тех случаях,

когда авторы указанной литературы следуют принципу ее слитного написания со словом, которое она оформляет.

- II. К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978, с. 100, 109-III.
12. Точнее -i(y).
13. З.А.Юсупова. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985, с. 53, 57, II6.
14. O.Mann. Die Tajik-Mundarten der Provinz Fars. Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. I. Berlin, 1909, с. 135, 140-141.
15. Абъян и Кохруд расположены вблизи г.Кашана. Упоминаемые ниже Хор и Мехреджан - в центральном Иране. Говоры этих селений обнаруживают признаки северо-западных иранских диалектов.
16. P.Lecoq. Le dialecte d'Ābyāne. SI, 1974, t.3, fasc.I, с.54, 56.
17. В.А.Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий. Ч. I Диалекты полосы города Кашана: Вонисун, Кохруд, Кешэ, Зэфрэ. СПб., 1886, с. 2, 7 (мы приводим эти фразы в латинской графике)
18. З.А.Юсупова. Сулейманийский диалект..., с. 99.
19. Л.А.Пирейко. Эргативная конструкция в северо-западных иранских языках. Автореф. дис. ...канд.филол.наук, М., 1964, с. 13.
20. С.Н.Соколов. Язык белуджей..., с. 71, 86-87.
21. P.Lecoq. Le dialecte d'Ābyāne, с. 56.
22. W.Ivanow. Notes on the dialect of Khur and Mihrijān. AO, v. VIII, Leiden, 1929, с. 51-52.
23. См. также Л.А.Пирейко. Грамматические категории глагола. - Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М., 1975, т. II, с. 290-292.
24. М.Фаизов. Язык рушанцев советского Памира. Душанбе, 1966, с. 60, 103.
25. Д.И.Эдельман. Ареальные черты в северопамирской морфологии. - Иранское языкознание. М., 1980, с. 73. Ср. также Л.А.Пирейко. Грамматические категории глагола, с. 293.
26. М.Фаизов. Язык рушанцев..., с. 64.
27. В.С.Соколова. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков. - Иранский сборник. М., 1963, с. 77.
28. Т.Н.Пахалина. Сарыкольский язык. М., 1966, с. 33, 43-45. Ср. также Д.И.Эдельман. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. - ИЯ. М., 1976, с. 85.
29. Т.Н.Пахалина. Ваханский язык. М., 1975, с. 77; Т.Н.Пахалина. Ишкашимский язык. - ОИЯ. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987, с. 525; Д.И.Эдельман. Язгулямский язык. - Там же, с. 394-396.

30. Д.И.Эдельман. Шугнано-рушанская языковая группа. - ОИЯ. Ново-иранские языки: восточная группа. М., 1987, с. 325; Р.Л.Цаболов. Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978, с. 26. Ср. также С.Н.Соколов. Язык Авесты. Л., 1964, с. 254; В.С.Расторгуева. Древнеиранские языки (авестийский и древнеперсидский). - Языки Азии и Африки. М., 1978, с. 38.
31. А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., 1951, с. 46, II3.
32. Л.Г.Герценберг. Хотаносакский язык. М., 1965, с. 91.
33. М.Н.Боголюбов. Личные местоимения в хорезмийском языке. - Филология стран Востока. Л., 1962, с. II, I4; А.А.Фрейман. Хорезмийский язык, с. 55, 78; И.М.Стеблин-Каменский. Бактрийский язык. - ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981, с. 344.
34. Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (2 Unveränderte Auflage. Berlin, 1961), с. 172I, 1726; В.С.Расторгуева. Древнеиранские языки..., с. 38.

Ирене Квонг Лай Ю

ВЫРАЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются способы выражения обстоятельства образа действия (ООД) при глаголах движения в индонезийском языке. В предложении эти обстоятельства обозначают качества или признаки действия, или способы его совершения. Напомним, что обычное (не инверсированное) ООД в индонезийском языке постпозитивно по отношению к сказуемому.

В индонезийском языке отсутствуют специальные формы слов, предназначенные для выражения обстоятельства. Грамматических признаков для разграничения качественных прилагательных и качественных наречий также нет. Рассмотрим, какие классы слов и сочетаний могут употребляться как ООД.

Обстоятельство образа действия, выраженное глаголами движения. Среди возможных способов выражения ООД наибольший интерес представляет собой ООД, выраженное глаголами движения.¹ В сочетании двух глаголов главный глагол (V_1) обычно занимает первую позицию, а зависимый (V_2), выполняющий функцию ООД, занимает вторую позицию. Перестановка V_1+V_2 в V_2+V_1 в рассматриваемом материале связана, как правило, с изменением коммуникативной структуры предложения. В качестве V_2 выступают следующие непереходные глаголы (V_1):

berjalan "идти", maju "идти, двигаться вперед", mundur "идти, двигаться назад", berlarian "сбежаться (со всех сторон)", melayang "лететь", mencongklang "скакать галопом", merapat "подходить (вставать) вплотную, причаливать", terjerembab, tersungkur "падать лицом вниз", cerai berai / cerei berei "расходиться", kucar kacir / kucar kacir "беспорядочно расходиться", tunggang langgang "лететь кубарем"; переходные глаголы (V_t): -sambar "налететь", -seret "тащить", -songsong "двигаться навстречу", -mundurkan diri "идти назад", например: Saya jatuh tersungkur di lantai [B, 52, 35]² "Я упал лицом вниз (букв. упасть + падать лицом вниз) на пол"; Tanpa menjawab Robert Mellema berbalik dan berjalan menyeret sandal masuk ke dalam kamar dan tak keluar lagi [PAT, 154] "Не отвечая [на вопрос], Роберт Меллема повернулся и, волоча сандалии, вошел (букв. идти + тащить сандалии + войти) во (внутрь) комнаты и больше не выходил".

Редулицированные глаголы (редупликация чаще неполная), сочетаясь с другими глаголами движения, способны выступать лишь как V_2 . Это связано с тем, что в определенных позициях (V_2) значение удвоенного глагола допускает только два истолкования: либо длительность, либо интенсивность процесса совершения действия.³ Иными словами, удвоенный глагол характеризует качество основного действия. Это означает, что удвоенный глагол может употребляться и в своей обычной функции сказуемого, и адвербиально. В качестве V_2 выступают следующие удвоенные V_1 : berlari-lari "бежать", melompat-lompat "подпрыгивать", merangkak-rangkak "ползти", putar-putar "кружиться", tergesa-gesa, tergopoh-gopoh "спешать", terguling-guling "кувыркаться", terhuyung-huyung "шататься", mondar mandir / mundar mandir "ходить туда-сюда", например: Arman setelah menghormat lalu jalan melompat-lompat dengan satu kaki [B, 480, 51] "Отдав честь, Арман поскакал вприпрыжку (букв. идти + подпрыгивать) на одной ноге"; Pikulan dan kaleng kuleraskan dari bahu dan jatuh terguling-guling sepanjang lereng [RB, 7] "Я спустил коромысло и жестяную банку с плеч и [они] покатились, кувыркаясь (букв. упасть + кувыркаться) по спуску горы".

Глаголы движения, выполняющие функцию ООД в предложении, могут быть выделены говорящим, если нужно подчеркнуть значение не самого движения, а того, как оно совершается. В таких случаях V_2 переносят вперед (с интонационным выделением инверсированного слова), например: Kaki tangannya sudah mendekati tempat sembunyi, dan di tengah gemersiknya rumput itu aku menyuruk menjauh [RB, 7] "Его сообщники уже приблизились к месту моего укрытия,

и среди шороха травы я крадучись удалился (букв. пролезать + удалиться)".

Обстоятельство образа действия, выраженное другими глаголами.

В эту группу входят глаголы, обозначающие частичную перемену положения субъекта без перемещения в пространстве, как, например, жест, поворот и т.п. Из таких глаголов можно указать следующие: berlutut "стоять на коленях", meraba-raba "ощупывать", menunduk "опустить голову", bergeol-geol "кокетничать". В предложениях эти глаголы, выполняющие функцию ООД, обычно занимают вторую позицию, например: Ia berjalan menunduk /PAT, 31/ "Он идет, опустив голову (букв. идти + опустить голову)"; Aku terus lari meraba-raba menuju rumahku /RB, 7/ "В темноте/ я продолжаю бежать, находя дорогу/ домой наощупь (букв. бежать + ощупывать)."

Обстоятельство образа действия, выраженное прилагательными.

В рассматриваемом материале ООД при глаголах движения, выраженное прилагательными, встречается нередко. Из таких прилагательных можно указать следующие: miring-miring "наклоненный", cepat "быстрый", kencang "быстрый, стремительный", pelan-pelan "тихий, медленный", lambat-lambat "медленный", jauh "далекий", gagah "бравый, величавый", например: Di jalan tanah tentu saja mobil tak berani berjalan kencang /B, 36, 26/ "Машина, конечно, не поедет быстро (букв. не сметь + идти + быстрый) по земляной дороге".

Прилагательные, выступающие в функции ООД, могут употребляться и с предлогом dengan "с". Это такие прилагательные, как laju, cepat "быстрый", gagah "бравый, величавый", например: Mobilnya meluncur dengan laju /B, 3, 18/ "И машина покатилась быстро (букв. покатиться + с + быстрый)".

ООД, выраженное прилагательным, может сочетаться с глаголами движения не непосредственно, но отделяться от глагола подчеркивающей паузой, на письме обозначаемой запятой. В таком случае выделяется не сказуемое, а ООД, например: Kemudian ia terbatuk-batuk melangkah, lambat-lambat /PAT, 94/ "Затем он закашлял, зашагал - медленно (букв. зашагать, медленный)".

В рассматриваемом материале в сочетании с глаголом движения употребляются прилагательные в форме не только положительной, но и других степеней сравнения и степеней качества: равной степени с префиксом se-, высокой степени с наречием sangat "очень" и максимально возможной с конфиксом se-V-nya,⁴ например: Saya tak bisa jalan secepat dia "Я не могу идти так же быстро, как он"; Tiba-tiba katak Oki melompat sangat tinggi /B, 32, 25/ "Вдруг лягушка Оки прыгнула очень высоко"; Tiba-tiba ia mendengar suara

gemersik. Ia pun lari sekencang-kencangnya /В, 6, 30/ "Вдруг он услышал шорох. И он побежал быстро как мог".

Обстоятельство образа действия, выраженное существительным.

В рассматриваемом материале в сочетании с глаголом движения употребляются следующие существительные: langkah "шаг", kursi roda "инвалидная коляска", kaju penyangga "костили", выступающие в функции ООД. Они употребляются с предлогом dengan "с" и могут иметь при себе определения, например: Ia menggeleng dan bergidik, balik kanan, lari dengan langkah pendak-pendek, lebih cepat, masuk ke dalam melalui koridor /РАТ, 266/ "Она покачала головой и затряслась, повернулась направо, побежала маленькими шажками (букв. бежать + с + шаги + короткие), еще быстрее, /и/ через коридор вошла во внутрь".

Определения с уникальной сочетаемостью и фразеологические единицы, обладающие значениями движения. В исследуемом материале некоторые слова или словосочетания употребляются только с одним глаголом движения, другие могут служить определением к нескольким глаголам того и другого типа, например, lari sipat kuping "бежать во весь дух" - словосочетание sipat kuping отдельно от глагола lari "бежать" не употребляется, и его первоначальное значение не ясно (kuping "ухо"). В другом же сочетании lari terbirit-birit "бежать сломя голову" слово terbirit-birit может сочетаться также с довольно ограниченным кругом глаголов движения, обладающих значением "торопливо уйти", например, pergi terbirit-birit "торопливо уйти", berangkat terbirit-birit "торопливо отправляться" и др., реже - с глаголами других значений: makan terbirit-birit "торопливо есть", mengumpulkan barang terbirit-birit "торопливо собирать вещи" и др. Что касается фразеологизма mengambil langkah seribu "бежать изо всех сил (букв. взять + шаги + тысяча), то здесь слова "тысяча шагов" в сочетании с глаголом "взять" образуют фразеологизм со значением движения, например: Ia lari sipat kuping /ВВ, 18/ "Он бежал во весь дух"; ... dengan segera aku dengan pacarku lari terbirit-birit /ВВ, 279/ "... я и моя любимая сразу же побежали сломя голову"; Paman Kikuk karena gugup dan bingung langsung saja mengambil langkah seribu /В, 5, 09/ "Дядя Кикук, испуганный и охваченный паникой, тут же побежал со всех ног".

Итак, привлеченный материал показывает, что в сочетании с V_I движения в функции ООД чаще всего выступают глаголы движения, редко - другие глаголы; несколько реже - прилагательные с предлогом dengan "с" и без него, еще реже - существительные с предлогом dengan "с", а также фразеологизмы. Почти все типы ООД, кроме

фразеологизмов, обычно следуют за сказуемым. Перестановка V_1+V_2 в V_2+V_1 чаще связана с тем, что нужно подчеркнуть значение не самого движения, а способа его совершения.

1. В индонезийском языке "глагол (в любой форме) употребляется не только в функции сказуемого, но и в функции любого другого члена предложения, например: Ya, kata suamiku dengan suara dipergpanjang "Да, возможно, - произнес мой муж нараспев (букв. протяжным голосом)". См. А.С.Теселкин, Н.Ф.Алиева. Индонезийский язык. М., 1960, с. 26-27.
2. Принятые сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая - страницу):
B - "Bobo", Jakarta, 1980, NN 32, 36; 1981, NN 3, 5, 6, 52.
PAT - Pramoeuya Ananta Toer. Bumi manusia. Holland, 1980.
RB - Rumah baru dan cerita² lain. Peking, 1957.
S - "Selecta". Jakarta, N 480, 1970.
Sn - Senang. Edisi Gemilang. Jakarta, 1981.
3. Л.Н.Демидок. Удвоение на синтаксическом уровне в индонезийском языке. - Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. М., 1971, с. 135.
4. Термины "равная" и "максимально возможная" для степеней сравнения заимствованы из работы: А.К.Оглоблин. О грамматических классах слов в индонезийском языке. - Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М., 1980, с. 180.

Ирене Квонг Лай Ю

ГЛАГОЛЫ НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (функция предлогов)

Предлоги в индонезийском языке служат для выражения синтаксических связей в предложении. Отграничение же их от знаменательных слов и от подчинительных союзов связано с известными трудностями.

В "Грамматике индонезийского языка"¹ дан перечень предлогов. Кроме собственно предлогов di "в, на", ke "к, в, на, о", dari "от" и др., термин "предлог" применяется также к подчинительным союзам и к глаголам, у которых в определенных условиях обнаруживается функциональное сходство с предлогами. Среди глаголов в этой работе указаны: melawan "сопротивляться, выступать против; против", mengenai "касаться; касательно", melalui "идти по чему-либо; по",

menurut "следовать; по, согласно" и sampai "доходить; до".² Все эти глаголы обязательно требуют дополнений и этим отличаются от модификаторов.³ Это свойство сближает названные глаголы с предлогами, которые в индонезийском языке не могут употребляться без последующего существительного или слова другого класса, образующего вместе с предлогом группу дополнения или обстоятельства. Ниже мы остановимся лишь на тех случаях, когда глаголы движения употребляются в предложении в значении предлогов.

Прежде чем подойти к конкретному материалу, нам необходимо выяснить, в каких синтаксических условиях возможно/невозможно употребление того или иного глагола движения в функции предлога. Нам бы хотелось обратить внимание на такие обстоятельства.

Глагол движения не имеет функции предлога в следующих случаях:

а) если он является единственным глаголом в предложении, тем более, если при нем имеется и зависимое слово типа наречия langsung "прямо", например: Ia langsung menuju hotel Turismo /IM, 6/⁴ "Он прямо отправляется к гостинице Турисмо";

б) если он является однородным (по отношению к другим глаголам) членом предложения, например: Di bawah serangan udara musuh yang bertubi-tubi, kami melalui jalan pegunungan yang berliku-liku, memasuki hutan cemara, menyeberangi sungai-sungai dan kadang-kadang melalui kota-kota yang sudah jadi timbunan puing akibat pemboman musuh secara membabi-butu /BB, 25/ "Под непрерывными вражескими воздушными налетами мы проходили по крутым горным тропинкам, шли через казуариновый лес, переходили реки и иногда проходили через города, которые превратились в груды развалин вследствие вражеской бомбардировки, совершавшейся вслепую";

в) если он, будучи в постпозиции в сочетании двух глаголов, имеет при себе зависимое слово типа наречия perlahan "медленно", например: Perahupun didayung perlahan menjauhi gunung Padang, menjauhi gundukan hijau pohon-pohon cengkih, menjauhi tempat yang mengingatkan pada legenda Siti Nurbaya /P, 39, 14/ "На лодке гребут, /и она/ медленно удаляется от Падангской горы, удаляется от зеленых куп гвоздичных деревьев, удаляется от места, которое вызывает в памяти легенду о Сити Нурбаве".

Напротив, глагол движения употребляется в функции предлога:

а) если он занимает вторую позицию (V_2) в сочетании двух глаголов и является зависимым по отношению к главному (V_1). V_2 обычно переходный и требует прямого дополнения, например: Anak-anak itik berjalan mengikuti induknya sambil membeletet /B, 3, 30/ "Болтая языком, цыплята идут за своей наседкой".

б) если V_1 является не глаголом движения, а, например, глаголом состояния (*duduk* "сидеть", *berdiri* "стоять") или восприятия (*mengawas* "следить", *mengintip* "подглядывать"). В таких сочетаниях V_2 употребляется не в значении глагола направленного движения, а в качестве предлога, в ситуации, где движение отсутствует, например: ... kadang-kadang mengawasi keadaan di dalam markas dengan mengintip melalui sela-sela pintu atau meletakkan telinga pada jendela [РВ, 26] "... иногда [охранник] следил за состоянием штаба, подглядывая сквозь щели дверей или прикладывая ухо к окну". В приведенном примере значение предлога "сквозь" несомненно, если учесть параллелизм со второй частью предложения ("прикладывая ухо к окну", где перед словом jendela "окно" употребляется собственно предлог *pada* "к"). Здесь наблюдается употребление предлогов разного происхождения в одинаковых функциях.

Принимая во внимание вышеуказанные синтаксические условия, мы можем делить глаголы движения, употребляющиеся в функциях предлогов, на следующие две группы: 1) глаголы движения, по значению оказывающиеся близкими к предлогам и 2) глаголы движения, по значению эквивалентные предлогам.

1. К глаголам движения, по значению оказывающимся близкими к предлогам, относятся переходные, образованные при помощи суффикса *-i*, и обязательно требующие прямого дополнения. Это глаголы: *-dekati*, *-hampiri* "подходить к (чему-либо); к", *-ikuti* "следовать за (кем-либо); за", *-karungi* "проплывать на судне по (чему-либо); по", *-kelilingi* "идти вокруг (чего-либо); вокруг", *-lingkari* "сделать круг вокруг (чего-либо); вокруг", *-lintasi* "проезжать по (чему-либо); по", *-masuk* "входить во (что-либо); в", *-susuri* "идти вдоль (чего-либо); вдоль", а также *-turuni* "спускаться по (чему-либо); по". В рассматриваемом материале почти все эти V_2 , употребляясь в функции предлогов, сочетаются с непереходными V_1 ; обстоятельство места при них факультативно, например: Ia berjalan mendekati Pang Yue-siang [РВ, 65] "Он подошел к (букв. идти + подходить) Пан Юй-сян" (ср. *berjalan ke Pang Yue-siang* "идти к Пан Юй-сян"); Dan ternyata setelah merangkak memasuki lubang gua, - karena memang hanya bisa dilalui dengan cara demikian - cahaya langsung menerpa [Р, 39, 12] "И, оказалось, после того, как [мы] вползли в (букв. ползти + войти) пещеру, - так как [в нее] действительно можно было пройти только таким путем - свет сразу хлынул" (ср. *merangkak ke lubang gua* "ползти в пещера"); Paula berlari menyusuri tangga ke tingkat empat dan menekan bel [Р, 39, 41]

"Паула бежала по (букв. бежать + идти по краю) лестнице на четвертый этаж и нажала звонок" (ср. berlari di tangga "бежать на лестнице").

Однако в значении предлогов эти глаголы могут сочетаться также с переходными V_I (кроме глагола -karungi, который может сочетаться только с непереходным V_I : berlayar "проплыть"), например: ... mereka akan harus mendapat hukuman ganti-berganti menggendong Bawuk mengelilingi rumah [AR, 226] "... они должны будут получить наказание - по очереди обнести Бавук на спине вокруг (букв. нести на спине + сделать круг) дома"; Kapal itu mampu berlayar mangarungi samudera букв. "Этот корабль в состоянии проплыть через океан".

В значении предлога V_2 -lingkari "сделать круг вокруг (чего-либо); вокруг" сочетается как с глаголами движения, так и с глаголами состояния (duduk "сидеть", berdiri "стоять"), например: Anak-anak itu duduk melingkari neneknya "Эти дети сидят вокруг своей бабушки".

В следующем примере V_2 с дополнением представляет собой фразеологизм - mengikuti jejak "идти по стопам (повторять чей-то поступок)": Akhirnya gerombolan orang-orang itu perlahan-lahan bubar mengikuti jejak Cui Yi [RB, 46] "Наконец, эта группа людей постепенно удалилась вслед за Цуй Йи".

V_2 -ikuti "следовать за (кем-либо); за" также может занимать первую позицию в предложении, например: Meri dan kawan-kawannya mengikuti Kepala sekolah kembali ke kelasnya [B, 7, 33] "Мэри и ее друзья, следуя за директором школы, вернулись в свой класс". Приведенное предложение допускает такое преобразование: Meri dan kawan-kawannya kembali ke kelasnya mengikuti Kepala sekolahnya "Мэри и ее друзья вернулись в свой класс вслед за директором школы". При перестановке V_2+V_I в V_I+V_2 смысл предложения не меняется, поэтому возможно, что это глаголы одновременного действия. В первом предложении подчеркивается то, что именно "следуя за директором", Мэри и ее друзья вернулись в свой класс. Во втором предложении констатируется факт, что Мэри и ее друзья вернулись в класс вслед за директором.

2. Глаголы движения, по значению эквивалентные предлогам. Некоторые глаголы могут утрачивать значение движения и употребляются в предложении как истинные предлоги. Сюда входят и V_t , и V_i : -lalui, -lewati "проходить через (что-либо); через, по (чему-либо); по", sampai "доходить до (чего-либо); до", menurut "следовать; по, согласно". Предложное значение этих глаголов особенно ощущается

при сочетании их не с глаголами движения, а с другими, требующими дополнения или слов, выступающих в предложении в качестве обстоятельства времени: membuat menurut "делать по", belajar, bekerja sampai "заниматься, работать до", melihat, mengawasi, mengintip melalui (melewati) "видеть, следить, подглядывать через", например: Dia membuat sesuatu hanya menurut perintah "Он что-либо делает только по приказу"; Anwar bekerja sampai jam tiga malam "Анвар работал до трех часов ночи"; Dia melihat sesuatu melewati jendela "Он увидел что-то через окно"; Dan kami berjalan terus beberapa ratus meter ke belakang melalui jalanan yang dilapisi krikil kali [РАТ, 24] "И мы [были вынуждены] продолжать идти несколько сотен метров назад по дороге, покрытой речным гравием". В последнем примере глагол melalui, находясь далеко от V_I , не дает ему дополнительного лексического значения.

Несколько особняком стоит глагол menuju⁵ "направляться к (чему-либо); к", за которым обычно следует предлог ke "к". В индонезийском языке конструкция "глагол + предлог + объект" кажется полной и без участия глагола "направляться". Однако для полного смысла предложения данный глагол все же включается в состав сказуемого и является связующим звеном между V_I и предлогом. Сочетание "menuju + ke + дополнение" функционирует в предложении как обстоятельство места: Rong Rong meluncur menuju ke sebuah kolam [В, 52, 36] "Ронг Ронг помчался к (букв. помчаться + направляться + к) пруду".

Бывают случаи, когда за глаголом "направляться" не следует предлог "к" и V_2 употребляется также в значении предлога, например: Doni membawa lari pacarnya menuju Bandung "Дони увез свою любимую [по пути] к Бандунгу" (ср. membawa lari pacarnya ke Bandung "увезти свою любимую в Бандунг").

Итак, приведенный материал показывает, что в индонезийском языке часть глаголов движения может выступать в предложении в функции предлогов. Одни по значению оказываются близкими к предлогам, а другие – широко употребляются как собственно предлоги.

-
1. Н.Ф.Алиева и др. Грамматика индонезийского языка. М., 1972.
 2. Там же, с. 247.
 3. См. нашу работу: Ирене Квонг Лай Ю. Модификаторы со значением направления движения в индонезийском языке. – ПП и ПИКНВ, XXII/П. М., 1989, с. 93-97.
 4. Принятые сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая – страницу):

- AR - Umar Kayam. Bawuk. - Ajip Rosidi. Laut biru langit biru.
Buaga rampai sastra Indonesia mutakhir. Jakarta, 1977.
- B - "Bobo". Jakarta, 1981, NN 3, 7, 52.
- F - "Femina". Jakarta, 1981, N 39.
- IM - Ircham Machfoedz. Buaian Yang Hilang. Bonus KARTINI 230.
Pemenang Ketiga Sayembara Novelet KARTINI 83.
- PAT - Pramoedya Ananta Toer. Bumi Manusia. Holland, 1980
- RB - Rumah baru dan cerita² lain. Peking, 1957.

5. Глагол *menuju* - переходный (имеется форма *dituju*), но обычно требует предлога *ke* "к". К числу переходных глаголов движения, требующих предлогов, относятся и *-panjat (keatas)* "взбираться (на)", *-tembus (ke)* "пробираться (сквозь)", *-tempuh (kesuka)* "продвигаться с трудом (вперед)". Подробнее об этом см.: А.К. Оглоблин, А.А. Холодович. Диатезы и залоги в индонезийском языке. - Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974, с. 145-146.

Е.А. Кузьменков, Т.А. Пан

КАУЗАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В МАНЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

К каузативным будем относить такие глаголы, у которых значение основы может истолковываться как сложение двух ситуаций: каузируемой и каузирующей.¹ Например: *такура*=² "посылать", то есть "приказать" или "просить", или "заставить", или "пустить" (будем называть это в общем виде "каузировать") "пойти"; *туванабу*= "послать посмотреть", то есть "каузировать-пойти-посмотреть".

Каузируемая ситуация - конкретное действие или состояние; каузирующая ситуация в большинстве случаев конкретно не характеризуется. При необходимости выразить способ каузации употребляется перформативный глагол, требующий особой конструкции, например, *васимбу*= "приказать" со служебным словом *сэмэ* "говоря; что ...", которое вводит императив глагола, называющего каузируемую ситуацию. На способ каузации может указывать контекст, иногда способ каузации находит косвенное отражение в валентностях каузативного глагола (см. далее).

Первый из приведенных нами примеров представляет "лексический каузатив": каузируемая и каузирующая ситуации морфологически не расчлениются. Второй пример - "морфологический каузатив": в основе глагола выделяется суффикс *=бу*, указывающий на наличие каузирующей ситуации.

Класс лексических каузативов в маньчжурском языке сравнительно невелик, что естественным образом объясняется тотальным употреблением морфологического каузатива. Суффикс каузатива =бу (вариант =мбу)³ может присоединяться практически к любой глагольной основе (то есть и к основе каузативного глагола тоже). Ограничения здесь, вероятно, чисто фонетические: более двух слогов -бу- в одной глагольной основе не встречается, ср.: йо= "идти" и ябу= "идти" (в последнем -бу-- часть корня, а не суффикс) - эти два параллельных заимствования из монгольского (первое из какого-то восточного монгольского диалекта, второе - из монгольского письменного языка) образуют следующие каузативы: йобу= "посылать", йобубу= "велеть послать". Для последнего глагола присоединение второго каузативного суффикса, по-видимому, уже нежелательно, по крайней мере, в текстах форма *ябубубу не встречается.

Инвариант значения суффикса =бу вполне адекватно, на наш взгляд, может быть выражен термином "каузатив", несмотря на то, что конструкции, образуемые глаголами на =бу, довольно разнообразны и вызывают ассоциации с пассивом, рефлексивом и проч., что и нашло свое выражение в традиционной характеристике маньчжурского каузатива как двойственной формы - каузативно-пассивной,⁴ начиная с первых описаний маньчжурского языка⁵ и до наших дней.

Как уже говорилось выше, для определения статуса каузатива мы прибегаем к выделению каузирующей ситуации. Эту интерпретацию можно представить несколько иначе, если обратить внимание на иерархические отношения каузирующей и каузируемой ситуации: каузирующая ситуация и в семантике, и в синтаксисе всегда доминирует над каузируемой. Это очевидно при синтаксической расчлененности двух ситуаций ("приказал сделать что-л."), а при единственном сказуемом находит свое выражение в том, что субъект каузирующей ситуации (каузатор) занимает первое место (подлежащего). Таким образом, для определения каузативной конструкции можно использовать следующую импликацию:

если существует диатеза: каузатор___ , то налицо каузативная конструкция.

Для характеристики значения глаголов на =бу как каузативных констатация каузативности конструкции является достаточной, но для определения значения и функции самого суффикса =бу, она лишь необходима. Для более полного представления значения данной формы следует воспользоваться сравнением исходного глагола и произ-

водного в составе соответствующих конструкций. Здесь нас ожидают естественные трудности работы с письменными текстами: далеко не всегда удастся подобрать литературные примеры, в которых одна и та же ситуация содержалась бы в исходной и каузативной конструкциях. Чаще придется, основываясь на аналогиях, реконструировать исходные конструкции с той или иной мерой риска (далее реконструкции будем отмечать звездочкой: *).

Самой простой каузативной деривацией является та, в которой исходным глаголом служит непереходный: каузирующая ситуация добавляет еще одного участника – каузатора, занимающего позицию подлежащего, субъект каузируемой ситуации выражается прямым дополнением. Ср.:

Исходная /мини/ эргэнь чоциха (Зах., 88)

конструкция (Кон_ρ) /мой/ жизнь кончиться-прич.прош.

"моя жизнь кончилась"

Каузативная /тэсэ/ мини эргэнь бэ чоцибуха (ТМ Ш, 56)

конструкция (Кон_к) /те/ мой жизнь акк. кончиться-кауз.-прич.прош.

/они мою жизнь погубили"

Такая синтаксическая деривация типична для каузативов глаголов состояния, движения, связочного глагола о= "становиться".

Кон_ρ * хоошань усихихэ
бумага намокнуть -прич.прош.

"бумага намокла"

Кон_к би фа и хоошань бэ усихибуфи (ТМ П, 176)

я окно ген. бумага акк. мокнуть-кауз.-деепр.

"я оконную бумагу намочив..."

Кон_ρ * чооха далда ба дэ илимби
войска скрытый место дат. стоять-наст.вр.

"войска стоят в укромном месте"

Кон_к чооха бэ далда ба дэ илибумби (Ив., 21)

войска акк. скрытый место дат. стоять-кауз.-наст.вр.

"поставим войска в укромном месте"

Во многих случаях значение каузативного глагола осложняется по сравнению со значением исходного глагола не только каузацией. Происходит дополнительный семантический сдвиг, в результате чего Кон_к может не иметь соответствующего исходного коррелята, например:

тэрэ лохо и чжайлабуха (ТМ Ш, 136)

тот меч ген. отстраняться-кауз.-прич.прош.

"он отражает /удар/ мечом"

Исходный глагол чжайла= "отстраняться" не может выступать в соот-

ветствующем некаузативном контексте: "удар был отражен" и т.п.

В резких случаях каузативы непереходных глаголов образуют конструкции, где субъект каузируемой ситуации выражен дополнением в косвенном падеже:

фухали нялма дэ элэбураку (ТМ П, 33а)

совсем человек дат. быть-довольным-кауз.птр.

"совсем не доставляет удовольствия человеку"

На наш взгляд, в этом случае дативное дополнение может объясняться необходимостью выразить бенефактивную направленность действия (в том числе и каузации) – совершение его в чью-либо пользу. Но там, где явно выраженного бенефактивного значения нет или оно компенсируется негативным характером самого действия, происходит обычное оформление субъекта – с помощью форманта аккузатива:

бойгоцзи бэ умэ гунинь чжобобурэ (ТМ I, 9а)

хозяин акк. не мысль-страдать-кауз.-прич.буд.

"не беспокойте хозяина!"

Каузативы, образованные от переходных глаголов, образуют несколько типов конструкций.

Часто встречаются глаголы с валентностью, которую можно назвать "пермиссивной". Пермиссивный каузатив характеризуется наличием прямого дополнения, идентичного прямому дополнению в исходной конструкции, и дативного дополнения, выражающего субъект каузируемой ситуации. Ср.:

Юн_о *и чжакунь хэргэнь бэ туваха

от восемь иероглиф акк. видеть-прич.прош.

"он увидел восемь иероглифов"

Юн_к чжакунь хэргэнь бэ иньдэ тувабуха (ТМ I, IIа)

восемь иероглиф акк. он дат. видеть-кауз.-прич.прош.

"ему показали восемь иероглифов"

Способ каузации в пермиссивных конструкциях представляется более определенным, чем в других типах каузативов: субъект, выраженный дативным дополнением может интерпретироваться и как адресат, а сама каузация – как значение: "дать возможность что-л. сделать". Пермиссивы образуются далеко не от любого переходного глагола. По нашим наблюдениям, исходный глагол должен обладать рефлексивной бенефактивностью ("действие в свою пользу"). Это видно из списка значений исходных глаголов: смотреть, видеть, слушать, слышать, понимать, (вы)учить что-л., брать, пить, есть, вспоминать, (у)знать и т.п.

Сопутствующим (не необходимым) признаком пермиссива является наличие неодушевленного (в том числе предикатного – у глаголов восприятия) объекта в каузируемой ситуации.

Если объект в данной ситуации – одушевленный (может быть, точнее: лицо), то создается возможность для образования "объектно-рефлексивного каузатива", необходимым условием которого является кореферентность объекта и каузатора: "я позволяю кому-л. делать что-то со мной". Ср.:

Кон₀ *нялма сувэмбэ эймэмби

человек вы акк. презирать-наст.вр.

"люди вас презируют"

Кон_к нялма дэ басубураку эймэбураку омби (Вас., 2)

человек-дат. осмеивать-кауз.-прич.буд.-отриц.презирать-кауз.-прич.буд.-отриц. становится-наст.вр.

"/вы/ не позволите людям осмеивать и презирать /вас/"

В число значений глаголов, для которых образование объектно-рефлексивного каузатива является типичным входят: "уважать", "обмануть", "ругать", "презирать", "исправлять", "лечить", "погонять", "связывать", "увлекать", "прославлять" и т.п. Очевидно, что ситуации, называемые этими глаголами, допускают одушевленный объект, который может быть и каузатором. Конструкция, где подлежащее не только каузатор, но и объект, естественно воспринимается исследователями как пассивная. Однако, поскольку в маньчжурском языке морфологического пассива не существует, и следовательно, нет противопоставления объектно-рефлексивного каузатива и пассива, как скажем в монгольском языке,⁶ то такие конструкции можно трактовать как частный случай каузативной деривации.

В пользу именно такого построения модели говорит и следующее обстоятельство. Глаголы этого типа (переходные с валентностью на одушевленный объект) образуют также своеобразные конструкции, в которых рефлексивность каузации синтаксически расчленена, то есть объект выделен как прямое дополнение, выраженное личным или возвратным местоимением:

энэнги мимбэ фяратала таньтабураку оци би утхай гасхукини (ТМ.П, 5а)
сегодня я-акк. до-смерти избивать-кауз.-прич.буд.-отриц.
становиться-усл.деепр. я тотчас обещать-оптат.

"если я сегодня не буду до смерти избит, то дам обещание"

эньтэкэнгэ бэе фусихушабурэ ябун (ТМ Ш, 1б)

такой сам унижать-кауз.-прич.буд. поведение

"такое поведение, унижающее самого себя"

Но такое выделение объекта в отдельный член предложения встречается достаточно редко, чтобы можно было признать его исключением из общего правила. И напротив, глаголы, регулярно об-

разующие пермиссив, как правило, представляют рефлексивность каузации (каузатор=объект) синтаксически расчлененной, например:

би бэе бэ тувабумби (Зах., 486)

я сам акк. смотреть-кауз.-наст.вр.

"Я представляюсь /государю/"

По аналогии с объектно-рефлексивным каузативом образуются конструкции, которые вообще не могут интерпретироваться как каузативные: нет актанта, на который можно было бы "возложить" роль каузатора. Поэтому они могут интерпретироваться как пассив с дитезой: объект----- . Например:

подлежащее

айсинь шогэ сацibuфи чжуэ далгань офи на дэ бисирэ (ТМ Ш, 56)
золото слиток рубить-кауз.-деепр. два кусок становится-деепр.
земля дат. быть-прич.буд.

"золотой слиток, разрубленный на две части, лежит на земле"

Интересно, что в таких случаях (то есть с неодушевленным объектом) не наблюдается выражения субъекта в виде косвенного дополнения, как это бывает в объектно-рефлексивном каузативе. И если последний в наибольшей степени приближен к универсальной активно-пассивной оппозиции типа:

Актив

Пассив

субъект

объект

объект

субъект

подлежащее прямое доп.

подлежащее косветное доп.

то "настоящий пассив" менее других каузативов и их дериватов вписывается в эту схему. Главный его признак – понижение валентности по сравнению с исходным глаголом. Деривация ведет себя как "анти-каузатив" – устраняется субъект ситуации (исходной).

Еще один тип маньчжурского каузатива связан с оформлением актанта, выражающего субъект, с помощью винительного падежа. Такое оформление возможно не только при каузативах непереходных глаголов (см. выше), но для переходных – дело осложняется тем, что возникает валентность на два дополнения, оформленных аккузативом, а такая валентность практически никогда полностью не реализуется. Обычно в этом случае прямое дополнение, выражающее объект, опускается, например:

мимбэ утту гисурэбумбикай (ТМ П, 86)

я-акк. этак говорить-кауз.-наст.вр.-связка

"меня так заставили высказаться"

Конструкции такого рода обычно связываются с более или менее "жестким" способом каузации: "заставить, приказать" и т.п. Ориентируясь на это значение их можно квалифицировать как "фактитивы".

Необходимость избегать одинаково оформленных прямых дополне-

ний - фактор, по-видимому, довольно сильный. Об этом свидетельствует следующий пример, где фактитивная конструкция включает дополнение-объект в дательном-местном падеже, а не в винительном:

даму эрдэму дэ нялма бэ дахабуци омби (Позд., I-2)

только добродетель дат.человек акк. следовать-кауз.-деепр. становиться-наст.вр.

"человека нужно вести только за добродетелью"

Ср. аналог исходной конструкции:

сайньбэ дахарангэ вэсихунь тафара гэсэ (Позд., 2)

добро акк. следовать-прич.буд.-субст.верхний взлетать-прич.буд. подобный

"следующий добру подобен взлетающему вверх"

Фактитивные конструкции образуются от таких исходных глаголов как "говорить", "давать", "делать", "творить (добро)" и т.п. В инварианте этого подкласса глаголов можно усмотреть бенефактивное значение: "действие в чью-либо пользу".

В этом плане очевидно бенефактивное противопоставление пермиссивных и фактитивных конструкций:

Пермиссив		Фактитив	
Кон _б	Кон _к	Кон _б	Кон _к
"действие для себя"	"действие для кого-л."	"действие для кого-л."	"действие для себя"

Показателем этой симметрии могут служить деривации типа "взять" "дать", "дать" "взять", осуществляемые с помощью каузатива, например: сабу= "заметить" сабубу= "показать" (пермиссив), гисурэ= "сказать" гисурэбу= "заставить сказать, вывести" (фактитив).

Еще одна особенность маньчжурского каузатива связана с "квазипассивными" конструкциями. При неодушевленном субъекте-"стихии" (буря, дождь и т.д.) и неодушевленном объекте ядром конструкции может быть каузатив непереходного глагола или произвольный переходный глагол, в окружении которых образуется диатеза:

объект	субъект	Ср.:
подлежащее	косвенное доп.	

адаки боо и фясха ага дэ шэкэбуфи тухэкэ (ТМ IV 7а)

соседний дом ген. стена дождь дат. быть-подмоченным-кауз.-деепр. упасть-прич.прош.

"Стена соседнего дома упала, подмытая дождем"

утхай мукэ дэ обохо адали (ТМ IV, 8а)

тотчас вода дат. смыть-прич.прош. одинаковый

"тотчас будто водой смыло"

Таким образом, маньчжурский каузатив можно расклассифицировать на ряд дериваций, представленных в следующей таблице:

Тип деривации	Диатеза Кон _к		Класс исходного глагола и дополнительные условия
Транзитив	каузатор	субъект	непереходные глаголы
	подлежащее	прямое доп.	
Пермиссив	каузатор	субъект	переходные глаголы с реф-
	подлежа-	косв.	лексивной бенефактив-
	щее	доп.	ностью, одушевленный
		доп.	субъект
Объектно-рефлексивный каузатив	каузатор=	субъект	переходные глаголы,
	=объект	косв. доп.	одушевленный объект
	подлежа-		
	щее		
Пассив (антикаузатив)	объект	субъект	переходные глаголы
	подлежащее		неодушевленный объект
Фактитив	каузатор	субъект	переходные глаголы, с
	подлежащее	прямое	бенефактивностью
		доп.	"в чью-л. пользу"
Квази-пассив	объект	субъект	непереходные глаголы,
	подлежащее	косв. доп.	субъект - "стихия"

По этим классам распределяется большинство каузативов, включая те дериваты, которые приобрели дополнительное значение и "опростились", например: са= "знать" сабу= "замечать" и т.п. Общая схема каузативной деривации аналогична таковой в других тангусо-маньчжурских и монгольских языках: к глагольной основе добавляется каузативный показатель, номинативное оформление субъекта ситуации, подчиненной предикату "каузировать", заменяется на оформление падежом низшего ранга. Отступления от этой схемы в большинстве случаев не являются "исключениями". Это - производные от основных конструкций, варьирующиеся в зависимости от корелативности актантов, их элиминации и проч.⁸

-
1. Термины "каузатив", "пассив", "ситуация", "диатеза" и др. употребляются нами в традиции школы А.А.Холододовича. (см. А.А.Холододович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979; он же. Типология каузативных конструкций, Л., 1969).
 2. Транскрипция маньчжурского текста дается по работе И.И.Захарова. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 19-46).
 3. Эти варианты дополнительно распределены по основам (распреде-

ние, по-видимому, историческое), но есть и исключения, например: от убалы= "переворачиваться" образуются убалыбу= "переворачивать и убалымбу= "переводить с одного языка на другой".

4. И.И.Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 160-161.
5. L.V.Clark. Manchu Suffix list. - Manchu Studies Newsletter. Issur III. Bloomington, 1979-1980. с. 29-40.
6. Е.А.Кузьменков. Глагол в монгольском языке. Л., 1984, с. 46.
7. В монгольском языке, каузатив которого во многих деталях аналогичен маньчжурскому, в сходных контекстах употребляются только непереходные глаголы - пассивы или "медиумы" (см.: А.Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, с. 295), например: салхинд унасан гэр
ветер-дат. упасть - прич.прош. юрта
"юрта, упавшая от ветра"
8. B.Comrie. Causatives and Universal Grammar. - Transactions of the Philological Society for 1974. Oxford, 1975, с. 1-32.
Сокращения:

акк. - аккузатив

дат. - датив

ген. - генетив

деепр. - деепричастие

Зах. - И.И.Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Ив. - А.И.Ивановский. Маньчжурская хрестоматия для первоначально-го преподавания. I часть. СПб., 1893-1895.

кауз. - каузатив

наст.вр. - (глагол) настоящего времени

отр. - отрицание

Позд. - Позднеев А. Опыт собрания образцов маньчжурской литературы. Вып. I. Владивосток, 1904.

прич.буд. - причастие будущего (времени)

прич. прош. - причастие настоящего (времени)

ТМ - "Тангу мэнь" ("Сто глав"). Рукописный отдел ЛО ИВ АН. Маньчжурский фонд ксилографов. В 76, Римская цифра обозначает тетрадь, арабская с буквой - страницу.

З.А.Юсупова

ФУНКЦИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОГОВ В ДИАЛЕКТЕ КУРДСКОГО ЯЗЫКА АВРАМАНИ (в сопоставлении с сорани и курманджи)

Характерной особенностью предложно-последложной системы курдского языка являются сложные предлоги, представляющие собой грам-

матикализованные сочѣтания первичных предлогов с местоименной энклитикой -ѣ, соотносящейся с личным местоимением 3-го лица единственного числа.¹

В исследуемом нами памятнике на диалекте аврамани - Диване Маулави² (в дальнейшем - ДМ) засвидетельствованы следующие сложные предлоги: *lê < le+ѣ*, *pê < be+ѣ*, *tê < de+ѣ*, *sê < se+ѣ*, *çê < çe+ѣ*.³ Как свидетельствует материал, функции указанных предлогов в языке ДМ сводятся главным образом к управлению ими косвенным объектом, выраженным личным энклитическим местоимением, характеризующимся категориями лица и числа:

1 л. ед.ч. -(i)m/me

1 л. мн.ч. -man/-ma

2 л. ед.ч. -(i)t

2 л. мн.ч. -tan

3 л. ед.ч. -(i)q

3 л. мн.ч. -qan/qa

Выступая в функции косвенного объекта, управляемого одним из перечисленных выше сложных предлогов, энклитическое местоимение может занимать две позиции: а/ примыкает непосредственно к предлогу; б/ примыкает к прямому объекту, за которым следует предлог. В указанных случаях сложные предлоги могут сочетаться с послелогами. В ДМ засвидетельствованы сочетания: предлога *pê* с послелогами -da и -ewe, предлога *lê* с послелогом -ewe, предлога *tê* с послелогом -da.

Переходя к анализу значений сложных предлогов, отметим, что наибольшей употребительностью характеризуется предлог *pê* (отмечено более 100 примеров), служащий для обозначения направления, адресата действия, выраженного личным энклитическим местоимением:

Çergerd her satê derdê mîdo pê-m (135)

Судьба каждый час приносит мне страдания.

Pê-m der yek camê hâlim bedhâle (20)

Дай мне чашу [с вином] я в удрученном состоянии.

Pê-m weşen gêşaw/1/ deruay xem (460)

Мне приятно [пребывать] в водовороте моря печали.

При употреблении с глаголом-связкой рассматриваемый предлог приобретает локативное значение - 'у', 'при', 'в':

Temam dewayî se destit pê-t-en (313)

Все средства исцеления в твоих руках, в тебе.

Leb berdewe çêş nemeuê pê-g-en (87)

Он улынулся [но] почему? [Оказывается] при нем письмо.

Roş weslîit her bîm/1/ ey to we pê-m bî (428)

В день соединения с тобой во мне был тот же страх [что] и сегодня.

Отмечены также редкие случаи употребления предлога *pê* для

обозначения орудийности, средства действия. Однако, как свидетельствуют примеры, в указанном значении сложный предлог управляет косвенным объектом, выраженным не личным энклитическим местоимением, а именем существительным, соотносящимся с входящей в состав предлога местоименной энклитикой -ê:

Aziz kam hûn bî dîdem pê neqest (341)

Любимая, какими только слезами букв. кровью не обливались мои глаза.

Sifidîm awerd, siayîm pê fest (295)

Принес я белизну я окрасил ею черноту своих волос.

В сочетании с послелогоми предлог -pê засвидетельствован в следующих значениях:

1) С послелогом -da - обозначает направление на поверхность, движение по поверхности какого-либо ограниченного пространства:

Beheşt qadiqen megêlî pê-q-da (375)

Рай рад твоей смерти так как ты ходишь по нему.

Ray meyliq zehmet biwîero pê-q-da (262)

Стопам желания трудно пройти по ней

E'rze qahiden kam bidîe pê-q-da (397)

Мое письмо свидетель тому - вчитайся в него внимательно.

2) С послелогом -ewe обозначает нахождение 'у', 'при', совместность и, реже, направление:

Ger zeîey qî'ûr heye pê-t-ewe ... (369)

Если у тебя есть хоть частица разума ...

Pê-m-ewe-n êqê, qî terzê êqê (482)

У меня боль, но какая боль!

Beydê pê-m-ewe yaran, hamferdan (403)

Придите на помощь, друзья, единомышленники.

В приведенных ниже примерах предложно-послеложное сочетание стоит в постпозиции к косвенному объекту, выраженному личным энклитическим местоимением:

Her mahê new bo hâlîm reşewen

Qun hîlal sêwey ebroy toq pê-we-n (235)

Едва в небе появляется молодая луна, мне делается грустно, так как образ луны подобен твоей брови.

Hîç bend nimebo ray belaq pê-we (209)

Поэтому нога беды никак не может удержаться на нем.

Засвидетельствованы случаи, когда сочетание pêwe в составе посессивной конструкции управляет не энклитическим местоимением, а именем:

Balay alay qeng sed belâ pêwe-n (83)

Прекрасный высокий стан /возлюбленной/ - сто бед с ним
связано.

Çi matemêwen pat biyen pêwe (209)

Что это за печаль /в которую/ попала твоя нога.

Предлог tê засвидетельствован главным образом в сочетании с послелогом -da при косвенном доподнении, выраженном личным энклитическим местоимением. Основное значение указанного предложно-послеложного сочетания - обозначение нахождения в, внутри, в пределах:

Xatirim yend xar/i/ meynet ha tê-s-da

Pay meyliş zehmet biwîero pê-s-da (262)

В моей душе столько шипов печали,

/Что/ ее желанию трудно пройти по ней.

Dîdeş yend xeyâl/i/ balât tê-s-da .

Řagey xaw nebi biwîero pê-s-da (165)

В его глазах скопилось /букв. было столько/ образов твоего
стана,
/Что/ не стало дороги для сна по которой он /т.е. сон/ мог
бы пройти.

Только в двух случаях сочетание têda управляет не энклитическим местоимением, а именем:

Diî yend coş/i/ germ/i/ xeman dan pêda

Semender laneş meğêro têda (218)

Сердце мое настолько охвачено жаром переживаний,

/Что/ саламандра вьет себе в нем гнездо.

Bismille ew tîr/i/ peî têda besteş

Êd nîşaney ten/i/ sed car şikeşteş (93)

Во имя Аллаха! Вот стрела с вделанным в нее пером,

А это следы ее на сотню раз израненном ею теле.

В исследуемых текстах зафиксирован лишь один случай, когда предлог tê употреблен самостоятельно без послелога:

Tewq/i/ xem gerdên/i/ şewqekem besten

Kef/i/ pay sadim xar tê şikeştên (184)

Обруч тоски связал горло моей радости,

В подошве ноги моей радости застряла колючка.

Предлог lê, засвидетельствованный только в сочетании с личными энклитическими местоимениями в функции косвенного объекта, имеет направительно-дательное значение:

Her satê derdê siza mido pêş

Yek an zîndegim heram biyen lê-ş (267)

Каждый час новое страдание причиняет мне муки,

Жизнь моя совсем опостыдела мне.

Zerdi řeng ne welg/i/ newtûl/i/ nemaman

Та лѐ-я малûм би new paiz aman (164)

Ветер отдай желтизну моего лица листьям молодых ветвей,
Чтобы ей стало ясно что уже настала ранняя осень.

В одном из зафиксированных примеров указанный предлог имеет
локативное значение:

Niwislabê lê-я to dil serdeni,

Dil her yekêwen to wêt berdeni (351)

В нем было написано что ты равнодушен ко мне,
Сердце у меня всего одно, ты сам забрал его.

Предлог сê, имеющий ограниченное употребление, семантически
близок предлогу lê:

Saqi, tirs/i/ derd/i/ durîy cemîngul

Weslim cê kerdên we jar/i/ qatîl (476)

Виночерпий, страх перед болью разлуки с красавицей
Превратил для меня свидание с ней в смертельный яд.

Min nebûn sadîm cê bêzar biyen

Gerd we ser/i/ min, kes dîar niyen (329)

Что до меня то радость опостылела мне,

Прах на мою голову, никого больше нет букв. не видно/.

Предлог çê засвидетельствован лишь в одном примере – в со-
четании с личным энклитическим местоимением в функции косвенного
объекта:

Dîdekem to meylî xestet zerûr bê

Ey bêşertîye fire çê-t dîr bê (404)

Любимая, букв. глаза мои тебе следовало любить плененного
тобой,

Чтобы это твое безграничное непостоянство покинуло тебя.

Следует отметить, что указанный предлог в самостоятельном
употреблении в ДМ не зафиксирован. Он засвидетельствован в соста-
ве предложно-местоименных сочетаний: çîne, çîdîma, çêdîş:

Îal/i/ çîne tengter niyen pêş aman (218)

Хуже чем это, нашедшее на меня состояние, со мной не бывало.

Çêdîş wêney mal/i/ yaran kerd îaqa (153)

Она и от этого, как и от дома друзей, отказалась.

Çîdîma yaran wermen perê min (253)

Отныне, друзья, разве что во сне она явится мне букв.
для меня/.

В южнокурдских диалектах – сулеймани, сорани, мукри сложные
предлоги lê, pê, tê (предлоги сê, çê в них полностью утрачены)
имеют более широкий круг употреблений.⁴ Они используются при кос-

венном объекте, выраженном: а/ личным энклитическим местоимением; б/ глагольным окончанием при переходных глаголах в форме прошедшего времени.

При косвенном объекте, выраженном личным энклитическим местоимением, сложный предлог может употребляться как в препозиции, так и в постпозиции: *rê-yan bilê* 'скажи им'; *fojbaq-tan lêeka* 'он приветствует вас'; *êsta aweke-t rêedem* 'сейчас я дам тебе воды'; *kîçeke lê-u piraf-m* 'девушка спросила меня'; *rê-m wut-i* 'я сказал тебе' и др.

В южных диалектах, как и в аврамани, сложные предлоги могут сочетаться с послелогами: *-ewe*, *-da*, *-fā*: *derga qîfî-i rêweye* 'на воротах замок'; *aw-î rêda efwat* 'по ней течет вода' и др.

Таким образом, сложные предлоги в аврамани и в южнокурдских диалектах характеризуются общей для них синтаксической функцией – управления косвенным объектом, выраженным личным энклитическим местоимением.

В северных диалектах курдского языка курманджи, где личные энклитические местоимения отсутствуют, используемые в них аналогичные сложные предлоги *lê*, *rê*, *tê*, *jê* несут на себе иную функциональную нагрузку. В составе сложных предлогов курманджи местоименная энклитика *-ê* выступает в одной из функций косвенного объекта, замещая имя существительное или местоимение 3-го лица единственного числа. *Kulik lê dipirse, divê...*⁵ 'Кулык спрашивает у него, говорит...'; *Lê merekeda ardu t'unekû, wekî me xwefā agir dada, xwe rê germ bikira*⁶ 'Но в сарае не было дров, чтобы мы смогли разжечь огонь и согреться им'.

Однако и в курманджи возможны случаи грамматикализации местоименной энклитики *-ê* в составе предлога: *Min derî rê k'litê vekir* 'Я открыл дверь ключом'. Ср. *k'ilitê bine derî rê veke* 'Принеси ключ и открой им дверь', где местоименная энклитика соотносится с существительным *k'lit*. *Ezê sawa rê k'êrê wûrê bixim?*⁷ 'Как же я буду есть суп ножом?' Ср. *Na teğā k'êr rê bibire* 'Вот тебе нож, отрежь им', где энклитика *-ê* замещает существительное *k'êr*.

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что по своему употреблению сложные предлоги в курманджи отличаются от аналогичных предлогов в аврамани и южных диалектов курдского языка. Различие в употреблении указанных сложных образований в тех и других диалектах обусловлено различием функции входящей в их состав местоименной энклитики *-ê*.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

I. Сложные предлоги, свойственные курдскому языку в целом в

функциональном отношении поддиалектно различаются в зависимости от степени грамматикализации входящей в их состав местоименной энклитики -ê.

2. Сложные предлоги в аврамани при их полном материальном сходстве с аналогичными образованиями как в южных, так и в северных диалектах курдского языка, функционально смыкаются со сложными предлогами южнокурдских диалектов, обнаруживая вместе с тем остаточные функции, сближающие их с предлогами севернокурдских диалектов (имеются в виду засвидетельствованные в ДМ случаи употребления местоименной энклитики -ê в составе предлога в замещающей функции).

3. Сложные предлоги можно рассматривать как грамматический признак (изоглоссу), объединяющий все курдские диалекты, с одной стороны, и противопоставляющий южнокурдские диалекты северным диалектам курдского языка - с другой.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с рассмотренными здесь сложными предлогами, общими, как показывает сравнительный материал, для разных диалектных групп курдского языка, в ДМ засвидетельствована группа предлогов, составляющих характерную особенность предложно-последложной системы аврамани. Эти предлоги - *rene*, *wene*, *çene*, *çenî*, *perê* - подобно сложным предлогам преимущественно управляют косвенным объектом, выраженным личным энклитическим местоимением, по отношению к которому они могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции. Некоторые предлоги данной группы способны управлять косвенным объектом, выраженным именем существительным или личным местоимением:

Предлог *rene*, засвидетельствованный только в сочетании с личными энклитическими местоимениями, служит для выражения направления:

Îve mîwînî çêş reneş aman (2I5)

Теперь ты видишь, что случилось со мной.

Se soy sewzey dîl awê-ş der rene (72)

Ороси его водой из свежего источника /твоего/ сердца.

Eş waşan rene-ş new bezmî/ meşşer ... (2I4)

Если скажут ему в день Страшного суда ...

Предлог *wene*, как и предыдущий выражает отвлеченное направление. Засвидетельствован в сочетании с личными энклитическими местоимениями:

Me 'lûm bî wene-m hesretit kêşî (IIB)

Мне стало ясно /что/ ты сильно страдала.

Ew zewqe to dît wenem heram bo (I44)

Да будет запретным для меня наслаждение, испытанное тобой.
Didet toz/ɪ/ xeyr nîsten-ə wene (72)

/Если/ на глазах твоих осела пыль /от визита/ соперника...

Предлог çenî употребляется при обозначении различных оттенков совместности действия. Отмечен как с энклитическими местоимениями, так и с именами существительными (личными местоимениями):

Çerx/ɪ/ çergerd çenî-şî ģas besten kelek,

Er min sengim dan we minay felek (I99)

Колесо судьбы и впрямь завязало со мной вражду,

Словно я бросил в камень в окно небосвода.

Heway wer kawan çenî to weş bî,

Seday setawan çenî to weş bî (355)

Горный воздух был прекрасен только с тобой,

Шум водопадов был прекрасен только с тобой.

Çi dawayêwen mekerdê-şî çenî? (52)

Что это за спор вы затеяли со мной?

Предлог çene, отмеченный всего в двух случаях, и только в сочетании с личным энклитическим местоимением, по своему значению совпадает с предлогом cê:

Nejneftî çene-şî sed çar dadim kerd (225)

Ты не послушался меня /хотя/ я сотню раз взывал к тебе.

Dewlêmendênî la bider çene-ə (417)

Ты богат /так/ помоги же ему.

Предлог perê широко употребителен. Сочетаясь как с личными энклитическими местоимениями, так и с именами (местоимениями) служит для обозначения направления, назначения:

Perê to ģahet, perê min zamet (I19)

Тебе /пусть будет/ покой, /а/ мне страдание.

Peu çêq her pestî perê min awerd? (256)

Почему /судьба/ принесла мне одну печаль?

Perê mergêwter îhîam kerowe (527)

Пусть воскресит /он/ меня для другой смерти.

Нередко предлог perê при употреблении с личным энклитическим местоимением обнаруживает полное сходство с предлогом rê, о чем свидетельствуют случаи параллельного использования этих предлогов:

Dûrit e' zabê saz dabê perêş

E' zabêw ter da ama u' luat rêş (427)

Разлука с тобой причинила мне одно страдание,

Другое страдание причинил мне твой приход и уход.

По своей структуре предлог perê несомненно ближе к сложным

предлогам, от которых он отличается лишь наличием вставного -r- между простым предлогом re и местоименной энклитикой -ê: re-r-ê. Но функционально он отличается от сложных предлогов тем, что может использоваться как с личными энклитическими местоимениями, так и именами, местоимениями. Кроме того предлог reê, как и остальные предлоги данной группы, в отличие от сложных предлогов употребляется только самостоятельно - без послелогов.

-
1. См. К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка курманджи. М.-Л., 1957, с. 107.
 2. مهلا عبد الكريمي مدريس. ديواني مهولهي. بغداد ١٩٦١.
Мала Карим Мударас. Диван Маулави. Багдад, 1961.
 3. Из перечисленных сложных предлогов в работе Д.Н.Маккензи отмечен только предлог rê. См.: D.N.Mackenzie. The dialect of Awraman (Hawraman-i Luhon). København, 1966, с. 55. М.Мукри выделяет предлоги rê, lê. См. Bijan-u Manijâ. Version populaire du Sud du Kurdistan. Paris, 1966.
 4. См.: К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978, с. 265; З.А.Юсупова. Предлоги и послелogi в южном диалекте курдского языка сорани. Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. - Л., 1965, с. 12; К.Р. Эйюби, И.А.Смирнова. Курдский диалект мукри. Л., 1968, с. 46.
 5. См.: Н.Cindî. Folkloru kûrmanca. Yêrêvan, 1936, с. 22.
 6. См. Е'. Şamîlov. Berbang. Yêrêvan, 1958, с. 4.
 7. Там же, с. 33.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН за 1986-1987 годы

1. Акимушкин О.Ф. Моголы и киргизы в первой половине XVI века // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез.докл. XXIX сессии Постоян.международ.алтаистич.конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч.I. М., 1986. С. 7-9.
2. Акимушкин О.Ф. Переписчик-рукопись-текст // В сокровищнице рукописей. Т. 6. Баку, 1986. С. 64-69.
3. Акимушкин О.Ф. /Филол.пер.,коммент., послесл., глоссарий/: Руми, Джалал-ад-дин. Поэма о скрытом смысле: Избр.Стихотв. пер. Н.Гребнева. - М.: Наука, 1986. - 270 с.: ил.
4. Акимушкин О.Ф. Хайдарабадский "автограф" "Трактата о каллиграфах" Кази Ахмада Куми // ПИ и ПИИВ, XX/I. М., 1986. С. 98-102. - Библиогр. в примеч.: с. 101-102.
5. Akimushkin O.F. Collections of Eastern manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of sciences and their research. Paper presented at the 32nd Intern.Congress for Asian and North African stud. (Hamburg, 1986),-М.: Nauka Pbls., 1986.-17 p. (USSR Acad. of sciences. Inst. of Orient. Stud. Leningrad Branch, Soviet Orientalists' Association).-Bibliogr. in notes: p. 7-17.
To же // Bul. of Intern. Assos. of Orient. Libraries, 1986, N 28-29. P. 20-28.
6. Акимушкин О.Ф. "Автограф" трактата Кази Ахмада - семейный извод // БЧ 1987. М., 1987. С. 10.
7. Акимушкин О.Ф. Из истории культуры Ирана, Афганистана и Мавераннахра: کتابخانه Байسنگور-ميرزا // Информ. бюл. МАИКА. М., 1987. № 13. С. 80-84.
8. Акимушкин О.Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей ИВ АН СССР // ПИВ, 1978-1979. М., 1987. С.9-27. - Библиогр. в примеч.
9. Акимушкин О.Ф. Коллекция восточных рукописей Института востоковедения АН СССР и их изучение // НАА. 1987. № 6. С.116-121. - Библиогр. в подстр. примеч.
10. Акимушкин О.Ф. Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С.330-

406. - Библиогр. в примеч.: с. 404-406.

См. также № 547.

11. **Алдошин В.А.** Легенды о стране Шамбала // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 19-33. - Библиогр. в примеч.: с. 31-33.

12. **Алдошин В.А.** Сведения о стране Шамбала в сочинениях тибетской Трипитаки // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 11-17. - Библиогр. в примеч.: с. 16-17.

13. Амосин И.Д. Кумранский антифарисейский памфлет. - ВДИ, 1986, № 3, С. 133-140. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

14. Amuszin I.D. A holt-tengeri tekercsek és a Qumráni közöösség. - Budapest: Gondolat. 1986. - 407 p.

Пер. на венг.яз.: Амосин И.Д. Кумранская община. - М.: Наука, 1983.

15. Анвар Кадир Мухаммед. Жанровая форма фард в творчестве Маулави (на курдском диалекте горани) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 157-160. - Библиогр. в примеч.: с. 160.

16. Анвар Кадир Мухаммед. Лирика курдского поэта XIX в. Маулави (на диалекте горани): Автореф. дис. ... канд.филол.наук / ЛГУ. - Л., 1986. - 22 с.

17. Анвар Кадир Мухаммед. Четверостишия (дубейты) курдского поэта Маулави // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 3-7. - Библиогр. в примеч.: с. 7.

18. Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР: Крат. каталог / Под ред. А.Б.Халидова. Сост.: С.М.Бациева, А.С.Боголюбов, К.А.Бойко, О.Г.Большаков, П.А.Грязневич, А.И.Михайлова, Л.И.Николаева, С.Б.Певзнер, М.Б.Пиотровский, А.Б.Халидов, Т.А.Шумовский. Ч.1-2. - М.: Наука. ГРВЛ, 1986. - Предисл. А.Б.Халидова, - Рез. англ. - его же.

19. Ахметгалеева Я.С. Лексический материал хрестоматии Ибрагима Халфина // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1985. С. 6-10. - Библиогр. в примеч.: с. 9-10.

20. Баевский С.И. Предметно-тематический словарь персидского языка "Фарханг-и Фахр-и Каввас (конец XIII - начало XIV вв.) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 14-17. - Библиогр. в примеч.: с. 17.

21. Баевский С.И. Идентификация одной из неопознанных рукописей раннего персидского толкового словаря // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 17-20. - Библиогр. в примеч.: с. 19-20.

22. Баевский С.И. Идентификация неопознанной рукописи персидского фарханга в "Каталоге персидских рукописей" собрания Королевской библиотеки в Берлине. // НАА. 1987. № I. С. 104-105.

23. Баевский С.И., Ворожейкина З.Н. Иранская филология в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (1956-1986) // ПП и ПЛКНВ, XXI/3. М., 1987. С. 3-48. - Библиогр.: с. 36-45 (107 назв.).

24. Балащенко Ю.Д. К вопросу о составе искомительного посольства Хосров Мирзы в 1829 году в России (из истории персидско-русских отношений в первой трети XIX в.) // ПП и ПЛКНВ, XX/I. М., 1985. С. 102-109. - Библиогр. в примеч.: с. 107-109.

Бациева С.М. см. № 18.

25. Berlev O.D. /Рецензия/ // Orientalia. 1986. Vol. 55, fasc. 4. P. 473. - Рец. на кн.: L'Egyptologie en 1979: Axes prioritaires de recherches. 2 vols. / Colloques intern. du Centre National de la Recherche Scientifique, n. 595. - Paris: Ed. du C.N.R.S., 1982. - Vol. 1: 306 p.; 69 fig.; Vol. 2: 327 p.; 76 fig.

26. Berlev O.D. The date of the "Eloquent Peasant" // Form und Mass: Beitr. zur Literatur, Sprache und Kunst des alten Ägypten: Festschr. für G.Fecht. Wiesbaden, 1987. S.78-83. - Bibliogr. in notes.

27. Berlev O.D. A social experiment in Nubia during the years 9-17 of Sesostri I // Labor in the Ancient Near East / Amer.Orient. Ser., vol. 68. New Haven, Conn., 1987. P. 143-157. - Bibliogr. in notes.

28. Berlev O.D. /Рецензия/ // BiOr. 1987. Jg. 44, N-3/4. P. 427-430. - Рец. на кн.: Sadek A.I. The Amethyst mining inscriptions of Wadi el-Hudi. Pt. 2: Additional text, plates. - Warminster: Aris and Philips, 1985. - VIII+63 p.

29. Бертельс Д.Е. Семенов Даниил Владимирович (1890-1943) // ПП и ПЛКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 58-60.

Боголюбов А.С. см. № 18.

30. Богословский Е.С. Статуя современника Тхутмосе IV в Музее зарубежного искусства Латвийской ССР. //ВДИ, 1986, № 3, с. 94-109, ил.-Библиогр. в подстр. примеч.-Рез. англ..

31. /Bogoslovski E.S./ Zur Person J.J.Perepelkins. - Verzeichnis der Schriften J.J.Perepelkins // Perepelkin J.J. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs. Tübingen, 1986. S. VII-X.

32. Bogoslovsky E.S. /Реферат/ // Göttinger Miscellen. 1986. Ht. 93. S. 85-93. - Реф. на кн.: Perepelkin Yu.Ya. Amenhotp's IV

revolution. Vol. I. - M.: Nauka, 1984. - 288 p. - In Russian.

33. Bogoslovsky E.S. /Рецензия/ // BiOr. 1986. Vol. 43, N 5-6. P. 674-679. - Рец. на кн.: Sundries in honour of T.Säve-Söderbergh. Ed. by. R.Holthoer and T.Linders. - Uppsala, 1984. - 133 p.: pls. (Uppsala Stud. in Ancient Mediterran. and Near East. Civilizations. 13).

34. Bogoslovsky E.S. /Рецензия/ // BiOr. 1986. Vol. 43, N 5-6. P. 687-689. - Рец. на кн.: Uphill E.P. The Temples of Per Rameses. - Warminster-England, 1984. - 254 p.+21 pls.

35. Богословский Е.С. Древнеегипетское общество XV-XI вв. до н.э.: (опыт системного анализа на основе материалов из Дер эль-Медина) // X авторско-читательская конференция "Вестника древней истории": Тез.докл. М., 1987. С. 5-7.

36. Богословский Е.С. О восстановлении многобожия в Египте после смерти Аменхотпа IV // III и ПИНВ, XXI/I. М., 1987. С. 62-66. - Библиогр. в примеч.: с. 65-66.

37. Bogoslovsky E.S. On the process of appearance of money in ancient Egypt // Altorientalische Forschungen. 1987. Bd. 14, Ht. 2. S. 227-236.

38. Богословский Е.С. /Рецензия/ // ВДИ. 1987. № 2. С. 190-194. - Рец. на кн.: Menu B. Recherches sur l'histoire juridique, économique et sociale de l'ancienne Égypte. - Brassac-les-Mines, 1982; Menu B. Droit-économie-société de l'Égypte ancienne. (Chronique bibliogr. 1967-1982). - Aurillac, 1984.

39. Бойко К.А. Ибн ал-Хакам // Африка: Энцикл. спр.-к. 2-е изд. М., 1986. Т. I. С. 578.

См. также № 18.

40. Болдырева М.А. Интерпретация яванской легенды о царе Париксите в стихотворении Гунавана Мохамата "Париксит" // III и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 7-12. - Библиогр. в примеч.: с. 12.

41. Болдырева М.А. Полифонический строй новых стихов В.С.Рендры "Поэтические памфлеты" // III и ПИНВ, XIX/I. М., 1986. С. 160-164. - Библиогр. в примеч.: с. 164.

42. Большаков О.Г. Рабство в странах Халифата // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 424-449. - Библиогр.: с. 448-449 (42 назв.).

43. Большаков О.Г. Заключение // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 497-500.

44. Большаков О.Г. /Статьи в кн.: Африка: Энцикл. спр.-к. В 2 т. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1986. - Т. I, 2/.

Абд ал-Латиф // Т. I. С. 211.

Амр Ибн ал-Ас // Т. I. С. 253.
Ибн ал-Асир // Т. I. С. 578.
ал-Калькашанди // Т. I. С. 613.
ат-Табари // Т. 2. С. 422.

45. Большаков О.Г., Кычанов Е.И. /Отв.ред./: Рабство в странах Востока в средние века: Сб. ст. / АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та востоковед. - М.: Наука, 1986. - 503 с. - Библиогр. в конце ст.

46. Большаков О.Г., Халидов А.Б. /Доп. к пер./: "История" ат-Табари: Избранные отрывки о Средней Азии. / Пер. с араб. В.И. Беляева. - Ташкент: ФАН, 1987. - 442 с. - Библиогр.: с. 378-379. - Указ: с. 383-441.

См. также № 18.

47. Борисов А.Я. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе / Подгот. публ. и предисл. К.Б. Старковой // ПС. 1987. Вып. 29 (92). С. 154-167. - Библиогр. в примеч.: с. 165-166. - Рез. фр.

48. Буряев Д.И. О двух традициях происхождения тибетских царей // ПП и ПИЖНВ, XX/I. М., 1986. С. 109-112. - Библиогр. в примеч.: с. 112.

49. Бурман А.Д. К вопросу о происхождении театра марионеток в Бирме // ПП и ПИЖНВ, XIX/I. М., 1986. С. 164-169. - Библиогр. в примеч.: с. 168-169.

50. Бурман А.Д. Космологическая символика на сцене театров Юго-восточной Азии и Дальнего Востока // ТПИДВ, 12/I. М., 1986. С. 40-47. - Библиогр.: с. 46-47 (21 назв.).

51. Бурман А.Д. Стандартные формулы обращения и "шаманские" призывания в бирманской драме XIX века // ПП и ПИЖНВ, XX/2. М., 1986. С. 12-17. - Библиогр. в примеч.: с. 16-17.

52. Бурман А.Д. К вопросу о типологии театрального пространства на Востоке // НАД, 1987. № 6. С. 104-110. - Библиогр. в подстр. примеч.

53. Бурман А.Д. Кадопваэ и пурваранга (сравнительный анализ прологов в бирманской и санскритской драме) // ПП и ПИЖНВ, XXI/2. М., 1987. С. 3-7. - Библиогр. в примеч.: с. 7.

54. Бурман А.Д. Некоторые общие особенности театральных традиций Бирмы и Тибета // "Рериховские чтения": Науч. конф., посв. памяти Ю.Н. Рериха. К 85-летию со дня рожд. 30 нояб.-1 дек. 1987 г. (Тез. докл.): М., 1987. С. 8-10.

55. Бурман А.Д. О роли индийской культурной традиции в становлении бирманской драмы // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С. 211-221. - Библиогр.: с. 221.

56. Васильева Е.И., Мусаэлян Ж.С., Юсупова З.А. Курдоведение в ЛО ИВ АН СССР (1956-1986 гг.) // ПИ и ПИЖНВ, XXI/3. М., 1987. С. 48-70.-Библиогр. в примеч.: с. 63-69 (90 назв.).
57. Васильева Е.И. Статус Арделанского эмирата в XIII столетии // ПИ и ПИЖНВ, XXI/1. М., 1987. С. 70-74. - Библиогр. в примеч с. 73-74.
58. Васильева Н.Е. Константин Александрович Иностранцев (1876-1941) // ПИ и ПИЖНВ, XX/I. М., 1985. С. 10-20. - Библиогр. в примеч.: с. 15. - Список науч. трудов: с. 16-20.
59. Васильков Я.В. /Рецензия/ // НАА. 1986. № 5. С. 199-204. - Рец. на кн.: *Frontiers of the Indus Civilization: Sir Mortimer Wheeler Commemoration volume*. Ed. by B.B.Lal and S.P.Gupta. - New Delhi: Books and Books, 1984. - 545 p.
60. Васильков Я.В. Выступление в дискуссии по статье Л.С. Клейна // НАА. 1987. № 5. С. 85-86.
61. Васильков Я.В. Из истории буддологии: Ф.И.Щербатской и Рахула Санкритьяна // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987. С. 227-229.
62. Васильков Я.В. Индийский эпос и рыцарский роман Европы: сходные мотивы // Индия 1985-1986: Ежегодник. М., 1987. С. 250-269. - Библиогр. в подстр. примеч.
63. Васильков Я.В. Индология в ЛО ИВ АН СССР (1957-1986) // ПИ и ПИЖНВ, XXI/3. М., 1987. С. 71-86. - Библиогр. в примеч.: с. 78-84 (50 назв.).
64. Васильков Я.В. К вопросу о значении имен Ашока, Piyadasi // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С.130-138. - Библиогр.: с. 137-138 (34 назв.).
65. /Васильков Я.В./ /Пер. с англ./; Классическое индийское декоративное и ювелирное искусство: Фестиваль Индии в СССР: /Каталог/. - Л.: Аврора, 1987. - 245 с. - XXV, 245 с.: ил. - Библиогр.: с. 244-245.
66. Васильков Я.В., Невелева С.Л. /Пер. с санскрита, предисл. коммент./: Махабхарата. Кн. 3: Лесная: (Араньякапарва). - М.: Наука. ГРВИ, 1987. - 798, /I/ с. - Библиогр.: с. 744-755 (355 назв.). - Указ.: с. 758-796. - Рез. англ. - (ПНВ, 80; АН СССР. Ин-т востоковед.).
67. Васильков Я.В., Эрман В.Г. /Рецензия/ // НАА. 1987. № 5. С. 194-201. - Рец. на кн.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. - М.: Наука, ГРВИ, 1985. - 758 с.: ил.

68. Виноградова Т.И. Китайская народная картина - няньхуа: проблемы систематизации и периодизации // ХУП науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.2. М., 1986. С. 30-34. - Библиогр. в примеч.: с. 34.
69. Виноградова Т.И. Театральная няньхуа и пекинская музыкальная драма // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. II2-II6. - Библиогр. в примеч.: с. II6.
70. Виноградова Т.И. Пейзаж на театральной народной картине // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 74-77. - Библиогр. в примеч.: с. 77.
71. Витол А.В. Война Турции с Австрией (1737-1739 гг.) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 63-67. - Библиогр. в примеч.: с. 67.
72. Витол А.В. Османская империя (начало XVIII в.) / АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1987. - 135 с. - Библиогр.: с. 123-130. - Указ. имен: с. 132-134.
73. Витол А.В. Османская империя и политика Европейских держав в 1718-1735 гг. // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 77-80.
74. Вовин А.В. К вопросу о конечнослоговых согласных в японском // Языки Азии и Африки: (Фонетика. Лексикология, Грамматика); Сб.ст. М., 1985, С. 21-29. - Лит.: с. 28-29 (12 назв.).
75. Вовин А.В. Китайские заимствования в японском языке середины XI в. // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Ч.2. М., 1986. С. 325-331. - Библиогр. в примеч.: с. 330-331.
76. Вовин А.В. Некоторые лингвистические аспекты японской литературы IX-XII вв.: (жанры: вака, моногатаи, никки) // ТПИДВ 12/I. М., 1986. С. 48-54. - Библиогр.: с. 54 (9 назв.).
77. Вовин А.В. Некоторые японские этимологии // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез. докл. XXIX сессии Постоян.междунар. алтаистич. конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч.2. М., 1986. С. 31-32.
78. О древнекорейско-древнеяпонских языковых связях // НАА. 1986. № 5. С. 98-102. - Библиогр. в подстр.примеч.
79. Вовин А.В. О некоторых типах эллипсиса в японском классическом языке // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 196-199. - Библиогр. в примеч.: с. 199.
80. Вовин А.В. Об этимологии слова хаяси "лес" в японском языке // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 45-49. - Библиогр. в примеч.: с. 49.
81. Вовин А.В. "Хэдонь чегук ки" - источник по старорюксюскому языку // IU Всесоюз.школа молодых востоковедов (г.Иваново, февраль 1987 г.): Тез. Т.3. М., 1986. С. 35-37.

82. Вовин А.В. /Пер. стихотв. вставок/: Повесть о Чжао Сюне // Восточный альманах. Вып. I4. М., 1986. С. 344-457.
83. Вовин А.В. Падежные форманты в японском языке XI в. // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 50-53. - Библиогр. в примеч.: с. 53.
84. Вовин А.В. Язык японской прозы II половины XI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. - Л., 1987. - 14 с.
85. Воевуцкий И.Н. Интерфиксальное именное словообразование в языке тигре // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 199-203. - Библиогр. в примеч.: с. 202-203.
86. Воевуцкий И.Н. Лексический состав иудейско-испанского глоссария XVI в. // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986, С. 49-53. - Библиогр. в примеч.: с. 52-53.
87. Воевуцкий И.Н. Орфографические принципы конфессиональных языков // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 53-56. - Библиогр. в примеч.: с. 56.
88. Воевуцкий И.Н. Палеография иудейско-итальянских текстов // ППВ, 1978-1979. М., 1987. С. 34-44. - Библиогр. в примеч.
89. Воевуцкий И.Н. Что читали сефарды в XVI в.? // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 109-112. - Рез. фр.
90. Волкова М.П. Гребенщиков Александр Васильевич (1880-1941) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 28-29.
91. Воробьев М.В. Китайское уголовное право и его рецензия в средневековой Японии (до VII в. включительно) // XUP науч. конф. "Общество и государство в Китае". Ч.2. М., 1986. С. 110-115. - Лит.: с. 115.
92. Воробьев М.В. Кодекс Тайхо Ёро рё (XIII в.) и памятники права Японии XIII-XVIII вв. // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 20-52. - Библиогр. в примеч.: с. 24-25.
93. Воробьев М.В. Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии : (по кодексу "Тайхо Ёро рё", XIII в.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Пробл. соц. мобильности. М., 1986. С. 74-89. - Библиогр. в примеч.: с. 87-89.
94. Воробьев М.В. Право Кореи с древности и до середины VII в. // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 67-72. - Библиогр. в примеч.: с. 72.
95. Воробьев М.В. Рабство в Японии в VIII-XI вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 113-160. - Библиогр.: с. 158-160 (57 назв.).

96. Воробьев М.В. Рабы в корейском обществе с древности и до X в.: (категории ноби, ку, сэнку) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 97-II2. - Библиогр.: с. III-II2 (39 назв.).

97. Воробьев М.В. Рабы и рабство в чжурчженском и цзиньском обществе (X в. - 1234 г.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 193-217. - Библиогр.: с. 216-217 (34 назв.).

98. Воробьев М.В. Буддийские сутры в Японии в Уп веке (по "Нихонги") // ПП и ПИКНВ, XXI/1. М., 1987. С. 81-84. - Библиогр. в примеч.: с. 84.

99. Воробьев М.В. Верховная власть по японскому праву УШ века: (опыт сравнительной характеристики) // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 258-266. - Библиогр. в примеч.: с. 265-266.

100. Воробьев М.В. Китайское летоисчисление в Корее в период древности и раннего средневековья // ХУШ науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1987. С. 45-50. - Лит.: с. 50 (9 назв.).

101. Воробьева-Десятовская М.И. Категория лично-зависимых в Крорайне // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 304-311. - Библиогр.: с. 311 (5 назв.).

102. Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И. Новый текст фрагмента санскритской "Сумукха-дхарани" // ПА Сб. IV. М., 1986. С. 156-159. - Рез. англ.: с. 247.

103. Воробьева-Десятовская М.И. / Глоссарий // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С.549-556.

104. Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И. Новые санскритские тексты из Центральной Азии // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства: Сб.ст. М., 1987. С.6-18. См. также № 547.

105. Ворожейкина З.Н. К вопросу о взаимоотношении "хорасанского" и "иракского" стилей в персоязычной поэзии XII века // ПП и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 169-172. - Библиогр. в примеч.: с. 172.

106. Абрамов М.М., Ворожейкина З.Н. Муллокандов Азарио Эф-раимович (1903-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 47-48.

107. Ворожейкина З.Н. Омар Хайям и хайямовские четверостишия // Омар Хайям. Рубаи. Л., 1986. С. 5-42.

108. Ворожейкина З.Н. Шахвердов А.Ш. Омар Хайям в русской переводной поэзии // Омар Хайям. Рубаи. Л., 1986. С. 43-66.

109. Ворожейкина З.Н. /Пер. с перс./: Але-Ахмад, Джалал. Розовый лак. / Рассказ/ // Але-Ахмад, Джалал. Повести и рассказы. М., 1986. С. 320-330.

110. Ворожейкина З.Н. Популярность малых стихотворных текстов в персидско-таджикской литературе предмонгольского времени (кита - четырехстишия) // ПИ и ПИЧНВ, XXI/2. М., 1987. С. 8-11. - Библиогр. в примеч.: с. 11.

111. Ворожейкина З.Н. Стихотворения - "реплики" (короткие персидские кыт'а) как источник для изучения идеологической жизни средневекового города // БЧ 1987. М., 1987. С. 101-102.

См. также № 23.

112. Гафурова Н.Б. Новые материалы фонда личной библиотеки академика С.Ф.Ольденбурга (Таджикистан) // ПИ и ПИЧНВ, XIX/I. М., 1986. С. 17-21. - Библиогр. в примеч.: с. 20-21.

113. Горегляд В.Н., Меньшиков Л.Н. Памяти Ольги Лазаревны Фишман // НАА. 1986. № 4. С. 215-216.

114. Горегляд В.Н. Япония // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 117-124.

115. Goreglyad V.N. Concerning the specific features of the formation of the cultural self-awareness of the Japanese in the middle ages: Paper presented at the 32nd Intern. Congr. for Asian and North African stud. (Hamburg, 1986). - М.: Nauka, 1986. - 10 p. (USSR Acad. of sciences. Inst. of orient. stud. Leningrad branch).

116. Goregljad V.N. Some peculiarities of the development of culture self-consciousness in Medieval Japan // Abstracts of the XXXII Intern. Congress for Asian and North African studies (ICANAS), 25-30 Aug. 1986. Hamburg, 1986. P. 106.

117. Горегляд В.Н. /Сост., послесл., коммент./: Советские писатели о Японии. - Л.: Лениздат, 1987. - 463 с.: ил. (XX век. Два века планеты).

118. Горегляд В.Н., Рех О.К. Японская литература // Лит.энцикл. словарь. М., 1987. С. 528-532.

119. Гохман В.И. Кхнум - зависимые Ангкорского государства // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 457-469. -Библиогр.: с. 469 (7 назв.).

120. Грицай С.И. Особенности космогонии гностиков // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т.1. М., 1986. С. 119-121.

121. Grushevoi A.G. The Tribe 'Ubaishat in Safaitic, Nabataean and Greek inscriptions // Berytus. Beirut, 1985. Vol. 33. P. 51-54. - Bibliogr. in notes.

122. Грушевой А.Г. Арабские имена в эпиграфических памятниках Заиордания и Сафы // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 35-42. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. фр.

123. Грушевой А.Г. /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 212-216. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рец. на кн.: Petra und das Königreich der Nabatäer: Lebensraum, Geschichte und Kultur eines arabischen Volkes der Antike / Hrsg. von M.Lindner. - 3. erweit. und verbess. Aufl. - Nürnberg, 1980.

124. Грушевой А.Г. /Рецензия/ // ПС. 1987. Вып. 29(92). С.170-175. - Рец. на кн.: Irfan Shahid. Rome and the Arabs: A prolegomenon to the study of Byzantium and the Arabs / Dumbarton Oaks Research Library and Collection. - Washington, 1984. - 139 с.; 5 карт, 3 ил. - Irfan. Shahid. Byzantium and the Arabs in the 4th century / Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, 1984. - 628 с.; 8 карт, библиогр., 3 ил., индекс.

125. Грязневич П.А. Коран // Арабские рукописи Института востоковедения: Крат. каталог. Ч.1. М., 1986, С. 38-45.

126. Беляев В.И., Грязневич П.А. /Предисловие/ // Коран. Пер. с араб. и коммент. И.Ю.Крачковского - 2-е изд. М., 1986. С. 1-12.

127. Грязневич П.А., Ибн Акиль А.Д. Ал-Каср: историко-географический и социальный обзор // Итоги работы СОИКЭ в 1986 г. Сейун, 1986. С. 47-78. - На араб.яз.

128. Грязневич П.А. Коран в России // Новые исследования советских арабистов. Кн. I. М., 1986. С. 249-259. - На араб.яз.

129. Грязневич П.А. Мухаммад ал-Хамави и его книга "ат-Та'рих ал-Мансури" // Новые исследования советских арабистов. Кн. I. М., 1986. С. 164-193. - На араб.яз.

130. Грязневич П.А. Советско-Йеменская экспедиция в 1986 г.: /Предисловие/ // Итоги работ СОИКЭ в 1986 г. Сейун, 1986. С. 2-9. - На араб.яз.

131. Griasnevitch P.A. History and culture of Hadramaut: problems of study in the light of discoveries of a Soviet-Yemeni expedition in the years 1983-1985 // Paper presented at the 32nd Intern. Congr. for Asian and North African studies (Hamburg, 1986) M., 1986. P. I-II.

132. Грязневич П.А. Изучение древнего торга Кана: (Первые итоги и перспективы) // Древний и современный Хадрамаут. Ч.1. Сейун, 1987. С. 20-40. - На араб.яз.

133. Грязневич П.А., Ибн Акиль А.Д. СЭИЭ за 5 лет (1983-1987 гг.) // Древний и современный Хадрамаут. Ч. I. Сейун, 1987. С.8-19. - На араб.яз.

134. Грязневич П.А., Пиотровский М.Б. Торговля и торговые пути в древнем Хадрамауте // Древний и современный Хадрамаут. Ч. 2. Сейун, 1987. С. 86-96. - На араб.яз.

135. Грязневич П.А., Ибн-Акиль А.Д. /Отв.ред и предисл./: Древний и современный Хадрамаут. Ч.1-2. - Сейун, 1987-208 с.: ил.-Предисл.: с. 1-7. - На араб.яз.

См. также № 18.

136. Гуревич И.С. /Пер. с кит. и коммент./: Бай Юй Цзин: (Сутра ста притч). - М.: Наука, 1986. - 128 с. - (Памятники письменности Востока /АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т востоковед.)

137. Гуревич И.С. Опыт выделения классов слов с помощью семантического критерия в китайском языке III-V вв. // III конф. по китайскому языкознанию. М., 1986. С. 17-19.

138. Гуревич И.С. "Сутра Шестого Патриарха": общее и особенное в языке памятника по сравнению с другими вѣлу // III и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 203-207. - Библиогр. в примеч.: с. 207.

139. Гуревич И.С. Употребление слова 𑖀𑖄𑖅𑖆 в текстах танских буддийских вѣлу // III и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 53-56. - Библиогр. в примеч.: с. 56.

140. Гуревич И.С. Слова 𑖀𑖄𑖅𑖆 цзян и 𑖀𑖄𑖅𑖆 ба (препозиция дополнения в танских вѣлу школы чань) // III и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 57-62. - Библиогр.: с. 61-62.

141. Дандамаев М.А. Сравнительное изучение Востока и античного мира // Государство и религия в древних обществах: К XVI Междунар. конф. ист. наук. М., 1985. С. 27-52. - Текст парал. на рус. и фр. яз.

142. Дандамаев М.А. XXXI Международная встреча ассириологов // Наука и жизнь. 1985. № 5. С. 155-157.

143. Dandamayev M.A. L'Etat et la religion au proche orient ancien // Государство и религия в древних обществах: Сравнительное изучение Востока и античного мира : (К XVI Междунар.конф. ист. наук). М., 1985. Р. 39-52. -Bibliogr. in notes: p. 51-52.

144. Dandamayev M.A. Herodotus' information on Persia and the latest discoveries of Cuneiform Texts // Storia della storiografia. Milano, 1985. N 7. P. 92-100.

145. Dandamayev M.A. /Рецензия/ // OI2. 1985. Jg. 80. N 6. S. 347-349. - Рец. на кн.: Durand J.M. Textes babyloniens d'époque récente. - Paris: Ed. A.D.P.F. /1981/. - VII, 9 p.

(Recherche sur les grandes civilisation, 6; *Études Assyriologiques*).

I46. Dandamayev M.A. /Рецензия/ // JAOS. 1985. Vol. 105, N 21 P. 330-331. - Рец. на кн.: Mc Ewan J.P. Texts from Hellenistic Babylonia in the Ashmolean Museum: with notes on the seal impressions by the Late Briggs Buchanan / Oxford Ed. of Cuneiform Texts, vol. 9. - Oxford; Clarendon Pr., 1982. - IX + II5 p.

I47. Dandamajev M.A. /Рецензия/ // OLZ. 1985. Jg. 80, N 1. S. 27-29. - Рец. на кн.: Nemet-Nejat K.R. Late Babylonian Field Plans in the British Museum. - Rome: Biblical Inst. Pr., 1982. - XVI, 461 p.; 56 taf. (Studia Pohl: Ser. Maior).

I48. Дандамаев М.А. Нововавилонский термин ugāšu // ПАСб IV. М., 1986. С. 65-79. - Рез. англ.: с. 241.

I49. Бонгард-Левин Г.М., Дандамаев М.А. Советская наука о древнем Востоке в 1981-1985 гг. - ВДИ, 1986, № I, С. 3-16. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

I50. Dandamayev M.A. Economy of Tābiya, a Babylonian of the sixth century B.C. // Oikumene. Budapest, 1986. T.5. P. 51-53.

I51. Dandamayev M.A. The Neo-Babylonian Archives // Cuneiform Archives and Libraries. Leiden, 1986. P. 273-277.

I52. Dandamayev M.A. Some Babylonians at Ecbatana // AMI, Berlin, 1986. Bd. 19. P. 117-119.

I53. Dandamayev M.A. Šušān in the Murašû documents // Fragmenta historiae Elamicae: Mélanges offerts à M.J. Steve. Paris, 1986. P. 289-290.

I54. Dandamayev M. A. /Статьи в Encyclopaedia Iranica/:

Andia // EI. London, 1986. II. P. 25-26.

Arabāya // Там же. II/3. P. 229.

Araxa // P. 268.

Arbaces // P. 275.

Arioburzanes // II/4. P. 406.

Artabanus // 1987. II/6. P. 646-647

Artabanus // II/6. P. 650-651.

Artabi // P. 651.

Artasyrus // P. 652.

Artavardiya // P. 653.

Artembares // P. 660.

Artaxares // P. 664.

Arukku // P. 665-666.

I55. Dandamayev M.A. /Рецензия/ // ZA. 1986. Bd. 76, I. Halb. S. 141-143. - Рец. на кн.: Wiseman D.J. Nebuchadrezzar and Babylon: Schweich lectures on Biblical Archaeology (1983). - Oxford, 1985. - XI, 142 p.; 7 pl., 14 fig.

156. Дандамаев М.А. Новая литература по иранистике // ВДИ. 1987. № 3. С. 212-218.
157. Dandamayev M.A. Die Agrarbeziehungen im neubabylonischen Königsreich // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1987. S. III-II5.
158. Dandamayev M.A. Free hired labor in Babylonia during the sixth through fourth centuries B.C. // Labour in the Ancient Near East / Amer. Orient. Soc. New Haven, 1987. P. 271-279.
159. Dandamayev M.A. The late Babylonian ambaru // Ancient Studies in memory of Elias Bickerman / JANES, 1984-85. Vol. 16-17. New-York, 1987. P. 39-40.
160. Dandamayev M.A. / Статьи в Encyclopaedia Iranica/: Assyria: Kingdom of Assyria and its relations with Iran // EI. 1987. II/8. P. 806-815. - Achaemenid Aoura // Там же. 1987. II/8. P. 816-817. Autophradates // Там же. 1987. III/I. P. 29. Azdākara // Там же. III/2. P. 205.
161. Джаилилов О.Дж. Трагические события в Западной Армении по историческим песням курдов // ИФЖ. 1986. № 4. С. 198-210.
162. Джаилилов О.Дж. Трагические события 1890-х годов в Западной Армении и их отражение в фольклоре курдов // ПП и ПИЖНВ, XIX/I. М., 1986. С. 21-26. - Библиогр. в примеч.: с. 25-26.
163. Джаилилов О.Дж. Битлисское восстание курдов в 1914 г. и его отражение в исторических песнях и художественной литературе // ПП и ПИЖНВ, XXI/I. М., 1987. С. 20-28. - Библиогр. в примеч.: с. 26-28.
164. Дулина Н.А. Из истории зарождения представительных институтов в Османской империи (40-е годы XIX в.) // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 120-127. - Библиогр. в примеч.: с. 125-127.
165. Дулина Н.А. Мюльковая собственность в Османской империи (по материалам новейших исследований болгарских туркологов) // ПП и ПИЖНВ, XIX/I. М., 1986. С. 75-78.
166. Дулина Н.А. Новейшая болгарская историография о вакуфном землевладении в Османской империи (XV-XIX вв.) // ПП и ПИЖНВ, XX/I. М., 1986. С. 25-29. - Библиогр. в примеч.: с. 28-29.
167. Дулина Н.А. Османская империя и Сербия в первой половине 1834 г. (по материалам донесений турецкого посла) // Османская империя: Система гос.упр., соц. и этно-религиоз.пробл.: Сб.ст. - Прилож.: с. 237-250. М., 1986. С. 218-236. - Библиогр. в примеч.: с. 234-236.

168. Дулина Н.А. Государство и мольковая собственность в Османской империи (по материалам новейших исследований болгарских туркологов) // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 239-250. - Библиогр. в примеч.: с. 248-250.

169. Дулина Н.А. Османский уголовный закон 1861 года // III и ПИНВ, XXI/I. М., 1987. С. 89-93. - Библиогр. в примеч.: с. 93.

170. Dulina N.A. Ottoman diplomacy and the Turco-Greek disagreements in the 1840s // Between the Danube and the Caucasus: A collection of papers concern. Oriental sources on the hist. of the peoples of Centr. and South-East. Europe. Budapest, 1987. P. 31-42.-Bibliogr. in notes.

171. Diakonoff I.M. Media // Cambridge history of Iran. Vol. 2. Cambridge, 1985. P. 36-148.

172. Дьяконов И.М. О гетерогрaфии и ее месте в истории развития письма: (Месопотамия и Иран)// ПАСб IV. М., 1986. С. 4-18. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.: с. 233-238.

173. Дьяконов И.М. Откуда мы знаем, когда это было: /О роли хронологических систем в истории/ // Наука и жизнь. 1986. № 5. С. 66-74.

174. Белова А.Г., Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхоиовский В.Я., Столбова О.В. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 3: I: в-с-с-з э-э-з а-э-э с лабиалами. - 2: Предварительные материалы к словарю и сравнительной грамматике афразийских языков / III и ПИНВ, XIX/3. - М.: Наука. ГРВЛ, 1986. - II6 с.

175. Diakonoff I.M. From a collective gentilic dwelling to an imperial city: (on the history of a term)// Oikumene 5. 1986. P. 55-62.

176. Diakonoff I.M., Starostin S.A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language. - München: Kitzinger, 1986. - X, 103 p. (Münchener studien zur Sprachwiss. N.F. Bh. 12).

177. Diakonoff I.M. Women in Old Babylonia not under patriarchal authority // JEBPO. 1986. Vol. 29, pt. 3. P. 225-238. - Bibliogr. in notes.

178. Дьяконов И.М. /Сост. и ред./: Переднеазиатский сборник. IV: Древняя и средневеков. история и филология стран Переднего и Среднего Востока / АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука. ГРВЛ. 1986. - 250 с.

179. Дьяконов И.М. Местоположение Трои и хетты: (по поводу работы Л.С.Клейна) // НАА. 1987. № 2. С. 209-211.

180. Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхоновский В.Я., Столбова О.В. Общеафрикайская фонологическая система // Африкайское историческое языковедение: Проблемы реконструкции. М., 1987. С. 9-29.

181. Дьяконов И.М., Медведская И.Н. Урартское государство в новом освещении // ВДИ. 1987. № 3. С. 202-211. - Библиогр. в подстр. примеч.

182. Diakonoff I.M., Medvedskaya I.N. The Kingdom of Urartu // Bior. 1987. Jg. 44, N 3/4, S. 385-394. - Bibliogr. in notes.

183. Евдокимова Т.Ю. Джатаки Арья Шуры в монгольском сборнике сказов XIX в. // "Рериховские чтения": Науч.конф., посв. памяти Ю.Н.Рериха: К 85-летию со дня рожд. 30 нояб.-I дек. 1987 г. (Тез.докл.) М., 1987. С. 14-15.

184. Elanskaya A.I. /Рецензия/ // Bior. 1985. Jg. 42, N 1/2. P. 102-104. - Рец. на кн.: The apocalypse of Elijah based on P.Chester-Beatty 2018: Coptic text ed. and transl. by A.Pietersma, S.Turner Comstock and H.W.Attridge. - Chico, Ca: Scholars Pr., 1981. - 113.p.; faks.

185. Еланская А.И. Apophthegmata Patrum Aegyptiorum в коптской рукописи IX в. (ГМИИ Ш.1.6.649, 711, 713). // ПС, 1986. Вып. 28(91). С. 128-152. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. англ.

186. Еланская А.И. Коптская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С.20-103. - Библиогр. в примеч.: с. 97-103.

187. Elanskaya A.I. /Рецензия/ // Bior. 1987. Jg. 44, N 1/2. P. 160-163. - Рец. на кн.: Vergote J. Grammaire copte. T.IIa: Morphologie syntagmatique syntaxe (partie synchronique). - Leuven, 1983. - 251 p.; T. IIb: Morphologie syntagmatique (partie diachronique). - 1983. - 304 p.

188. **Елизарова М.М.** Ветхозаветная апокрифическая литература и кумранские находки // ПС, 1986. Вып. 28(91). С. 62-68. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. англ.

189. /Елисеева Н.В./ /О заседании Ученого совета ЛО ИВ АН, посвящ. отчету П.А.Грязневича о работе СООИЭ в 1985 г./ // НАА. 1986. № 3. С. 129-130.

190. /Елисеева Н.В./ /Обзор заседаний и докл. XXI годичной науч.сессии ЛО ИВ АН/ // НАА. 1986. № 5. С. 133-138.

191. /Елисеева Н.В./ /Хроникальные заметки о заседаниях в ЛО ИВ АН, посвящ. 70-летию со дня рожд. Н.Д.Миклухо-Маклая и памяти акад. В.В.Струве/ // НАА. 1986. № 4. С. 152-153.

192. /Елисеева Н.В./ /Хроникальная заметка о Методологическом семинаре "Проблемы изучения этнокультурных процессов в странах Востока" в ЛО ИВ АН/ // НАА. 1987. № 1. С. 147-148.

193. /Елисеева Н.В./ /Хроникальные заметки о научной жизни ЛО ИВ АН СССР/ // НАА. 1987. № 4. С. 149-153.

194. /Елисеева Н.В./ /Хроникальные заметки о научной жизни ЛО ИВ АН СССР/ // НАА. 1987. № 5. С. 168-172.

195. Ермаков Д.В. Интерпретация ханбалитских текстов: "Книга о молитве" ("Китаб ас-салат") Ибн Ханбала // ПИ и ПИКНВ, XXI/1. М., 1987. С. 28-32. - Библиогр. в примеч.: с. 32.

196. Ермаков М.Е. Буддийский деятель в представлении официального китайского историографа (по материалам "Цзинь шу" и "Гао сэн чжуань") // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С. 109-129.

197. Ермаков М.Е. Популярны формы раннего китайского буддизма: (предварительное сообщение по материалам буддийских "сяшо") // Тезисы Всесоюз.буддологич.конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 177-179.

198. Ермаков М.Е. Ранние упоминания об Авалокитешваре в китайской литературе // XVIII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.1. М., 1987. С. 84-89. - Лит.: с. 89.

199. Жданова Л.В. Образ карликовой сосны у Чэве Чжикона (854-?) и Ли Гюбо (1167-1241) // ПИ и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 172-180. - Библиогр. в примеч.: с. 179-180.

200. Жданова Л.В. Тема "снега" в стихотворениях Ли Гюбо (1168-1241) // ПИ и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 11-17. - Библиогр. в примеч.: с. 16-17.

201. Жуков К.А. Новый турецкий историко-культуроведческий журнал "Erdem": /Обзор журнала за 1985 г./ // НАА. 1986. № 6. С. 171-172.

202. Жуков К.А. Османские хроники XV-XVI вв. о создании войск "яя ве миселлем" // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 128-132. - Библиогр. в примеч.: с. 131-132.

203. Жуков К.А. /Рецензия/ // НАА. 1986. № 2. С. 196-203. - Рец. на кн.: *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe-début du XXe siècle): Actes du Colloque du Strasbourg (ter-5 juillet 1980)*. Paris, 1983. - 486 p.

204. Жуков К.А. /Рецензия/ // ВВ. 1986. Т. 47. С. 184-187. Рец. на кн.: Zachariadou E.A. *Romania and the Turks* (с. 1300 - с. 1500). L. (Variorum Reprints), 1985. - 304 p.

205. Жуков К.А. Величина киде в Юго-западной Анатолии в начале XV в. // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 93-96. - Библиогр. в примеч.: с. 96-96.

206. Жуков К.А., Северова М.Б. Две серебряные монеты турецких беев анатолийских эмиратов Ментеше и Сарухан (акче Ибрахима Ментешоглу и акче Орхана Саруханоглу) из коллекции Гос.Эрмитажа // Крат. тез.докл. и сообщ. науч.конф. "Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении" : (К 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). 14-16 окт. 1987 г. Л., 1987. С. 17-18.

207. Жуков К.А. Еще раз о слове "челеби" // СТ. 1987. № 6. С. 46-50. - Библиогр. в примеч.: с. 49-50.

208. Жуков К.А. Хроника Энверы "Дюстур-наме" как источник по истории Юго-восточной Европы 30-40-х годов XIV в. // БЧ 1987. М., 1987. С. 42-44.

209. Жуков К.А. /Рецензия/ // В.В. 1987. Т. 48. С. 256-260. - Рец. на кн.: Zachariadou E.A. Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300-1415). / Library of the Hellenic Inst. of Byzantine and Post Byzantine Stud., 11. - Venice, 1983. - XXXVI+276 p.; 2 pl.

210. Западова Е.А. Институт литературы и культурная политика правительства Бирмы // Культурные процессы в развивающихся странах: Тез. междунар. конф. в Ин-те востоковед. АН СССР, ноябрь 1986 г. В 2 т. М., 1986. - 2 с. /прилож./.

211. Западова Е.А. Об изучении Малайи в России // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 78-83 - Библиогр. в примеч.: с. 82-83.

212. Западова Е.А. Тагор в Бирме // Рабиндранат Тагор: Жизнь и творчество. М., 1986. С. 149-155. - Лит.: с. 155 (30 назв.).

213. Западова Е.А. Бирманская литература // Лит.энцикл.словарь. М., 1987. С. 54-55.

214. Западова Е.А. Принц Чакрабон и Россия // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 96-100. - Библиогр. в примеч.: с. 99-100.

215. Зислин М.Н. Из неопубликованного сочинения по грамматике древнееврейского языка "Ал Китāб ал-Муттамил..." // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 62-65. - Библиогр. в примеч.: с. 65.

216. Зограф Г.А. Зимин Александр Степанович (1880-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 34-35.

217. Зограф Г.А. Морфологическая типология языков Южной Азии: (к проблеме лингвистического ареала) // Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии: Матер.конф. М., 1987. С. 87-94. - Лит.: с. 93-94.

218. Зограф Г.А. /Сост. и отв.ред./: Литература и культура древней и средневековой Индии / АН СССР Ин-т востоковедения - М.; Наука, 1987, - 275 с. - Библиогр. в конце ст.-От редактора: с.3-5.

219. Зограф И.Т. Конструкция с предикатными актантами в среднекитайском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 100-102.

220. Зограф И.Т. К изучению китайского разговорного языка ваньской эпохи // III и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 56-63. - Библиогр. в примеч.: с. 61-63.

221. Зограф И.Т. О мере устойчивости значений грамматических слов вэньянь // III и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 208-211. - Библиогр. в примеч.: с. 211.

222. Зограф И.Т. Изучение истории китайского языка в ЛО ИВ АН СССР // III и ПИКНВ, XXI/3. М., 1987. С. 86-97. - Библиогр.: с. 94-97(23 назв.).

223. Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция как особый случай языкового взаимодействия // Abstracts der Sektionsvorträge und Rundtischgespräche; XIV. Internationaler Linguistenkongress, Berlin, 10-15. August 1987. Berlin, 1987. S. 177.

224. Зограф И.Т. Монголо-китайская языковая интерференция: (язык монгольской канцелярии в Китае) // Проблемы языков Азии и Африки: Матер. II Междунар. симпозиума. Варшава-Краков, ноябрь 1980. Варшава, 1987. С. 141-146. - Лит.: с. 146.

225. Зограф И.Т. Препозиция дополнения в вэньяне // III и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 66-71. - Библиогр. в примеч.: с. 70-71.

226. Иванова Г.Д. И.И. Мечников в Японии // III и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 83-86. - Библиогр. в примеч.: с. 85-86.

227. Иванова Г.Д. Русское отделение токийской школы иностранных языков // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 2. С. 166-172. - Библиогр. в примеч.: с. 171-172.

228. Иванова М.В. Легенда "Сима ватари" ("Путешествие на острова") в цикле легенд о Минамото-но Ёсицунэ // История и культура Восточной и Юго-восточной Азии. Ч.2. М., 1986. С. 332-338. - Библиогр. в примеч.: с. 338.

229. Иванова М.В. Тексты Ковака в истории японской средневековой литературы // ТПИДВ, XII/1. М., 1986. С. 168-176. - Библиогр.: с. 175-176 (10 назв.).

230. Иванова М.В. Древнекитайская литература в средневековой Японии: ковакамаи о Чжан Ляне // ХУШ науч. конф. "Общество и госу-

дарство в Китае": Тез.докл. Ч.2. М., 1987. С. 62-66. - Библиогр. в примеч.: с. 66.

231. Иванова М.В. Легенда о Ёсицуне в "Гихэйки" - "Повести о Ёсицуне (XV в.) // ПИ и ПИНВ, XXI/2. М., 1987. С. 17-21. - Библиогр. в примеч.: с. 21.

232. Иванова М.В. Легенды о Ёсицуне в японской литературе // ПИ и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 17-20. - Библиогр. в примеч.: с.20.

233. Иоаннесян Ю.А. Система предлогов и послелогов в разговорном дари // Языки Азии и Африки: (Фонетика. Лексикология. Грамматика): Сб.ст. М., 1985. С. 64+103. - Лит.: с. 103.

234. Иоаннесян Ю.А. Об общих особенностях некоторых глагольных основ гератского диалекта дари и ряда персидских диалектов // ПИ и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 63-66. - Библиогр. в примеч.: с. 65-66.

235. Иоаннесян Ю.А. Характерные особенности фонетики и морфологии гератского диалекта современного дари Афганистана // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов (г.Иваново, февраль 1987 г.):Тез. Т.3. М., 1986. С. 79-81.

236. Иоаннесян Ю.А. Диалект современного дари района г.Герата (фонетика, морфология): Автореф.дис. ... канд. филол.наук / ИВ АН СССР. - Л., 1987. - 17 с.

237. Иоаннесян Ю.И. К вопросу о происхождении предлога bar-e в разговорном дари // ПИ и ПИНВ, XXI/2. М., 1987. С. 71-74. - Библиогр. в примеч.: с. 73-74.

238. Иоритш И.И. Якимов Василий Дмитриевич (1904-1941) // ПИ и ПИНВ, XIX/2. М., 1986. С. 67-68.

239. Ислам: Гыса мө'думат китабы. - Баки: Азербайджан девлет нешриjjаты, 1985. - 164 с.

Пер. с азерб. яз. книги: Ислам: Крат. справочник. - М.: Наука, 1983. Авторы статей: В.В.Кушев, М.Б.Пиотровский, С.М.Прозоров, Т.Султанов и др.

240. Ислам: Краткий справочник. 2-е изд., доп. / АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука, ГРВИ, 1986. - 139 с.

Авторы статей: В.В.Кушев, М.Б.Пиотровский, С.М.Прозоров, Т.Султанов и др.

241. Исса Х. Арабское литературоведение о жанре хиджа' VIII-X вв. // ПИ и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 20-25. - Библиогр. в примеч.: с. 24-25.

242. Исса Х. Поэтическая образность сатиры Башшара ибн-Бурда (714-783 гг.) // ПИ и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 25-30. - Библиогр. в примеч.: с. 29-30.

243. Кабанов А.М. Амидантская практика нянь фо в чань-буддизме // ХУП науч. конф. "Общество и государство в Китае".: Тез.

докл. Ч. I. М., 1986. С. 156-161. - Лит.: с. 161 (15 назв.).

244. Кабанов А.М. "Жизнеописание весельчака Сидокэна" и пародия в японской литературе XVIII в. // ТПИЛДВ, XII/I. М., 1986. С. 177-185. - Библиогр.: с. 185 (6 назв.).

245. Кабанов А.М., Меньшиков Л.Н. Кавагути Хисао - исследователь японской и китайской литератур // НАА. 1986. № 1. С. 115-122. - Библиогр. в подстр. примеч.

246. Кабанов А.М. /Пер. с яп., вступ. и коммент./: Памятник японской дидактической литературы XIII в. // НАА. 1986. № 2. С. 93-103. - Библиогр. в подстр. примеч.

247. Кабанов А.М. Секта фудзюфусэ и гонения на нее при режиме Токугава // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 138-140.

248. Кабанов А.М. Меняясь и обновляясь... /Рецензия/ // ИЛ. 1986. № 6. С. 240-241. - Рец. на кн.: Времена года: Из соврем. яп. поэзии клас. жанров /Пер. с яп.; Сост. и предисл. А. Долина. - М.: Радуга, 1984. - 375 с.; ил.

249. Кабанов А.М. Пути японской поэзии /Рецензия/ // ВЛ. 1986. № 3. С. 251-257. - Рец. на кн.: Долин А.А. Очерки современной японской поэзии (гэндайси) / АН СССР. Ин-т востоковед. М.: Наука, 1984. - 310 с.

250. Кабанов А.М. Взгляды Цисуна (1007-72) на буддизм и конфуцианство // XVIII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1987. С. 94-99. - Лит.: с. 99 (6 назв.).

251. Кабанов А.М. Культ Ганеши в Японии? // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987. С. 190-192.

252. Кабанов А.М. Формирование системы "годзан" ("пяти монастырей") и бюрократизация дзэн-буддизма // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. ст. М., 1987. С. 180-203. - Библиогр.: с. 202-203 (26 назв.).

253. Kabanov A. Recent soviet studies in pre-modern Japanese literature // Monumenta Nipponica. 1987. Vol. 42. N 3. P. 289-298. - Bibliogr. in notes.

254. Зонина Н.В., Кабанов А.М. /Пер. с англ./: Роджерс, Ф. Дж. Первый англичанин в Японии: История Уильяма Адамса. - М.: Наука, 1987. - 96 с.; 2 л. ил. (Рассказы о странах Востока / АН СССР. Ин-т востоковед.).

255. Кадырбаев А.Ш. Канглы: племя или государство? // III и ПИЛДВ, XX/I. М., 1985. С. 116-119. - Библиогр. в примеч.: с. 118-119.

Какабадзе С.С. см. № 543.

256. Канева И.Т. Заметки по шумерской грамматике. II // ПАСО IV. М., 1986. С. 19-23. - Рез. англ.: с. 238.
257. Канева И.Т. Заметки по шумерской грамматике IV // ПИ и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 78-81.
258. Каплан Г.Х. Употребление видо-временных глагольных форм в законах Хаммурапи // ПИ и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 81-84. - Библиогр. в примеч.: с. 83-84.
259. Карская Л.Н. Изучение истории Ирана, Средней Азии и Афганистана в Секторе Среднего Востока ЛО ИВ за 1956-1986 гг. // ПИ и ПИКНВ, XXI/3. М.; 1987. С. 97-126. - Библиогр. в примеч.: с. 116-126.
260. Квонг И. Предлоги в языке романа "Жулинь вайши" // ПИ и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 211-214. - Библиогр. в примеч.: с. 214.
261. Квонг И. Сочетание двух глаголов в индонезийском языке: (типы значений) // ПИ и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 66-70. - Библиогр. в примеч.: с. 70.
262. Квонг И. Глаголы движения с суффиксом -kan в индонезийском языке // ПИ и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 74-78. - Библиогр. в примеч.: с. 78.
263. Кепинг К.Б. "Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к родителям" - памятник тангутской словесности // ПИ и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 26-29. - Библиогр. в примеч.: с. 28-29.
264. Кепинг К.Б. Морфологический строй тангутского языка и его типологическая характеристика: Автореф. дис. ⁶. д-ра филол. наук / ЛГУ. - Л., 1986. - 32 с.
265. Кепинг К.Б. Сложное предложение в тангутском языке // IV Междунар. симпозиум ученых соц. стран по теоретическим проблемам языков Азии и Африки: Тез. докл. сов. востоковедов. М., 1986. С. 34-36.
266. Кепинг К.Б. Тангутская система родства // III конф. по китайскому языкознанию: Тез. докл. М., 1986. С. 35-36.
267. Кепинг К.Б. Термины родства тангутов // ПИ и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 33-36. - Библиогр. в примеч.: с. 36.
268. Кепинг К.Б. /Пер. с англ./: Пулблблэнк Э.Дж. Язык свану // Зарубежная тюркология. Вып. I: Древние тюркские языки и лит-ры. М., 1986. С. 29-70.
269. Кепинг К.Б., Терентьев-Катанский А.П. Апокриф о лянском У-ди в тангутском переводе // ППВ, 1978-1979. М., 1987. С. 186-190. - Библиогр. в примеч.
270. Кепинг К.Б. Корреляция между видом и наклоном в тангутском языке // Проблемы языков Азии и Африки: Матер. III Междунар.

симпоз. Варшава-Краков, 10-15 ноября 1980 г. Варшава, 1987. С.55-59.

271. Көпинг К.Б. Сложноподчиненное предложение в тангутском языке // ПП и ПИЧНВ, XXI/2. М., 1987. С. 84-87. - Библиогр. в примеч.: с. 87.

272. Кинк Х.А. Из истории египтологии в России // ПП и ПИЧНВ, XX/I. М., 1986. С. 37-42. - Библиогр. в примеч.: с. 42.

273. Климов В.Ю. Мансай дзюго о крестьянских волнениях 1428-29 гг. в Японии // ПП и ПИЧНВ, XX/I. М., 1986. С. 42-47. - Библиогр. в примеч.: с. 46-47.

274. Климов В.Ю. "Пассивные" формы сопротивления японских крестьян в период средневековья // ПП и ПИЧНВ, XIX/I. М., 1986. С. 86-90. - Библиогр. в примеч.: с. 90.

275. Климов В.Ю. Накаяма Садатика и Дзинсэн о крестьянских волнениях 1428-1429 гг. в Японии // ПП и ПИЧНВ, XXI/I. М., 1987. С. 100-104. - Библиогр. в примеч.: с. 103-104.

276. Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI-VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргистана. Фрунзе, 1985. С. 164-170.

277. Кляшторный С.Г. Генетические корни древнетюркской культуры // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез.докл. XXIX сессии Постоян. междунар. алтаистич. конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч. I. М., 1986. С. 37-38.

278. Кляшторный С.Г. "Государь Китая" в Бугутской надписи // ПП и ПИЧНВ, XX/I. М., 1986. С. 47-49. - Библиогр. в примеч.: с.49.

279. Кляшторный С.Г. /Сост. и предисл./: Зарубежная тюркология. Вып. 1: Древние тюркские языки и литературы. - М.: Наука. ГРВЛ, 1986. - 384 с. - Предисл.: с. 3-10. - Совм. с Д.М.Насиловым.

280. Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 153-164. Библиогр. в примеч.: с.162-164.

281. Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI-X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Пробл.соц. мобильности. М., 1986. С. 217-228. - Библиогр. в примеч.: с. 227-228.

282. Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 312-339. - Библиогр.: с. 338-339 (56 назв.).

283. Kijaschtornij S.G. Kipszak is szir: A kipszakok őstörténe téhez // Keletkutatás kiadja a Kőrösi Csoma Társaság. Budapest, 1986. S. 22-32.

284. Kljastornij S.G. The Tes inscription of the Uighur Bigü Qaghan // АОН. 1986. Т. 39. Р. 37-57.

285. Кляшторный С.Г., Петросян Ю.А., Тенишев Э.Р. /Отв.ред./: Turcologica 1986; К 80-летию акад. А.Н.Кононова/ АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Сов. комитет туркологов. Ин-т востоковед. Ленингр. отд-ние. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. - 302 с.

286. Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата // СТ. 1987. № I. С. 33-36.

287. Кляшторный С.Г. Древнетюркская культура в контексте тюркско-соседских связей // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез.докл. сов.-франц. симпоз. по археол. Центр. Азии и соседних регионов. - Алма-Ата, 1987. С. 169-170.

288. Кляшторный С.Г. Древнетюркская религия: проблемы реконструкции и генезиса // Информ. бюл. МАИКЦА: Спец.вып. М., 1987. С. 45-53.

289. Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // СТ. 1987. № 3. С. 58-62.

290. Кляшторный С.Г. Древнетюркские тексты как источник для изучения древнетюркской культуры // БЧ 1987. М., 1987. С. 47-48.

291. Кляшторный С.Г. Надпись уйгурского Бёгү-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства: Сб.ст. М., 1987. С. 19-37. - Библиогр. в примеч.: с. 35-37.

292. Kljashtorny S.G. Ancient Turkic culture as presented in early Turkic texts // Central Asia: Tradition and change: Abstracts of the 2-nd Europ. seminar on Central Asian stud. 7th-10th April 1987. London, 1987. P. 35.

293. Kljashtornyj S.G., Vasary J. A runic inscription on a Bull-Skull from the Volga region // Between the Danube and the Caucasus: A collection of papers concern. Oriental sources on the hist. of the peoples of Centr. and South-East. Europe. Budapest, 1987. P. 171-179. - Bibliogr. in notes.

294. Кнорозова Е.Д. Некоторые аспекты связи художественной прозы Вьетнама и исторической литературы // ТПИДВ, XII/I. М., 1986. С. 198-203. - Библиогр.: с. 203.

295. Кнорозова Е.Д. "Сны юного старца" - сборник вьетнамской прозы в Китае XV в. // XIII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1987. С. 66-70.

296. Кнорозова Е.Д. Фольклорная традиция в "Записях о необычайном" Фам Динь Хо и Нгуен Ана // III и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 22-25. - Библиогр. в примеч.: с. 24-25.

297. Кыш А.Д. Механизм сложения и функционирования культа святых в Хадрамауте // Тез. докл. Республ. конф. аспирантов и молодых науч. сотр. на тему: "Актуальные проблемы филологии и истории стран Ближнего и Среднего Востока", посв. 70-летию Вел.Окт. соц.рев. Тбилиси, 7-9 дек. 1987 г. Тбилиси, 1987. С. 28.

298. Кыш А. Надгробные купола гробниц в Хадрамауте: Социальные аспекты феномена святых // Древний и современный Хадрамаут: Полевые исследов. в 1987 г. Сейун, 1987. С. 193-203. - На араб. яз.

299. Козина Е.М. Казенные и частные рабы и другие категории зависимого населения в Китае при династиях Цзинь и Северная Вэй (Ш-УІ вв.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 19-35. - Библиогр.: с. 35 (12 назв.).

300. Козина Е.М. Представление Оуян Сю об историческом процессе: (характеристика императоров династии Тан) // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 119-122. - Библиогр. в примеч.: с. 122.

301. Козина Е.М. Социально-правовое положение зависимого населения в Китае при династии Тан (618-907 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 36-79. - Библиогр.: с. 79 (21 назв.).

302. Козырева Н.В. Серебро как одно из средств выплаты налога и эквивалент трудовой повинности в старовавилонской Месопотамии // ВДИ. 1986. № I. С. 76-81. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

303. Колесников А.И. Две версии договора Мухаммада с христианами Наджрана // ПС, 1986, Вып. 28(91), С. 24-34. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

304. Колесников А.И. Из исторической топонимики сасанидского Ирана // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 90-93. - Библиогр. в примеч.: с. 93.

305. Колесников А.И. К вопросу об источниках рабства и правовом положении рабов в раннесредневековом Иране (Ш-УІ вв. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 387-423. - Библиогр.: с. 422-432. (42 назв.).

306. Колесников А.И. /Рецензия/ // ПС, 1986. Вып. 28(91). С. 209-211. - Рец. на кн.: Луконин В.Г. Иран в Ш веке: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. - М.: Наука, 1979.

307. Колесников А.И. Государство и сословная структура общества сасанидского Ирана (Ш-УІ вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 181-189. - Библиогр. в примеч.: с. 188-189.

308. Колесников А.И. Сочинение ал-Истахри (X в.) и его персидский перевод (XI-XII вв.) // БЧ 1987. М., 1987. С. 49-50.

309. Колоколов В.С. Флуг Константин Константинович (1893-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 61-62.

Комиссарова Т.Г. см. также Сторчевая Т.Г.

310. Комиссарова Т.Г. "Монах не должен быть почтительным к императору": Из буддийской полемики в Китае в IV-V вв. // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С. 47-70. - Библиогр.: с. 70 (10 назв.).

311. Комиссарова Т.Г. Роль библиографии в истории китайского буддизма // ППВ, 1978-1979. М., 1987. С. 218-233. - Библиогр. в примеч.

312. Комиссарова Т.Г. Три китайских предисловия к "Сутре о Вималакирти" // ППВ, 1978-1979. М., 1987. С. 204-217. - Библиогр. в примеч.

313. Кондратьев П.Б. Еврейские рукописи в собрании Института востоковедения АН СССР. // ПС, 1986, Вып. 28(91), с. 74-88. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

314. Кононов А.Н. Цовикян Хорен Мкртычевич (1900-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 65-67.

315. Кононов А.Н. /Отв.ред./: Зарубежная тюркология. Вып. I: Древние тюркские языки и литературы. - М.: Наука. ГРВЛ, 1986. - 384 с.

316. Кононов А.Н. /Отв.ред./: Материалы по истории отечественного востоковедения I. - М.: Наука, 1986. - 70 с. (ПП и ПИКНВ, XIX/2).

317. Кононов А.Н. /Ред./: Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова. 1884-1931: Сб.ст. /АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука, 1986. - 301 с.

318. Кравцова М.Е. Даосско-мистическая лирика в поэзии Лючао // ТПИЛДВ, XII/I. М., 196. С. 210-218. - Библиогр.: с. 218 (15 назв.).

319. Кравцова М.Е. Некоторые особенности китайского поэтического языка; (на примере поэзии раннего средневековья) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 180-184. - Библиогр. в примеч.: с. 184.

320. Кравцова М.Е. "Пир без повода": (Традиция пира в древнем Китае) // ХУП науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.1. М., 1986. С. 102-108. - Лит.: с. 107-108 (17 назв.).

321. Кравцова М.Е. Путешествие(ю) в религиозно-мифологических представлениях древнего Китая // НАА 1986. № 2. С. 121-129. - Библиогр. в подстр. примеч.

322. Кравцова М.Е. Некоторые аспекты восприятия буддизма во второй половине Лючао (У – нач. VI вв.) // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 50-53.

323. Крапивина Р.Н. Материалы по истории школы Сакья: Кто был учителем основателя школы? // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 53-56. – Библиогр. в примеч.: с. 55-56.

324. Крапивина Р.Н. Материалы по истории школы сакья: "История жизни великого сакьяского учителя" // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 32-37. – Библиогр. в примеч.: с. 36-37.

325. Крапивина Р.Н. О некоторых моментах в изложении истории сакья Пятым Далай-ламой // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 233-235.

326. Крачковский И.Ю. /Пер. и коммент/: Коран. – 2-е изд./ АН СССР. Ин-т востоковед. – М.: Наука. ГРВЛ, 1986. – 727 с.: ил.

327. Кроль Ю.Л. К вопросу о влиянии древнекитайского спора на ханскую литературу // ТПИЛДВ, XII/I. М., 1986. С. 219-225.

328. Кроль Ю.Л. Любин Наум Исаакович (1905-1941) // ПП и ПИКНВ XIX/2. М., 1986. С. 45-46.

329. Кроль Ю.Л. Медовая Ефросиния Никитична (1907-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 46-47.

330. Кроль Ю.Л. О соотношении древнекитайских представлений о "роде" (дэй) и "клане, или патронимии" (цзун цзун) // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 123-127. – Библиогр. в примеч.: с. 126-127.

331. Кроль Ю.Л. Проблема отношения империи Цинь к "второстепенному занятию" // XVII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1986. С. 133-139.

332. Кроль Ю.Л. Ханьский статут о тех, кто не выполняет императорских законов и эдиктов // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 94-98. – Библиогр. в примеч.: с. 97-98.

333. Кроль Ю.Л. Некоторые наблюдения над нумерологическим аспектом ранних "образцовых историй" (цзэн ши) // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 104-109. – Библиогр. в примеч.: с. 108-109.

334. Кроль Ю.Л. Спор как явление культуры древнего Китая // НАА, 1987. № 2. С. 24-34. – Библиогр. в подстр. примеч.

335. Кроль Ю.Л. Ханьская концепция "слабого руководства" варварами (цзи ми) // XVIII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1987. С. 77-84.

336. Kroll Yu. L. Disputation in Ancient Chinese Culture // Early China, 1985-1987. N II-12. P. 118-145. – Bibliogr. in notes: p. 136-145.

337. Кроль Ю.Л. /Рецензия/ // НАА. 1987. № 3. С. 193-197. - Рец. на кн.: Hulsewe A.F.P. Remnants of Ch'in Law: An annotated translation of the Ch'in legal and administrative rules of the 3rd century B.C. discovered in Yün-meng prefecture, Hu-pei province, in 1975. - Leiden: E.J. Brill, 1986. - VIII+244 p.

338. Куликова А.М. Первое свидетельство о преподавании восточных языков в Новгородской гимназии в середине XIX века // ПИ и ПИКНВ, XX/1. М., 1986. С. 58-60. - Библиогр. в примеч.: с. 59-60.

339. Куликова А.М. Первые калмыцкие (монгольские) рукописи в России // ПИ и ПИКНВ, XX/1. М., 1986. С. 56-58. - Библиогр. в примеч.: с. 58.

340. Куликова А.М. Переписка Х.Д. Френа как источник по истории востоковедения // ПИ и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 98-102. - Библиогр. в примеч.: с. 101-102.

341. Куликова А.М. Востоковед А.Н. Гусев (1810-1835) // ПИ и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 109-113. - Библиогр. в примеч.: с. 112-113.

342. Кульганек И.В. История изучения монгольского песенного фольклора // Mongolica: Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. 1884-1931. М., 1986. С. 62-65. - Библиогр.: с. 65.

343. Кульганек И.В. Поэтические приемы в традиции монгольской литературы // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез. докл. XXIX сессии Постоян. междунар. алтаистич. конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч. I. М., 1986. С. 97-99.

344. Кульганек И.В. Особенности образной системы монгольской песенной лирики // У Международного конгресса монголоведов (Улан-Батор, сент. 1987 г.): Докл. сов. делегации. Ч. 3. М., 1987. С. 188-192. - Лит.: с. 191-192 (10 назв.).

345. Курдоев К.К., Мусаэлян Ж.С. /Изд. текста, предисл. указ. оглавл./: Байазиди, Мела Махмуд. Таварих-и кадим-и Курдистан: (Древняя история Курдистана). - М.: Наука, 1986. - (ПНВ, 61/ АН СССР. Ин-т востоковед.).

346. Кудубина Е.Г. Об одном переводе М. Зоценко на турецкий язык // ПИ и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 184-188. - Библиогр. в примеч.: с. 188.

347. Кушев В.В. К формированию литературного афганского языка // ПИ и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 70-74.

348. Кушев В.В. О языке произведений афганского поэта Али-Акбара Оракзая // ПИ и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 214-218. - Библиогр. в примеч.: с. 218.

349. /Кушев В.В./ /Хроникальная заметка о заседании Ленингр. отд-ния Всесоюз. ассоциации востоковедов/ // НАА, 1986. № 4. С. 152.

350. Кушев В.В. /Пер. с перс./: Але-Ахмад, Джалал. Что написано пером... /Повесть/ // Але-Ахмад, Джалал. Повести и рассказы. М., 1986. С. 85-210.

351. Кушев В.В. Афганские (паштунские) племена Хайбара и Тираха в стихах Али-Акбара Оракзая // ПП и ПИЖНВ, XXI/2. М., 1987. С. 25-29. - Библиогр. в примеч.: с. 28-29.

См. также № 239, 240.

352. Кычанов Е.И. Абахай. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. - 148 с. - Библиогр.: с. 136-142. - (Сер. "Страны и народы"/ АН СССР. Сиб. Отд-ние).

353. Кычанов Е.И. Введение. - Древние цыны. - Тангуты. - Тибет // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 9-12, 51-54, 237-260. - Отв. ред. ч. I.

354. Кычанов Е.И. Введение // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 4-18. - Библиогр.: с. 18 (13 назв.) - Отв. ред. (совм. с О.Г. Большаковым).

355. Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века: Ист. и культура Востока Азии. Новосибирск, 1986. С. 94-98.

356. Кычанов Е.И. Основные каналы социальной мобильности в Китае при династиях Тан и Сун (УП-XII вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Пробл. соц. мобильности. М., 1986. С. 105-117. - Библиогр. в примеч.: с. 115-117.

357. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (УП-XIII вв.) - М.: Наука, ГРВЛ, 1986. - 263 с. - Библиогр.: с. 256-262.

358. Кычанов Е.И. Предисловие // Mongolica: Памяти акад. Б.Я. Владимирцова (1884-1931), М., 1986. М. 3-9.

359. Кычанов Е.И. Сказка о Маодунь-шаньюе и Огуз-кагане // ПП и ПИЖНВ, XIX/1. М., 1986. С. 102-105. - Библиогр. в примеч.: с. 105.

360. Кычанов Е.И. Собственность на людей в киданьском государстве Ляо (916-1124 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 185-192. - Библиогр.: с. 192 (5 назв.).

361. Кычанов Е.И. Собственность на людей в тангутском государстве Си Ся (982-1227 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 218-239. - Библиогр.: с. 239 (26 назв.).

362. Кычанов Е.И. Тангуты о происхождении мира и человека // ПП и ПИКНВ, XX/1. М., 1986. С. 128-133. - Библиогр. в примеч.: с. 133.

363. Kučanov E.I. Organization and control of Embassier in 12-th Century Hsi-Hsia according to the Tangut Law Code // Bul. of Sung Yüan studies. 1986. N 18. P. 4-12.

364. Кычанов Е.И. Анализ классов и сословий танского общества (УП-Х вв.) // Средневековый Восток: Соц.-эконом.строй:Сб.статей / Сер. "Сов.востоковедение, № 6. М., 1987. С. 164-180.

365. Кычанов Е.И. Государственный контроль договоров купли-продажи в средневековом Китае (УП-ХП вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 220-228. - Библиогр. в примеч.: с. 227-228.

366. Кычанов Е.И. Государственный контроль за деятельностью буддийских общин в Китае в период Тан-Сун (УП-ХШ вв.) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С. 71-90.

367. Кычанов Е.И. Государство жуанжуаней // ПП и ПИКНВ, XXI/1. М., 1987. С. 109-115. - Библиогр. в примеч.: с. 114-115.

368. Кычанов Е.И. Государство и буддизм в Си Ся (982-1227)// Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С.130-145. - Библиогр.: с. 144-145 (21 назв.).

369. Кычанов Е.И. Законы, регулирующие ведение скотоводческого хозяйства в тангутском государстве Си Ся (ХП-ХШ вв.) // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства: Сб.ст. М., 1987. С. 38-52. - Библиогр. в примеч.: с. 51-52.

370. Кычанов Е.И. /Изд.текста, пер. с тангут., послед. примеч./: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149-1169). В 4 кн. /АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т востоковедения/ -М.: Наука, 1987 (ППВ. IXXXI, 2).

Кн. 2: Факсимиле, пер. и примеч. (гл. I-7). 1987. - 701 с.: ил. - Библиогр. в примеч.: с. 236-242.

371. Кычанов Е.И. Тангутоведение в КНР: новые публикации // ХУШ науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч. 2. М., 1987. С. 201-205. - Библиогр. в примеч.: с. 205 (6 назв.).

См. также № 45.

372. Ливотова О.Э. Ветошникова Елена Владимировна (1900-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 23.

373. Ливотова О.Э. Гельфрейх Наталия Георгиевна (1893-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 26.

374. Ливотова О.Э. Зюзин Еремей Данилович (1876-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 36-37.

375. Ливотова О.Э. Кузнецова Елизавета Ивановна (1905-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 44.

376. Лившиц В.А. Институт востоковедения АН СССР в дни Великой Отечественной войны // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 3-16. - Библиогр. в примеч.: с. 16.

377. Лившиц В.А. Острак из Хумбуз-тепе // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986. С. 34-45. - Библиогр. в подстр. примеч.

378. Лившиц В.А., Стеблин-Каменский И.М. /Отв.ред./: Карам-шоев Д. Категория рода в памирских языках: (Шугнано-рушанская группа). Вып. 3. - Душанбе: Дониш, 1986. - 355 с.

379. Лившиц В.А. Еще раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 243-250.

380. Лившиц В.А., Луконин В.Г., Жиньо Ф. Надписи /на предметах сасанидской торевтики// Сасанидское серебро: Собр. Гос.Эрмитажа. Л., 1987. С. 121.

381. Лившиц В.А. О двух иранизмах в армянской лексике // Второй международный симпозиум по армянскому языкознанию, 21-23 сентября 1987 г.: Тез. докл. Ереван, 1987. С. 105-107.

382. Лившиц В.А. Согдийский документ из древнего Самарканда // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства: Сб.ст. М., 1987. С. 53-62. - Библиогр. в примеч.: с. 59-62.

383. Лужецкая Н.Л. Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. / АН СССР Ин-т востоковедения. Ленингр. отд-ние. - М.: Наука, 1986. - 156 с. - Библиогр.: с. 141-148. - Указ.: с. 149-154.

384. Гринберг А.Л., Лужецкая Н.Л. /Рецензия/ // НАА. 1986. № 1. С. 212-213. - Рец. на кн.: Исторические песни пуштунов / Сост., пер. с пушту, вступ. ст., коммент. и указ. Г.Ф.Гирса. - М.: Наука, ГРВЛ, 1984. - 284 с.

385. Лундин А.Г. Бронзовый кинжал из Лахиса с протосинайской надписью // ПС, 1986. Вып. 28(91). С. 178-182. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рец. фр.

386. Лундин А.Г. К этимологии библейского *yogebim* "пахари" // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 74-77. - Библиогр. в примеч.: с. 77.

387. Лундин А.Г. К возобновлению издания "Корпуса семитских надписей" /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 187-194. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рец. на кн.: *Corpus des inscriptions et antiquites Sud-Arabes*, t.I, section 2 (antiquites, p. 245-610) et bibliogr. generale. - Louvain, 1977.

388. Лундин А.Г. Древнеарабская культура: 50 лет изучения // X авторско-читательская конференция ВДИ: Тез. М., 1987. С. 16-18.
389. Лундин А.Г. К этимологии еврейского *yogebim* // ПП и ПИЧНВ, XX/2. М., 1987. С. 74-77.
390. Лундин А.Г. Катабанский декрет о землепользовании RES 3854 // ВДИ. 1987. № 3. С. 43-61.
391. Лундин А.Г. Протосинайская надпись из храма Хатхор № 345 // ПП и ПИЧНВ, XXI/I. М., 1987. С. 37-41. - Библиогр. в примеч.: с. 40-41.
392. Лундин А.Г. Сабейский декрет о землепользовании из Хадакана // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 91-100. - Библиогр. в примеч.: с. 98-100. - Рез.фр.
393. Лундин А.Г. Возникновение сабейского государства // ал-Йаман ал-Джадид. 1987. № 1. С. 43-61. - На араб.яз.
394. Лундин А.Г., Пиотровский М.Б. Грамотность в древнем Хадрамауте // Древний и современный Хадрамаут: Полевые исслед. Сейун, 1987. С. 97-110. - На араб.яз.
395. Лундин А.Г., Пиотровский М.Б. Эпиграфика древнего Хадрамаута // Древний и современный Хадрамаут: Полевые исслед. Сейун, 1987. С. 71-84. - На араб.яз.
396. Loundine A.G. L'Abecedaire de Beth Shemesh // Le Museon. 1987. Vol. 100. P. 243-250.
397. Loundine A.G. L'alphabet de Bet-Shemesh présentation du Texte de A.G.Loundine par J.Ryckmans / Groupe de contact interuniversitaire d'études phéniciennes et puniques: VII colloque. - Louvain, 1987. - 2 p.
398. Lundin A.G. Sabaean dictionary: some lexical notes. - In: Sayhadica. Paris, 1987. P. 49-56.
399. Lundin A.G. Ugaritic writing and the origin of the Semitic consonantal alphabet. - Aula Orientalis, 1987. N 5. P. 91-99: il. - Bibliogr. in notes.
400. Лундин А.Г. /Рецензия/ // ПС. 1987. Вып. 29(92). С.185-188. - Рец. на кн.: Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества / АН СССР. Ин-т востоковед. М.: Наука. ГРВЛ, 1985. - 224 с. - Библиогр.: с. 185-202. - Рез. англ.
401. Маранджян К.Г. О некоторых особенностях японского конфуцианства (на материале трактатов Огу Сорай) // ПП и ПИЧНВ, XX/I. М., 1986. С. 133-137. - Библиогр. в примеч.: с. 137.
402. Маранджян К.Г. Понятие "Дао" в концепции Огу Сорай // ПП и ПИЧНВ, XIX/I. М., 1986. С. 105-110. - Библиогр. в примеч.: с. 109-110.

403. Маранджян К.Г. Трактаты Огю Сорай "Бэндо" и "Бэммэй" как источники по изучению конфуцианской мысли Японии // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 199-201.

404. Марахонова С.И. Египтология, коптология, папирология в ЛО ИВ АН СССР за 30 лет // ПП и ПИНВ, XXI/3. М., 1987. С. 127-147. - Библиогр. в примеч.: с. 142-146 (57 назв.).

405. Мартынов А.С. Еще раз о структуре официальной идеологии в императорском Китае // XII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.1. М., 1986. С. 120-125. - Лит.: с. 124-125 (9 назв.).

406. Мартынов А.С. Рабство в Китае при династии Цин // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 240-254. - Библиогр.: с. 253-254 (19 назв.).

407. Мартынов А.С., Поршнева Е.Б. "Учения" и религии в Восточной Азии в период средневековья // НАА. 1986. № I, С. 73-94. - Библиогр. в подстр.примеч.

408. Мартынов А.С. /Рецензия/ //НАА. 1986. № 4. С. 189-195. - Рец. на кн.: Малявин В.В. Гибель древней империи. - М.: Наука, ГРВЛ, 1983. - 224 с.

409. Мартынов А.С. Буддизм и двор в начале династии Тан (VII-VIII вв.) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С. 91-108. - Библиогр.: с. 107-108 (24 назв.).

410. Мартынов А.С. Буддизм и двор в начале Тан // Тезисы Всесоюз. буддологич.конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С.57-58

411. Мартынов А.С. Государство и религии на Дальнем Востоке: (вместо предисловия) // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб.ст. М., 1987. С. 3-46. - Библиогр.: с. 44-46 (65 назв.).

412. Мартынов А.С. Конфуцианская утопия в древности и в средневековье // Китайские социальные утопии. М., 1987. С. 10-57. - Библиогр.: с. 55-57 (55 назв.).

413. Мартынов А.С. Официальная идеология императорского Китая // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 277-292. - Библиогр. в примеч.: с. 290-292.

414. Мартынов А.С. Существовали ли "конфуцианцы" в императорском Китае? // XIII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.2. М., 1987. С. 3-7. - Лит.: с. 7 (8 назв.).

415. Мартынов А.С. /Выступление на обсуждении кн.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. - М.:Наука. ГРВЛ, 1984. - 581 с./ // НАА. 1987. № 3. С. 153-158.

416. Мартынов А.С. /Рецензия/ // НАА. 1987. № 4. С. 192-200.
- Рец. на кн.: Китайские документы из Дуньхуана. Вып. I: Факс.,
изд. текстов, пер. с кит., исслед. и прилож. Л.И.Чугуевского. - М.:
Наука, ГРВИ, 1983. - 560 с.

417. Мартынец А.Е. К проблеме "ритм и метр" в тюркоязычном
классическом стихосложении // *Turcologica* 1986. Л., 1986. С. 172-
179. - Библиогр. в примеч.: с. 178-179.

418. Маслов А.А. Трансформация идей буддизма в неформальных
объединениях китайского крестьянства в XIII-XX вв.: (Социально-
психологич.аспект) // Тезисы Всесоюз. буддологич.конф. (Москва,
ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 58-60.

419. Маслов А.А. У-шу в культурной традиции Китая // XIII
науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.1. М.,
1987. С. 151-156. - Лит.: с. 156 (7 назв.).

420. Medvedskaya I.N. A study on the chronological parallels
between the Greek geometric style and Sialk B painted pottery //
Iranica Antiqua. 1986. Vol. 21. P. 89-120; 8 pls. - Bibliogr. in
notes.

См. также № 181, 182.

421. Меньшиков Л.Н. Об особенностях транскрипций в переводах
Свань-цзана // ПП и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 218-221: табл.

422. Меньшиков Л.Н., Рифтин Б.Л. Ленинградская рукопись рома-
на "Записи на камне", ее обнаружение и значение: /Вступ. ст./ //
Цао Сюэ Цинь. Записи на камне. Т. I. Пекин, 1986. С. 1-26. - На
кит.яз.

423. Меньшиков Л.Н., Рифтин Б.Л. Обнаружение в Ленинграде
рукописи "Записи на камне" и ее значение. // Хун Лоу мэн сюэ кань.
Вып. 3. Пекин, 1986. С. 7-27. - На кит.яз.

424. Меньшиков Л.Н. /Отв.ред., вступ.ст., пер. стихов/: Бай
юй цзин (Сутра ста притч) / Пер. с кит. и коммент. И.С.Гуревич. -
М.: Наука, 1986. - 128 с. (ПШВ.76). - Вступ. ст.: с. 7-49.

425. Меньшиков Л.Н., В.А.Вельгус, его жизнь и научная деятель-
ность // В.А.Вельгус. Средневековый Китай. М., 1987. С. 169-177.

426. Меньшиков Л.Н. /Пер. с кит./ Гао Ши, Цэнь Шэнь, Цянь
Ци, Вэй Инъю, Чжан Чжихэ, Мэн Цзяо, Ван Цянь // Поэзия эпохи Тан:
VII-X вв. М., 1987. /200 строк/

427. Меньшиков Л.Н. /Отв.ред./: Вельгус В.А. Средневековый
Китай: Исслед. и матер.по ист., внешним связям, лит-ре. - М.: Нау-
ка. ГРВИ, 1987. - 203 с.

См. также № 113, 547.

428. Мецерский Н.А., Мецерская Е.Н. Академик Кокцов Павел Константинович (1861-1942) // ПП и ПИЧНВ, XIX/2. М., 1986. С. 40-43.

429. Мецерская Е.Н. Ленинградское отделение российского палестинского общества в 1981-1984 гг. /Хроника научных заседаний и докл.// ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 223-225.

430. Мецерская Е.Н. Сирийское стихосложение (вопросы изучения). / ПС. 1986, Вып. 28(91), С. 171-177.-Библиогр. в подстр. примеч.-Рез. англ.

431. Мецерская Е.Н., Дзбашян К.Н. Столетие Российского Палестинского общества // ПС. 1986. Вып.28 (91). С. 3-9. - Библиогр. в подстр.примеч.

432. Мецерская Е.Н., /Пайкова А.В./ /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 202-203. - Рец. на кн.: Житие и мученичество святого мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилонян Джафаром. Пер. с древнегруз., исслед. и коммент. Н.З.Качнадзе и К.К. Куция. - Тбилиси, 1978. - 136 с.

433.Мецерская Е.Н. /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 216-218. - Библиогр. в подстр. примеч.- Рец. на кн.: Drijvers H.Y.W. Cults and beliefs at Edessa. - Leiden, 1980. - XXX+204 p., 34 pl.

434. Мецерский Н.А., Мецерская Е.Н. "Мамчужна душа" в "Слове о полку Игореве" //Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 144-147. - Библиогр. в подстр. примеч.

435. Мецерская Е.Н. Ленинградское отделение Российского Палестинского общества в 1985-1986 гг.: /Хроника научных заседаний// ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 194-198.

436. Мецерская Е.Н. "Патерики" в сирийской письменности // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 22-27. - Библиогр. в примеч.: с. 25-27. - Рез. англ.

437. Мецерская Е.Н. Сирийская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С. 104-144. - Библиогр. в примеч.: с. 142-144.

Михайлова А.И. см. № 547.

438. Михайлова И.Б. О социальной структуре средневекового Багдада // ПП и ПИЧНВ, XXI/I. М., 1987. С. 115-119. - Библиогр. в примеч.: с. 118-119.

439. Михайлова Ю.Д., Торчинов Е.А. "Культурное наследие в общественном развитии стран Востока в период модернизации": /Матер. "Круглого стола" в ЛО ИВ АН/ // НАА. 1986. № 6, С. 115-119.

440. Михайлова Ю.Д. Учение Мотоори Норинага и культура Китая // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 138-141. - Библиогр. в примеч.: с. 141.
441. Михайлова Ю.Д., Сажина Н.Ю. Учение школы Мито: (из истории общественной мысли Японии ХУП-ХІХ вв.) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. с. 110-114. - Библиогр. в примеч.: с. 114.
442. Михайлова Ю.Д. /Рецензия/ // ВИ. 1986. № 6. С. 119-121. - Рец. на кн.: Лещенко Н.Ф. "Революция Мэйдзи" в работах японских историков-марксистов. - М.: Наука, 1984. - 120 с.
443. Михайлова Ю.Д. Выдающийся буддолог О.О.Розенберг // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3. С. 87-96. - Библиогр. в примеч.: с. 95-96.
444. Михайлова Ю.Д. Европейские и дальневосточные концепции в идеологии "Движения за свободу и народные права в Японии" (1870-80-е годы) // НАА. 1987. № 6. С. 46-54. - Библиогр. в подстр. примеч.
445. Михайлова Ю.Д. Институт императорской власти в Японии в интерпретации японских мыслителей ХУП-ХІХ вв. // Государство в докапиталистических обществах Азии: Сб.ст. М., 1987. С. 267-276. - Библиогр. в примеч.: с. 275-276.
446. Михайлова Ю.Д. Школа национальных наук в Японии: (К вопросу об истоках японского национализма) // НАА. 1987. № 2. С. 82-88. - Библиогр. в подстр. примеч.
447. Мусаэлян Ж.С. Новое издание "Библиографии по курдоведению" // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 114-117. - Библиогр. в примеч.: с. 117.
448. Мусаэлян Ж.С. Произведения курдского народного творчества в журнале "Хавар" // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 29-32. - Библиогр. в примеч.: с. 32.
- См. также № 56, 345.
449. Насилов А.Д. О формах социального протеста в Халхе в начале ХУП века: (по материалам "18 степных законов") // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 116-122. - Библиогр. в примеч.: с. 122.
450. Насилов А.Д. О письменных источниках "Великого уложения" 1640 г. // ПП и ПИКНВ, XXI/I. 1987. С. 41-44. - Библиогр. в примеч.: с. 44.
451. Нафтульев И.Ф. О генетической принадлежности языка эблайтских антропонимов // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 77-83 - Библиогр. в примеч.: с. 82-83.
452. Невелева С.Л. Истоки индуизма // Индия 1984: Ежегодник. М., 1986. С. 189-215.

453. Невелева С.Л. Роль метаморфозы в диалогах "Махабхараты" // *ПП и ПИЖНВ*, XIX/I. М., 1986. С. 29-32. - Библиогр. в примеч.: с. 32.

454. Невелева С.Л. Контекстные связи эпической шлоки // *Литература и культура древней и средневековой Индии*. М., 1987. С.97-129. - Библиогр.: с. 128-129 (32 назв.).

455. Невелева С.Л. О звукописи в "Махабхарате" // *ПП и ПИЖНВ*, XXI/2. М., 1987. С. 33-37. - Библиогр. в примеч.: с. 36-37.

456. Невелева С.Л. О психологическом воздействии наррации: (по данным "Махабхараты") // "Рериховские чтения": Науч.конф., посв. памяти Ю.Н.Рериха: К 85-летию со дня рожд. 30 нояб.-I дек. 1987.г. (Тез.докл.). М., 1987. С 21-23.

См. также № 66.

457. Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Корейская литература XV-XVI вв. // *История всемирной литературы*. Т. 3. М., 1985. С.649-654.

458. Никитина М.И. Об одной из разновидностей ритуала в связи с проблемой общности мифологических представлений в культурах стран Дальнего Востока // *ПП и ПИЖНВ*, XIX/I. М., 1986. С. 122-126. - Библиогр. в примеч.: с. 126.

459. Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Корейская литература /XVI в./ // *История всемирной литературы*. Т. 4. М., 1987. С. 504-512.

460. /Николаева Л.И./ Указатели имен, географических названий, названий сочинений, хранилищ восточных рукописей Советского Союза // *Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки*. Кн. I. М., 1987. С. 506-548.

См. также № 547.

461. Орбели И.А. Выступление на совещании при Президиуме АН СССР по вопросам восточной филологии 29 марта 1955 г. // *НАА*. 1987. № 4. С. 27-131.

462. Орбели Р.Р. Генко Анатолий Нестерович (1896-1941) // *ПП и ПИЖНВ*, XIX/2. М., 1986. С. 24-26.

463. Островская Е.П., Рудой В.И. О конкретизации диалектико-материалистической методологии при истолковании классических буддийских философских текстов // *ПП и ПИЖНВ*, XX/I. М., 1986. С.141-144.

464. Островская Е.П. Об истолковании терминов *vāṃāṇa* и *viśeṣa* в "Таркасанграхе" Аннамбхатты // *Литература и культура древней и средневековой Индии*. М., 1987. С. 163-173. - Библиогр.: с. 173.

465. Островская Е.П. Стадиально различные исторические типы мышления в "Энциклопедии Абхидхармы" Васубандху // Тезисы Всесоюз.буддологич.конф. (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987. С. 199-201.

См. также № 545.

466. Павлова И.К. Ирано-индийские отношения в 30-х гг. ХУП в. // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 67-69.

467. Павлова И.К. Ирано-турецкие взаимоотношения в 30-х гг. ХУП в. на основании сведений сочинения Мухаммад-Ма'сума б. Ходжаги Исфахани "Хуласат ас-сийар" // ПШ и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 60-64. - Библиогр. в примеч.: с. 63-64.

468. Павлова И.К. Малоизвестный источник по истории Ирана 30-х гг. ХУП в. // НАА. 1986. № 6. С. 96-102. - Библиогр. в подстр. примеч.

469. Павлова И.К. "Хуласат ас-сийар" Мухаммад Ма'сума б.Ходжаги Исфахани как источник по истории Ирана 30-х гг. ХУП в.: Автореф. дис. ... канд.ист. наук / ЛО ИВ АН СССР. - Л., 1986. - 19 с.

470. Гелашвили Н.Г., Павлова И.К. К вопросу о назначении Ростом-хана на картлийский престол // ИАН ГрузССР. Сер. ист., археол. и ист. искусства. Тбилиси, 1987. № 4. С. 88-94. - Библиогр. в примеч.: с. 92-94.

471. Павловская Л.К. К проблеме датировки "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств" // ПШ и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 36-42. - Библиогр. в примеч.: с. 39-40.

472. Павловская Л.К. / Перс. с кит., вступ. ст. и примеч./: Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). - М.: Наука, ГРВЛ. 1987. - 144 с. - (ПШВ. т. 82). - Рез. англ. - Библиогр.: с. 138-143.

473. Пайкова А.В. К вопросу о происхождении "Жития Алексия, Человека Божьего" // ПС, 1986. Вып. 28(91). С. 158-170. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. фр.

474. Пайкова А.В. Новозаветный апокриф или стихотворение сирийского поэта? (К изучению сирийско-арабских культурных связей) // ПШ и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 43-47. - Библиогр. в примеч.: с. 46-47.

475. Пайкова А.В. Обряд расстановки чинов в сирийских агиографических сочинениях // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1987. С. 67-71. - Библиогр. в подстр. примеч.

476. Пайкова А.В. Четвероевангелие Раввулы (VI в.) как источник по истории раннехристианского искусства // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 118-127. - Библиогр. в примеч.: с. 125-127. - Рез.англ.

См. также № 432.

477. Пан Т.А. К вопросу о деепричастиях в маньчжурском языке // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов (г.Иваново, февраль 1987 г.): Тез. Ч.3. М., 1986. С. 134-136.

478. Пан Т.А. Морфемное членение маньчжурских существительных с конечным -н // ПП и ПИНВ, XIX/1. М., 1986. С. 222-225 - Библиогр. в примеч.: с. 225.

479. Пан Т.А. Функции маньчжурского причастия с показателем -нъгэ // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез.докл. XXIX сессии Постоян.международ. алтаистич.конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч.2. М., 1986. С. 93-95.

480. Пан Т.А. Функции причастия в маньчжурском языке // ПП и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 84-87. - Библиогр. в примеч.: с. 87.

481. Пан Т.А. Функции маньчжурского причастия с показателем -нъгэ // ПП и ПИНВ, XXI/2. М., 1987. С. 87-91. - Библиогр. в примеч.: с. 91.

482. Парибок А.В. Художественное развитие Индии в новое время /Гл. 9, § 2/ // Художеств. культура в капит.обществе: Структурно-типологич.исслед. Л., 1986. С. 259-266. - Библиогр. в подстр. примеч.

483. Парибок А.В. О буддийском понятии "первой арийской личности" в связи с символикой воды в буддизме // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1987. С. 150-162. - Библиогр.: с. 162.

484. Парибок А.В. О понятии "скандха" в буддийской психологии // Тезисы Всесоюз. буддологической конф. (Москва, ноябрь 1987 г.). М., 1987. С. 26-28.

485. Парибок А.В. Преемственность, изменчивость и прогресс в системе глагольного словоизменения: (на матер. палийской и древнеиндийской глагольных систем) // Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии: Матер.конф. М., 1987. С. 129-134. - Библиогр. в примеч.: с. 134.

486. Perepelkin Yu.Ya. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs/ Hrsg. und übersetzt von R.Müller-Wollermann. - Tübingen, 1986. - 249 S.

Пер. на нем. яз. книги: Перепелкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства.-М.-Л., 1966.-127 с. (ПС. Вып. 16(79)).

487. Петрова О.П. Елкина Анна Фоминична (1875-1944) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 30-32.

488. Петросян А.Р. О термине зухд // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 148-152. - Библиогр. в примеч.: с. 151-152.

489. Петросян А.Р. Роль ханбалитских идеологов в религиозно-политической жизни Багдада XII в. // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 119-124. - Библиогр. в примеч.: с. 123-124.

490. Петросян И.Е. К вопросу о боеспособности турецкой армии в конце XVI в. // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 144-148. - Библиогр. в примеч.: с. 147-148.

491. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. О периодизации "эпохи реформ" в Османской империи // *Turcologica* 1986. Л., 1986. С. 219-224. - Библиогр. в примеч.: с. 223-224.

492. Петросян И.Е. О трех анонимных рукописях ИВ АН СССР // *Turcologica* 1986. Л., 1986. С. 211-218. - Библиогр. в примеч.: с. 217-218.

493. Петросян И.Е. Янычарские гарнизоны в Османской империи в XVI-XVII вв. // *Османская империя: система гос. управл., соц. и этно-религиоз. пробл.*: Сб. ст. М., 1986. С. 66-71. - Библиогр. в примеч.: с. 71.

494. Петросян И.Е. /Изд. текста, пер. с тур., введ., коммент. и указ./: *Мебде-и канун-и йеничери одлагы тарихи: (История происхождения законов янычарского корпуса)*. - М.: Наука, 1987 - 284, 316 с. разд. паг. (ППВ, 79). - Библиогр.: с. 256-263. Указ.: с. 264-279.

495. Петросян И.Е. Мустафа Селяники и его "История" // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 10. Л., 1987. С. 110-122.

496. Петросян И.Е. Османистические исследования в ЛО ИВ АН СССР (1956-1986 гг.) // ПП и ПИКНВ, XXI/3. М., 1987. С. 147-156. - Библиогр. в примеч.: с. 154-156.

497. Петросян И.Е. Турецкие социально-политические трактаты XVI-XVII вв. // *НАА*. 1987. № 2. С. 89-96. - Библиогр. в подстр. примеч.

498. Petrosjan I.E. The "Mabda-i kanun-i yeniçeri ocağı tarihi" on the system of devşirme // *Between the Danube and the Caucasus: A collection of papers concern. Oriental sources on the hist. of the peoples of Centr. and South-East. Europe*. Budapest, 1987. P. 217-227. - Bibliogr. in notes.

499. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. /Рецензия/ // Новая и новейшая история. М., 1987. № 3. С. 221-222. - Рец. на кн.: Шеремет В.И. Османская империя и Западная Европа: Вторая треть XIX в. - М.: Наука, 1986. - 308 с.

500. Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора: Ист. очерки. - М.: Наука, 1986. - 240 с., ил. - Библиогр.: с. 235-239.

501. Петросян Ю.А. Из истории турецкой эмигрантской прессы начала XX века // *Turcologica* 1986. Л., 1986. С. 225-229. - Библиогр. в примеч.: с. 229.

502. Петросян Ю.А. Изучение исторического и культурного прошлого народов Востока в ЛО ИВ АН СССР (1981-1985 гг.) // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 3-13.

503. Петросян Ю.А. Андрей Николаевич Кононов (1906-1986) // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 3-5.

504. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. - Ереван: Изд-во Ереван. Ун-та, 1986. - 295 с. - На арм.яз.

505. Петросян Ю.А. Академик Иосиф Орбели: (к 100-летию со дня рожд.) // ИФЖ. 1987. № 1. С. 3-10. - На арм.яз.

506. Петросян Ю.А. Изучение культурного наследия народов Востока ленинградскими востоковедами (1917-1987): традиции и перспективы // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1987. С. 3-10. - Библиогр. в примеч.: с. 9-10.

См. также № 285, 491, 499, 547.

507. Пиотровская И.Л. "Исламские банки": опыт и перспектива (арабские страны Персидского залива) // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 124-130. - Библиогр. в примеч.: с. 130.

508. Пиотровская И.Л. Коран о лихве-риба // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 131-138. - Библиогр. в примеч.: с. 138.

509. Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Исторические истоки политической теории и практики современного ислама // Ислам в современной политике стран Востока. М., 1986. С. 17-34.

510. Piotrovsky M.B. The Arabian Roots of Islam: Paper presented at the 32th International Congress of Asian and North African Studies, (Hamburg, 1986). - М.: Наука, 1986. - 10 р.

511. Пиотровский М.Б. Ислам - вера и образ жизни // Ислам: Крат. справочник. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 4-26.

512. Пиотровский М.Б. Исследование наскальных надписей в нижней части долины Дуан // Итоги работы СОИКЭ в 1986 г. Сейун. 1986, с. 37-46. - На араб.яз.

513. Пиотровский М.Б. Аравийские корни ислама // НАА. 1987. № 2. С. 97-101. - Библиогр. в подстр. примеч.

514. Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе: история и современность. М., 1987. С. 6-20. - Библиогр. в примеч.: с. 18-20.

515. Пиотровский М.Б. Йемен до ислама и в первые века хиджры: IV-X вв. - Бейрут, 1987. - 391 с. - На араб. яз.

Пер. кн.: Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневеков. общ-ва. - М.: Наука, 1985.

См. также № 18, 134, 239, 240, 394, 395, 400.

516. Поленова И.А., Русинова Э.С. Работы советских ученых по древней Передней Азии: Библиогр. указ. 1917-1984/ Б-ка АН СССР. - Л.: БАН, 1986. - 190 с.

517. Полосин В.В. Заметки о "Фихристе" Ибн ан-Надима // Новые исследования советских арабистов: Сб.ст. Вып. I. М., 1986. С. 124-163. - (Сер. "Сов.востоковед", № 5). - На араб.яз.

518. Полосин В.В. /Рецензия/ // НАА. 1986. № 5. С. 192-196. - Рец. на кн.: Библиография арабских рукописей / Сост. И.Б.Михайлова при участии А.Б.Халидова; Отв.ред., авт. предисл. и вступ. очерков А.Б.Халидов. - М.: Наука, ГРМЛ, 1982. - 392 с.; Korkes Awad. Catalogues of the Arabic manuscripts in the world. Vol. 1-2. Kuwait, 1984. - 445 p.; 448p.

519. Полосин В.В. Заметки о "Фихристе" Ибн ан-Надима // ПШВ, 1978-1979. М., 1987. С. 91-107. - Библиогр. в примеч.

520. Полосин Вл.В. К истории "Книги об идолах" Ибн ал-Калби // ПШ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1986. С. 64-70. - Библиогр. в примеч.: с. 69-70.

521. Полосин Вл.В. Материалы к биографии Ибн ал-Калби // ПШ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 45-48. - Библиогр. в примеч.: с. 47-48.

522. Попова И.Ф. Традиционная китайская историография о Тайваньском восстании 617 года // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 207-209.

523. Попова И.Ф. Сочинение танского Тай-цзуна (627-649) "Правил для императоров" ("Дифань") о сущности императорской власти // ПШ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 139-142. - Библиогр. в примеч.: с. 141-142.

524. Посова Т.К. Вхагавата-пурана о культе богини-матери // ПШ и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 126-128. - Библиогр. в примеч.: с. 128.

525. Посова Т.К. О содержании понятия "мокша" в Вишну-пуране // ПИ и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 152-156. - Библиогр. в примеч.: с. 156.

526. Посова Т.К. Некоторые формальные показатели прямой речи в языке ранних пуран (на примере "Вишну-пураны") // Актуальные проблемы изучения языков Южной Азии: Матер. конф. М., 1987. С. 138-143. - Библиогр. в примеч.: с. 142-143.

527. Посова Т.К. Ранние кармические воззрения пуран // "Рериховские чтения": Науч.конф., посв. памяти Ю.Н.Рериха: К 85-летию со дня рожд. 30 нояб.-I дек. 1987 г. (Тез.докл.) М., 1987. С. 24-26.

528. Посова Т.К. Сюжет о драгоценных камнях в Гаруда-пуране // ПИ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 48-51. - Библиогр. в примеч.: с. 51.

529. Посова Т.К. Термин "нирвана" в Вишну-пуране // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 244-246.

530. Пострелова Т.А. Пань Тяньшоу (1897-1984) // ПИ и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 156-159. - Библиогр. в примеч.: с. 159.

531. Пострелова Т.А. Рисунки китайских художников из архива Э.В.Бретшнейдера // ХУП науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. 2. М., 1986. С. 159-164.

532. Пострелова Т.А. Суй Бэйхун в воспоминаниях деятелей советской науки и культуры // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 9. Л., 1986. С. 172-178. - Библиогр. в подстр.примеч.

533. Пострелова Т.А. Об альбомах с изображением китайских костюмов // ПИ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 55-57. - Библиогр. в примеч.: с. 57.

534. Пострелова Т.А. Об альбомах с миниатюрами из китайской жизни из Сектора восточных рукописей и документов ЛО ИВ АН СССР // ПИ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 51-55. - Библиогр. в примеч.: с. 55.

535. Пострелова Т.А. Обзор публикаций художественных материалов в рукописных фондах ЛО ИВ АН СССР (1957-1987 гг.) // ПИ и ПИКНВ, XXI/3. М., 1987. С. 156-164. - Библиогр.: с. 160-164.

536. Пострелова Т.А. Творчество Суй Бэйхуна и китайская художественная культура XX в. - М.: Наука, 1987. - 264 с., ил. - (Культура народов Востока / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т востоковедения). - Библиогр.: с. 211-221. - Указ. имен: с. 257-261. - Рез.фр.

537. Пострелова Т.А. Творчество Суй Бэйхуна и культурное наследие Китая // Культурное наследие нар. Вост. и совр. идеологическая борьба. М., 1987. С. 238-252. - Библиогр. в примеч.: с. 251-252.

Прозоров С.М. см. № 239, 240, 509.

538. Резван Е.А. Термин джибилл (джибилла) в Коране // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 43-44. - Библиогр. в подстр.примеч.-Рез. англ.

539. Резван Е.А. Пророчество и поэзия: (к проблеме науч.интерпретации психологич.аспекта "пророческих откровений" Мухаммеда) // Тез. докл. Республ. конф. аспирантов и молодых науч.сотр. на тему "Актуальные проблемы филологии и истории стран Ближнего и Среднего Востока", посв. 70-летию Вел.Окт. соц.рев. Тбилиси, 1987. С. 39.

540. Резван Е.А. Термин "дараджа" в Коране: (к проблеме социальной стратификации общества оседлых центров Внутренней Аравии на рубеже УІ-УІІ вв.) // Социально-политические представления в исламе: история и современность. М., 1987. С. 69-80- Библиогр. в примеч.:с. 78-80.

541. Ромодин В.А. Рабство и некоторые другие формы зависимости в позднефеодальном Афганистане // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 450-456. - Библиогр.: с. 456 (13 назв.).

542. Руденко М.Б. Литературная и фольклорные версии курдской поэмы "Юсуф и Зелиха" / АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1986. - 369 с.

543. Руденко М.Б., Какабадзе С.С. Руденко Борис Тихонович (1896-1942) // ПИ и ПИЖНВ, XIX/2. М., 1986. С. 54-56.

544. Руденко М.Б. Курдская литература // История всемирной литературы. Т. 4. М., 1987. С. 400-403.

545. Рудой В.И., Островская Е.П. О специфике историко-философского подхода к изучению индийских классических религиозно-философских систем // Методологические проблемы изучения истории философии зарубежного Востока. М., 1987. С. 75-93. - Библиогр. в примеч.: с. 92-93.

546. Рудой В.И. Трансрегиональное исследование буддизма: подход и основные понятия // Тезисы Всесоюз. буддологич.конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 108-110.

См. также № 463.

547. Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. / Ред.кол. изд.: О.Ф.Акимовский, М.И.Воробьева-Десятовская (отв.секр.), Л.Н.Меньшиков, Ю.А.Петросян (председ.), Э.Н.Темкин,

А.Б.Халидов, С.С.Цельникер, К.Н.Юзбашян. - М.: Наука, ГРВИ, 1987. - 559 с.; 48 л. ил. (Культура народов Востока: Материалы и исследования / АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т востоковед.) - Рез.англ.: с. 557-558.

Предисл. /редколлегии/: с. 5-19.

548. Русинова Э.С. Концепция личности в индийском англоязычном романе 30-60-х годов XX века: (на материале творчества М.Р.Ананда, Б.Бхаттачарии и Р.Рао): Автореф. дисс. ... канд.филол. наук/Ташкент гос. ун-т им. В.И.Ленина. - Ташкент, 1986. - 15 с.

См. также № 516.

549. Рыбаков В.М. Представления Оуян Сю об историческом процессе // ПИ и ПИНВ, XX/I. М., 1986. С. 159-163. - Библиогр. в примеч.: с. 163.

550. Рыбаков В.М. Танское право о деятельности дорожных застав // XVIII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.1. М., 1987. С. 183-189. - Лит.: с. 189.

551. Сабитов А.Р. Карлукские племена в VI-VIII вв. // ПИ и ПИНВ, XX/I. М., 1986. С. 163-167. - Библиогр. в примеч.: с. 167.

552. Савицкий Л.С. Тибетская литература /XIII-XVI вв./ // История всемирной литературы. Т. 3. М., 1985. С. 679-682.

553. Савицкий Л.С. Тибетская литература /XVII в./ // История всемирной литературы. Т. 4. М., 1987. С. 541-545.

554. Ёндон Д., Сазыкин А.Г. Монгольская "Повесть о Хатан-батарбэйлэ" // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1986. Т.19. С. 150-252.

555. Сазыкин А.Г. Монгольские версии рассказов о пользе "Ваджрачхевики" // ПИ и ПИНВ, XX/I. М., 1986. С. 70-74. - Библиогр. в примеч.: с. 73-74.

556. Сазыкин А.Г. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от Б.Я.Владимирцова // Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова, 1884-1931. М., 1986. С. 265-297. - Библиогр.: с. 295-297.

557. Ёндон Д., Сазыкин А.Г. Одно из тибето-монгольских дидактических сочинений о происхождении водки и вреде пьянства // Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова, 1884-1931. М., 1986. С. 232-251.

558. Сазыкин А.Г. Эсхатологические мотивы в "Повести о Нарану-Гэрэл". Часть 2 // ПИ и ПИНВ, XIX/I М., 1986. С. 47-51. - Библиогр. в примеч.: с. 51.

559. Сазыкин А.Г. Монголоведение в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (1956-1986 гг.) // ПИ и ПИНВ,

XXI/3. М., 1987. С. 164-175. - Библиогр. в примеч.: с. 171-175.

560. Сазыкин А.Г. Монгольская литература // История всемирной литературы. Т. 4. М., 1987. С. 546-549.

561. Сазыкин А.Г. "Повесть о Чойджид-дагини" в собраниях Ленинграда, Улан-Удэ и Кызыла // ППВ. 1978-1979. М., 1987. С. 191-202. - Библиогр. в примеч.

562. Сазыкин А.Г. Раннепечатные бурятские ксилографированные издания в собраниях монгольского фонда Института востоковедения АН СССР // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 130-147.

563. Сазыкин А.Г. /Ред. пер., предисл и примеч./: Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгуева. Ч. I: Путь в Тибет/ Пер. А.Д.Руднева // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 125-144.

564. Sazykin A.G. An historical document in Oirat Script // Between the Danube and the Caucasus: A collection of papers concern. Oriental sources on the hist. of the peoples of Centr. and South-East. Europe. Budapest, 1987. P. 229-233: il. - Bibliogr. in notes.

565. Салахетдинова М.А. Новые данные о посольстве 1585 г. из Средней Азии в Индию // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 128-131. - Библиогр. в примеч.: с. 131.

566. Салахетдинова М.А. Престолонаследие у Шейбанидов // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 142-145. - Библиогр. в примеч.: с. 145.

567. Свиридов Г.Г. /Сост., послесл., примеч./: Японские писатели о Стране Советов - Л.: Лениздат, 1987. - 254 с.: ил. - (XX век: Два лица планеты). - Библиогр. в тексте.

568. Селиванова Т.П. Векселя, кредиты, вклады в Кашмире до середины XII в. // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 52-55. - Библиогр. в примеч.: с. 55.

569. Сергачев А.Ф. Владимирцова Лидия Николаевна (1892-1941) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 24.

570. Сергачев А.Ф. Журавлев Николай Павлович (1891-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 33-34.

571. Сергачев А.Ф. Пономарев Александр Иванович (1886-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 48-49.

572. Сергачев А.Ф. Старостина Федосья Ерофеевна (1886-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 60.

573. Скачков П.Е., Чижикова К.Л. Библиография трудов акаде-

мика С.Ф.Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург: Сб.ст. М., 1986. С. 122-153.

574. Смирнова Л.П. /Пер. с перс./: Але-Ахмад, Джалал. Приключения пчел /Повесть/. - Лишняя женщина. - Дама в поисках идеала. - Фарфоровая ваза. - Минареты в небе. - Моя сестра и паук. - Праздник освобождения /Рассказы/ // Але-Ахмад Джалал. Повести и рассказы. М., 1986. С. 211-251, 261-270, 285-295, 307-310, 331-369.

575. Смирнова О.И. Хетагуров Лев Александрович (1901-1942) // ПИ и ПИЖНВ, XIX/2. М., 1986. С. 62-65.

576. Сорокина О.С. Космические элементы в индийской системе пространственной ориентации // "Рериховские чтения": Науч.конф., посв. памяти Ю.Н.Рериха: К 85-летию со дня рожд. 30 нояб.-I дек. 1987 г. (Тез.докл.)М., 1987. С. 29-30.

577. Спирин В.С. О значении древнего порядка триграмм // XVII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч.1. М., 1986. С. 45-49. - Лит.: с. 49 (7 назв.).

578. Спирин В.С. Об "основном тексте письма /реки/ Ло" (Лошу бэнь вэнь) // ПИ и ПИЖНВ, XIX/1. М., 1986. С. 131-137. - Библиогр. в примеч.: с. 137.

579. Спирин В.С. Строй, семантика, контекст 14-го параграфа "Дао дэ цзина" // ПИ и ПИЖНВ, XX/1. М., 1986. С. 64-78.

580. Спирин В.С. Возможные прототипы "канонов" // XVIII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.1. М., 1987. С. 3-10. - Лит.: с. 8 (9 назв.).

581. Спирин В.С. Об одной семиотической системе в древнем Китае // ПИ и ПИЖНВ, XXI/1. М., 1987. С. 145-150: табл. - Библиогр. в примеч.: с. 150.

582. Старкова К.Б. Борисов Андрей Яковлевич (1903-1942) // ПИ и ПИЖНВ, XIX/2. М., 1986. С. 19-21.

583. Старкова К.Б. Гинцбург Иона Иосифович (1870-1942) // ПИ и ПИЖНВ, XIX/2. М., 1986. С. 27-28.

584. Старкова К.Б. "Странствие Авраама" (1 q Gen XXI, 8-20) // ПС 1986. Вып. 28(91). С. 69-73. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. фр.

585. Старкова К.Б. /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 221-222. - Рец. на кн.: Аравия: Материалы по истории открытия / Культура народов Востока: Матер. и исслед. - М., 1981. - 368 с.

586. Старкова К.Б. Слова Светильные (4 q Dib Nam) // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 13-21. - Библиогр. в примеч.: с. 18-21. - Рез. фр.

587. Старкова К.Б. /Рецензия/ // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 168-169. - Рец. на кн.: Альфонсо. Мейашпер 'акоб ("Выпрямляющий кривое"). Факс. рукоп. Изд. текста, пер., предисл., введ., примеч. Г.М.Глускиной. Комментар. Г.М.Глускиной, С.Я.Дурье, Б.А. Розенфельда. М., 1983. (ПШВ, 62).

588. Старкова К.Б. /Рецензия/ // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 191-193. - Рец. на кн.: Каталог иркунаболов на древнееврейском языке. Сост. С.М.Якерсон. Отв.ред. И.Ш.Шифман / БАН СССР. Ин-т востоковед. АН СССР. - Л., 1985. - 108 с.

См. также № 47.

Сторчевая Т.Г. см. также Комиссарова Т.Г.

589. Сторчевая Т.Г. Китайская буддийская библиография о проблеме "передачи пути" // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 208-210.

590. Сторчевая Т.Г. Спор о "бессмертии души" (шэнь бу ме) в Китае (4-6 вв.) // XIII науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1987. С. 90-94. - Лит.: с. 94.

591. Сторчевая Т.Г. Человек и мир: /Рецензия/ // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 2. С. 220-222. - Рец. на кн.: Проблема человека в традиционных китайских учениях: Сб. ст. - М.: Наука, ГРВЛ, 1983. - 262 с.

592. Стулова Э.С. Образ героя в китайской проstonародной литературе: (на примере "Баоцзюань о Муляне") // III и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 55-59. - Библиогр. в примеч.: с. 59.

593. Султанов Т.И. "Записки" Бабура как источник по истории моголов восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 253-267. - Библиогр. в примеч.: с. 266-267.

594. Султанов Т.И. О невольниках в Казахском ханстве в XV-XVI вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 340-352. - Библиогр.: с. 351-352 (29 назв.).

595. Султанов Т.И. Позднесредневековая мусульманская историография // НАА. 1986. № 3. С. 100-108. - Библиогр. в подстр. примеч.

596. Султанов Т.И. Среднеазиатские и восточнотуркестанские историки XV-XVII вв.: (Общественное положение и профессиональный статус) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 9. Л., 1986. С. 198-218. - Библиогр. в подстр. примеч.

597. Султанов Т.И. Историческая критика в трудах средневековых историографов // БЧ 1987. М., 1987. С. 86-87.

598. Султанов Т.И. Среднеазиатская и восточнотуркестанская позднесредневековая книга // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С. 478-504. - Библиогр. в примеч.: с. 501-504.

См. также № 239, 240.

Темкин Э.Н. см. № 547.

599. Терентьев-Катанский А.П. Географические познания тангутов по данным лексики // ПП и ПИНВ, XIX/I. М., 1986. С. 137-139.

600. Терентьев-Катанский А.П. Внешний вид, одежда и утварь тангутов // Шэхуй яньцзю тунбао. Пекин, 1987. С. 23-29. - На кит. яз. См. также № 269.

601. Торчинов Е.А. Даосизм и государство в традиционном Китае: (к постановке проблемы) // ХУП науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1986. С. 116-120. - Лит.: с. 119-120 (10 назв.).

602. Торчинов Е.А. Даосизм и наука в традиционном Китае в современной зарубежной историографии // ПП и ПИНВ, XX/I. 1986. С. 78-81. - Библиогр. в примеч.: с. 81.

603. Торчинов Е.А. Методологические проблемы изучения даосско-буддийского взаимодействия // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 161-163.

604. Кобзев А.И., Морозова Н.В., Торчинов Е.А. Московская "Сокровищница дао": /Памятник даосской литературы Дао цзан в ГВЛ/ // НАА. 1986. № 6. С. 162-170. - Библиогр. в подстр. примеч.

605. Торчинов Е.А. "Ода о восхождении на гору Тянь-тамань" Сунь Чо (314-371) и проблема даосско-буддийского взаимодействия // ТПИЛДВ, XII/2. М., 1986. С. 397-404. - Библиогр.: с. 403-404. (9 назв.).

606. Торчинов Е.А. Даосизм в 20 веке: традиции и новации // ХУП науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. докл. Ч. I. М., 1987. С. 203-208. - Лит.: с. 208 (6 назв.).

607. Торчинов Е.А. Даосская утопия в Китае на рубеже древности и средневековья (II-VI вв.) // Китайские социальные утопии. М., 1987. С. 104-124. - Библиогр.: с. 122-124 (55 назв.).

608. Торчинов Е.А. Теоретико-методологические проблемы изучения даосско-буддийского взаимодействия в процессе рецепции буддизма в Китае // Тезисы Всесоюз. буддологич. конф. (Москва, ноябрь 1987 г.) М., 1987. С. 146-148.

609. Торчинов Е. /Пер. с кит./: Из "Бао Пу-цзы". - Из "Гуань Инь-цзы" // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М., 1987. С. 183-199.

См. также № 439.

610. Тохтасьев С.Р. /Выступление в дискуссии по статье Л.С. Клейна "Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии"/ // НАА. 1987. № 5. С. 90-92.

611. Троцевич А.Ф. Корейский средневековый роман: "Облачный сон девяти" Ким Манджуна / АН СССР. Ин-т востоковед. - М.: Наука. ГРВД, 1986. - 200 с. - Рез. англ.

612. Троцевич А.Ф. Традиционные корни современной корейской литературы // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 30-34. - Библиогр. в примеч.: с. 34.

613. Троцевич А.Ф. Буддийские сюжеты в корейской простонародной прозе // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 37-41. - Библиогр. в примеч.: с. 40-41.

См. также № 457, 459.

614. Тугушева Л.Ю. О словосочетании türk yosul bodun в древнетюркских письменных памятниках // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез.докл. XXIX сессии Постоян. междунар. алтаистич. конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч.2. М., 1986. С. II6-II7.

615. Тугушева Л.Ю. о1 в раннесредневековом уйгурском литературном языке // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 277-283.

616. Туманович Н.Н. Важная веха в истории Ирана XVII века // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 167-171.

617. Туманович Н.Н. Фазил Харави о сельскохозяйственном производстве в Герате XVI в. // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 150-154. - Библиогр. в примеч.: с. 154.

618. Тун Е.Т. Танско-уйгурский договор 783 года // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 154-158. - Библиогр. в примеч.: с. 158.

619. Успенский В.Л. К истории составления тибетско-монгольского словаря "Тогбар лаба" // Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова, 1884-1931. М., 1986. С. II0-II2. - Библиогр.: с. II2.

620. Успенский В.Л. Монгольская историография XVII-XVIII веков о китайской династии Мин (1368-1644 гг.) // XVII науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез.докл. Ч.2. М., 1986. С. 75-78. - Лит.: с. 78.

621. Успенский В.Л. /Рецензия/ // НАА. 1986. № 2. С. 205-207. - Рец. на кн.: Шамов Г.Ф. Профессор О.М.Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. - Казань: Изд-во КГУ, 1983. - II2 с.

622. Успенский В.Л. Журнал "Монгол-ун сонин биичиг" о событиях в Монголии в 1911-1912 гг. // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 68-75. - Библиогр. в подстр. примеч.

623. Успенский В.Л. "Идэтхэд шастир" о происхождении монгольских и ойратских княжеских родов // Историография и источникововеде-

ние истории стран Азии и Африки. Вып. 10. Л., 1987. С. 148-165. - Библиогр. в подстр. примеч.

624. Успенский В.Л. К истории перевода Данджура на монгольский язык // У Международного конгресса монголоведов (Улан-Батор, сент. 1987): Докл. сов. делегации. Ч. I. М., 1987. С. 148-153.

625. Fichman I.F. Il lavoro servile nell'artigianato egiziano // Servitù e produzione nella Roma repubblicana: A cura di Biezunska Malovist I. Roma, 1986. P. 247-257. - Bibliogr.: p. 15-19. - (Problemi e ricerche di storia antica, 9).

626. Фихман И.Ф. Введение в документальную папирологию /Отв. ред. М.А.Дандамаев; АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1987. - 523 с.; карт. - Библиогр. с. 265-498. и в подстроч. примеч. - Предм. указ.: с. 499-502. - Рез.фр.

627. Фихман И.Ф. Некоторые спорные вопросы социально-экономической истории позднеримского Египта // X авторско-читательская конференция "Вестника древней истории": Тез.докл. М., 1987. С.150.

628. Фихман И.Ф. Проблемы изучения ономастики эллинистического римского и позднеримского Египта // ВДИ. 1987. № 2. С. 169-179. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез.фр.

629. Фихман И.Ф. /Рецензия/ // Byzantinoslavica. 1987. Т. 48. P. 67-69. Рец. на кн.: Lewis N. Life in Egypt under Roman Rule. - Oxford, 1983.

630. Фишман О.Л. К проблеме восприятия современниками "Книги Марко Поло" и "Путешествия" Мандевилля // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 140-144. - Библиогр. в примеч.: с. 143-144.

631. Фишман О.Л. Китайская литература: Философ. мысль и бессюжетная проза. - Поэзия // История всемирной литературы. Т. 4. М., 1987. С. 478-486.

632. Фомкин М.С. Вопросы эвфонии турецкой газели Султана Веледа // СТ. 1985. № 2. С. 21-27. - Библиогр. в примеч.: с. 26-27.

633. Фомкин М.С. Юсуф Баласагуни - Султан Велед: преемственность традиций // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 35-39. - Библиогр. в примеч.: с. 38-39.

634. Фомкин М.С. Исследователи культуры Востока // Ленингр. панорама. 1986. № 4. С. 27-29: ил.

635. Фомкин М.С. Некоторые особенности поэтики турецких газелей Султана Веледа // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 188-195. - Библиогр. в примеч.: с. 193-195.

636. Фомкин М.С. Особенности содержательной поэтики турецких стихов Султана Веледа // Turcologica 1986. Л., 1986. С. 290-296. - Библиогр. в примеч.: с. 295-296.

637. Фомкин М.С. Наследие веков – нашему дню: (очерк о проф. С.Н.Иванове) // Ленингр. ун-т. 1987. № 24.
638. Фомкин М.С. О ленинградских списках произведений Султана Веледа (I226–I312) // ПП и ПИЖНВ, XXI/2. М., 1987. С. 41–45. – Библиогр. в примеч.: с. 44–45.
639. Франгузов С.А. Начальный этап распространения Ислама в Хадрамауте // IV Всесоюз. школа молодых востоковедов: Тез. Т. I. М., 1986. С. 88–90.
640. Франгузов С.А. Ас-садаф и кинда в раннесредневековом Хадрамауте // ПП и ПИЖНВ, XXI/I. М., 1987. С. 158–166. – Библиогр. в примеч.: с. 163–166.
641. Халидов А.Б. Два творческих портрета: Исхāк ал-Фāрāбī и Махмуд ал-Кāшгārī // "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности": Тез. докл. XXIX сессии Постоян. Междунар. алтаистич. конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч. I. М., 1986. С. II4–II6.
642. Халидов А.Б., Черных В.А. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках // Археогр. ежегодник за 1985 г. М., 1986. С. 324–332.
643. Халидов А.Б. Центр ближневосточных исследований при Калифорнийском университете США // НАА. 1986. № 5. С. II8–I20. – Библиогр. в подстр. примеч.
644. Халидов А.Б. Академик И.Ю. Крачковский // Проблемы арабской культуры: Памяти акад. И.Ю. Крачковского. М., 1987. С. 5–14.
645. Халидов А.Б. Арабистика в ЛО ИВ АН СССР (1957–1986) // ПП и ПИЖНВ, XXI/3. М., 1987. С. 175–187. – Библиогр. в примеч.: с. 181–185 (49 назв.).
646. Халидов А.Б. Рукописная книга в арабской культуре // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С. 241–300. – Библиогр. в примеч.: с. 299–300.
647. Халидов А.Б. Словари Исхāка ал-Фāрāбī и Махмуда ал-Кāшгārī: (из истории лексикографии в Средней Азии X–XI вв.) / Отв. ред. П.А. Грязневич; ПП и ПИЖНВ, XXI/4. – М.: Наука. ГРВЛ, 1987. – 67 с.
648. Халидов А.Б. Арабские географические рукописи ЛО ИВ АН СССР. – Кувейт, 1987. – 50 с. (Серия брошюр издаваемых Кувейтским университетом и Кувейтским географическим обществом, № 108). – На араб. яз.

См. также № 18, 547.

649. Ханин З.Я. Низшие социальные группы японского общества в IX–XVII вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М.

1986. С. 288-303. - Библиогр.: с. 302-303 (12 назв.).

650. Ханин З.Я. Об истоках японского феодального государства эпохи Токугава // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 171-175. - Библиогр. в примеч.: с. 175.

651. Ханин З.Я. О различиях и общности дискриминируемых меньшинств буржуазной Японии // ПП и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 166-170. - Библиогр. в примеч.: с. 170.

652. Хосроев А.Л. Из истории коптского романа об Александре // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 153-157. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рез. англ.

653. Хосроев А.Л. Из истории литературы премудрости на армянском языке // Междунар. конф. по средне-армянской лит-ре: Тез. докл. Ереван, 15-19 сент. 1986 г. Ереван, 1986. С. 218-219.

654. Хосроев А.Л. Кто был автором "Поучений Сильвана"? // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 144-149. - Библиогр. в примеч.: с. 148-149.

655. Хосроев А.Л. О природе "Подлинного учения": (Наг Хаммади, VI, 3) // ПП и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 82-87. - Библиогр. в примеч.: с. 86-87.

656. Хосроев А.Л. /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 203-209. - Библиогр. в подстр.примеч. - Рец. на кн.: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма: (Наг-Хаммади, II, соч. 2, 3, 6, 7). - М.: Наука, 1979. - 216 с.

657. Хосроев А.В. /Введ., пер. и примеч./: Поучение Сильвана: (Наг Хаммади, VI, 4) // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1987. С. 115-144. - Библиогр. в примеч.: с. 139-144.

658. Хосроев А.Л. "Поучения Сильвана" и александрийская школа // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 28-40. - Библиогр. в примеч.: с. 35-40. - Рез. англ.

См. также № 663.

659. Хуршудян Э.Ш. Маги и "обители магов" на сасанидских печатях // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 92-97. - Библиогр. в примеч.: с. 95-97.

660. Циперович И.Э. /Сост., библиогр., указ./: Вельгус В.А. Средневековый Китай: Исслед. и материалы по истории, внешним связям, лит. / АН СССР. Ин-т востоковед. Ленингр. отд-ние. - М.: Наука. ГРАИ, 1987. - 203 с. - Библиогр.: с. 139-155. - Указ.: с. 178-198.

661. Цукерман И.И. Хорасанский курманджи: Исследования и тексты. / АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1986. - 271 с. - Библиогр.: с. 187-188.

662. Чан Тхи Хонг Ван. Отражение действительности в арабских классических масал:(по материалам рукописи ал-Аби) // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 39-44. - Библиогр. в примеч.: с. 44.

663. Четверухин А.С., Хосроев А.Л. Вводная статья // Ернштедт Л.В. Исследования по грамматике коптского языка. М., 1986. С. 3-51. - Указ. использов. источников (сост. А.С.Четверухин): с. 641-659.

664. Четверухин А.С. К определению строя египетского языка старого состояния // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 88-94. - Библиогр. в примеч.: с. 92-94.

665. Четверухин А.С. О логико-грамматическом аспекте текста РТ 444 а // ПП и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 225-228. - Библиогр. в примеч.: с. 227-228.

666. Четверухин А.С. Возможные лингвистические интерпретации выражения "говорит/сказал(а)" в Текстах пирамид // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 98-104. - Библиогр. в примеч.: с. 101-104.

667. Четверухин А.С. Вопросительное наречие "где?" в египетском языке // Тез. конф. аспирантов и молодых науч.сотрудников. Т. 2. / АН СССР. Ан-т востоковед. М., 1987. С. 158-160.

668. Четверухин А.С. Два подхода к изучению египетского предложения // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987. С. 64-83. - Библиогр. в примеч.: с. 81-83.

669. Четверухин А.С. Интерпретация основных типов предложения в египетском языке // Древний и Средневековый Восток. М., 1987. С. 31-49.

670. Четверухин А.С. Пути развития отечественной египетской филологии // Тез. конф. аспирантов и молодых науч. сотрудников. Т. 2. / АН СССР. Ин-т востоковед. М., 1987. С. 154-157.

671. Четверухин А.С. Современное состояние изучения староегипетского именного предложения // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987. С. 84-100. - Библиогр. в примеч.: с. 99-100.

Чижикова К.В. см. № 573.

672. Чугуевский Л.И. Дуньхуанские документы VIII-X вв. о крепостных крестьянах при китайских буддийских монастырях // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 80-96. - Библиогр.: с. 95-96 (29 назв.).

673. Чугуевский Л.И. Дуньхуан. в VIII-X вв. // Переводы работ зарубежных исследователей о Китае: серия. Вып. I. (Chinese studies abroad translation series. I). Синин, 1986. С. 575-590. - На кит. яз.

674. Чунакова О.М. /Транскр. текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий/: Книга деяний Ардашира сына Папака. - М.: Наука. ГРВЛ, 1987. - 163 с. (ПВ, 78). - Рез. англ.

675. Шарафутдинова Р.Ш. Итальянский путешественник Пьетро делла Валле как востоковед: (к 400-летию со дня рождения) // ПИ и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987. С. 171-176. - Библиогр. в примеч. с. 175-176.

676. **Шауб А.К.** К характеристике положения рабов в обществе Маджапахита (1293-1527 гг.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 470-478. - Библиогр.: с. 478 (7 назв.).

677. **Шауб А.К.** Основание Маджапахита по материалам яванских исторических источников XIV века // ПИ и ПИКНВ, XX/I. М., 1986. С. 175-180. - Библиогр. в примеч.: с. 179-180.

678. Шитов Г.В. Иванов Павел Петрович (1893-1942) // ПИ и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 37-40.

679. Шифман И.Ш. Бендер Иосиф Генрихович (1900-1942) // ПИ и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 18-19.

680. Шифман И.Ш. Отражение финикийского культа 'Астара в античной историографии // ПАСб IV. М., 1986. С. 80-82. - Рез. англ.: с. 242.

681. Шифман И.Ш. Рабовладельческие отношения в Передней Азии на рубеже древности и средневековья // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 369-386. - Библиогр.: с. 386 (12 назв.).

682. Шифман И.Ш. Угарит в системе международных связей // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 10-23. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. нем.

683. Шифман И.Ш. /Рецензия/ // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 194-196). - Библиогр. в подстр. примеч. - Рец. на кн.: Tomback R.S. A comparative semitic lexicon of the phoenician and punic languages. - Missoula, Montana, 1978. - 362 p.

684. Шифман И.Ш. Ветхий завет и его мир: Ветхий завет как памятник лит. и обществ. мысли древ. Передней Азии. - М.: Политиздат, 1987. - 240 с.: ил. Библиогр. в подстр. примеч. - Указ.: с. 226-238.

685. Шифман И.Ш. Во что верили древние евреи? // Атеистич. чтения. Вып. 16. М., 1987. С. 66-76.

686. Шифман И.Ш. Заметки по эпиграфике Пальмиры. II // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 85-90. - Библиогр. в примеч.: с. 89-90. - Рез. нем.

687. Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV-XIII вв. до н.э.). / АН СССР. Ин-т востоковедения. - М.: Наука, 1987. - 236 с. - Библиогр.: с. 197-208. - Указ.: с. 212-234.

688. Шифман И.Ш. Псалом 151 // ППВ, 1978-1979. М., 1987. С. 146-155. - Библиогр. в примеч.

689. Шифман И.Ш. Семитология в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (1956-1986) // ПП и ПИКНВ, XXI/3. М., 1987. С. 188-192. - Библиогр. в примеч.: с. 190-191 (24 назв.).

690. Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата. - Дамаск, 1987. - 243 с. - На араб. яз.

691. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1983 год // ПП и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 251-273.

692. Шрон Г.С. Библиография работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1984 год // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 101-123.

693. Шрон Г.С. Библиография работ сотрудников ЛО ИВ АН за 1985 г. // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 114-138.

694. Шумовский Т.А. Барабанов Александр Михайлович (1906-1941) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 17-18.

695. Шумовский Т.А. Гульбин Григорий Григорьевич (1892-1941) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 29-30.

696. Шумовский Т.А. Крауш Ольга Александровна (1902-1942) // ПП и ПИКНВ, XIX/2. М., 1986. С. 43-44.

См. также № 547.

697. Щеглова О.П. Литографское книгоиздание на персидском языке в Бомбее (XIX в.) // ПП и ПИКНВ, XX/1. М., 1986. С. 93-97.

698. Щеглова О.П. Начало книгопечатания на персидском языке в Индии // ПП и ПИКНВ, XIX/1. М., 1986. С. 153-156. - Библиогр. в примеч.: с. 156.

699. Щеглова О.П. Литографское книгопечатание на персидском языке в Лахоре (вторая половина XIX в. - первое десятилетие XX в.) // ПП и ПИКНВ, XXI/1. М., 1987. С. 58-61. - Библиогр. в примеч.: с. 61.

700. Юзбашян К.Н. Хронология армяно-грузинского восстания против Сасанидов в конце V в. // ПС. 1986. Вып. 28(91). С. 51-55. - Библиогр. в подстр. примеч. - Рез. англ.

701. Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абрагович Орбели, 1887-1961 / АН СССР Ин-т востоковедения. - 2-е изд., доп. - М.: Наука, 1987-1965 с.: ил. - Библиогр. в примеч.: с. 117-128.

702. Юзбашян К.Н. Армянские рукописи // Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. I. М., 1987. С. 145-175. - Библиогр. в примеч.: с. 173-175.

703. Юзбашян К.Н. И.А.Орбели - арменист // ИФЖ. 1987. № I. С. II-22. - Рез.рус. - На арм. яз.

704. Ершов С.А., Пятницкий Ю.А.; Юзбашян К.Н. Русский Археологический институт в Константинополе: (к 90-летию со дня основания) // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. 3-12. - Библиогр. в примеч.: с. 9-12.

705. Юзбашян К.Н. /Рецензия/ // ПС. 1987. Вып. 29(92). С.176-179. - Рец. на кн.: Византийский земледельческий закон. Текст, исслед., коммент. подгот. Е.Э.Липшиц, И.П.Медведев, Е.К.Пиотровская. Л., 1984.

См. также № 431.

706. Юсупова З.А. Об одной изоглоссе курдского языка // ПП и ПИКНВ, XX/2. М., 1986. С. 94-97. - Библиогр. в примеч.: с. 97.

707. Юсупова З.А. Предлоги и послелоги в курдском диалекте аврамани // ПП и ПИКНВ, XIX/I. М., 1986. С. 228-232. - Библиогр. в примеч.: с. 232.

708. Юсупова З.А. Определенность-неопределенность в курдском диалекте аврамани:(по тексту дивана Мавлави) // ПП и ПИКНВ, XXI/2. М., 1987. С. 104-108. - Библиогр. в примеч.: с. 108.

709. Юсупова З.А. Имена прилагательные в курдском языке // Хавкари. Багдад, 1987. № 888. С. 12. - На курд. яз.

710. Юсупова З.А. Именные словообразовательные суффиксы в курдском языке // Хавкари. Багдад, 1987. № 879. С. 10-11. - На курд. яз.

711. Юсупова З.А. Фольклорные тексты на курдском диалекте сориани // Berbang. Stockholm, 1987. № 6/86. С. 19-20. - На курд. яз.

См. также № 56.

712. Якерсон С.М. Еврейские инкунабулы и их путь в Россию: (По материалам коллекции ЛО ИВ АН СССР) // 3-я Всесоюз.науч.конф. "Книга в России до середины XIX века". Ленинград. 2-4 окт. 1985г. Тез.докл. Л., 1985. С. 68-69.

713. Якерсон С.М. Еврейские инкунабулы: (по материалам коллекции ЛО ИВ АН СССР) // ПС. 1987. Вып. 29(92). С. II3-II7. - Библиогр. в примеч.: с. II7 - Рез. англ.

714. Якерсон С.М. Колофоны еврейских инкунабулов // Советиш Геймланд. М., 1987. № 7. С. II8-II24. - На яз. идиш.

715. Якобсон В.А. Заметки о судебном процессе в Ларсе Старо-вавилонского периода // ПАСб IV. М., 1986. С. 24-36. - Рез. англ.: с. 238-239. - Рез. англ.: с. 238-239.

716. Якобсон В.А. Древняя Месопотамия (Ш-II тыс. до н.э.): /Гл. I/ // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 6-28.

717. Яхонтова Н.С. Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов //Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова, 1884-1931. М., 1986. С. 113-117. - Библиогр.: с. 117.

718. Яхонтова Н.С. Совместный и соединительный падеж в ойратском языке // ПП и ПИНВ, XX/2. М., 1986. С. 97-100. - Библиогр. в примеч.: с. 100.

Список сокращений

- БЧ - "Бартольдские чтения: Тез. докл. и сообщ." М.: Наука.
- ВВ - "Византийский временник". Москва.
- ВДИ - "Вестник древней истории". Москва.
- ВЛ - "Вопросы литературы". Москва.
- ГМИИ - Гос. музей изобразительных искусств. им.А.С. Пушкина. Москва.
- ГРЯЛ - Главная редакция восточной литературы /издательства "Наука"/
- ИАИ ГССР - "Известия Академии наук Грузинской ССР". Тбилиси.
- ИЛ - "Иностранная литература". Москва.
- ИФЖ - "Историко-филологический журнал". Ереван.
- ИЯ - "Иранское языкознание". Москва.
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР". М.-Л., М.
- ЛГУ - Ленинградский государственный университет
- ЛО ИВ АН - Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.
- МАИИЦА - Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
- НАА - "Народы Азии и Африки". Москва.
- ОИЯ - "Основы иранского языкознания". Москва.
- ПАСб - "Переднеазиатский сборник". Москва.
- ППВ - Памятники письменности Востока. /Серия/.
- ППВ, 1978-1979 - "Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник. 1978-1979". М.: Наука, 1987.
- ПП и ПИКНВ - "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: годичная науч. сессия ЛО ИВ АН (докл. и сообщ.)". Москва.
- ПС - "Палестинский сборник". Москва-Ленинград.
- СОИКЭ - Советско-Йеменская комплексная экспедиция.
- СТ - "Советская тюркология". Баку.
- ТИЯ АН СССР - "Труды Института языкознания АН СССР" Москва.
- ТПИЛДВ - "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока: Тез. науч. конф. Москва, Наука.

- AMI - "Archäologische Mitteilungen aus Iran".
Berlin.
- AO - "Acta Orientalis". Leiden.
- AOH - "Acta Orientalia Academiae scientiarum
hungaricae". Budapest.
- BiOr - "Bibliotheca Orientalis". Leiden.
- EI - "Encyclopaedia Iranica". London.
- JANES - "The journal of the Ancient Near Eastern
society of Columbia university", New York.
- JAOS - "Journal of the American Oriental Society".
New Haven.
- JESHO - "Journal of the economic and social histo-
ry of the Orient". Leiden: Brill.
- JRAS - "Journal of the Royal Asiatic Society of
Great Britain and Ireland". London
- OLZ - "Orientalistische Literaturzeitung". Berlin.
- SI - "Studia Iranica", Paris.
- ZA - "Zeitschrift für Assyriologie und Vorder-
asiatische Archäologie". Berlin-New-York.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Болдырева М.А. Несколько уровней одного стихотворения Т.Х.Нурхади	3
Бурман А.Д. Сцена сотворения мира в бирманской и санскрит- ской драме	II
Джалилов О.Дж. Песни о Гасан-аге и Тагар-хане (к вопросу об историзме в курдском фольклоре)	18
Кушев В.В. Некоторые проявления взаимодействия персоязычной литературы с письменностью на языке папато 17-18 вв.	27
Невелова С.Л. О картине мира в Махабхарате	36
Орлова К.В. Об ойратском переводе "Комментария к Улигер-ун ном"	44
Троцевич А.Ф. "Поединок бога Грозы со Змеем" в корейской культуре	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вовин А.В. Японские заимствования в айномском языке	58
Воевуцкий И.Н. Передача китайских слов еврейскими буквами (к типологии орфографии иудейских языков)	66
Иоаннесян Ю.А. О происхождении одной местоименной энклитики в иранских диалектах	71
Ирене Квонг Лай Ю. Выражение обстоятельства образа действия при глаголах движения в индонезийском языке	77
Ирене Квонг Лай Ю. Глаголы направленного движения в индоне- зийском языке (функция предлогов)	81
Кузьменков Е.А., Пан Т.А. Каузативные глаголы в маньчжурском языке	86
Юсупова З.А. Функции сложных предлогов в диалекте курдского языка аврамани (в сопоставлении с сорани и курманджи)	94

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон. Библиография работ сотрудников ЛО ИВ АН за 1986-1987 годы	103
Список сокращений	161

Часть II

Подписано к печати 15.01.90

Усл. п.л. 10,25. Усл. кр.-отт. 10,38. Уч.-изд. л. 10,11
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Зак. 12. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 50 к.